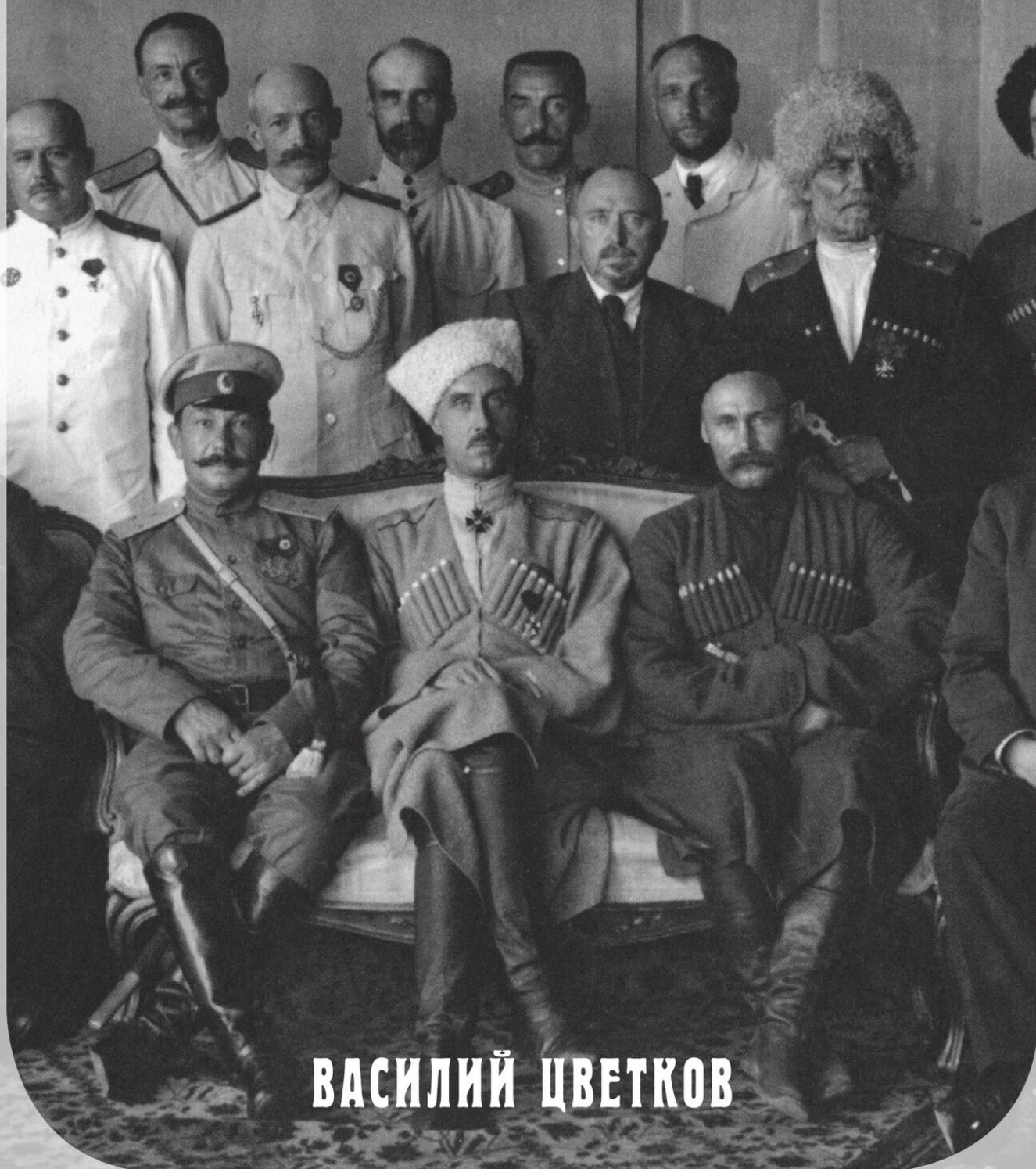

БЕЛОЕ ДЕЛО

В РОССИИ: 1920–1922 ГГ.

ВАСИЛИЙ ЦВЕТКОВ

Гражданская война в России. Белые. Красные. Зеленые

Василий Цветков

Белое дело в России. 1920–1922 гг.

«Яуза»

2019

УДК 66.4
ББК 94

Цветков В. Ж.

Белое дело в России. 1920–1922 гг. / В. Ж. Цветков — «Яуза», 2019 — (Гражданская война в России. Белые. Красные. Зеленые)

ISBN 978-5-00155-001-3

Эта книга – самое фундаментальное, информативное и подробное исследование формирования и эволюции политических структур Белого движения, написанное профессором Московского педагогического государственного университета В.Ж. Цветковым – крупнейшим специалистом по истории Белого дела и Гражданской войны в России. На основе широкого круга источников автор в деталях рассматривает особенности функционирования белых правительств в различных регионах – на Юге и Севере России, в Сибири, на Дальнем Востоке, важнейшие перемены в эволюции их политического курса, а также проблемы взаимоотношений белых правительств и Русской Православной Церкви, историю монархических организаций в Белом движении, антибольшевистское повстанчество 1920–1922-х гг. и экономические планы Белого дела – проекты по «рабочему вопросу» и «финансовому будущему» России. От поражения наступательных операций белых армий под Москвой и Петроградом осенью 1919 г., падения столицы «белой России» – Омска, расстрела Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака, эвакуации Русской армии из Крыма и краха последнего белого правительства в Приморье до заключительного эпизода Гражданской войны – Якутского похода 1921–1923 гг. и повсеместного утверждения советской власти и образования СССР в конце 1922 г. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 66.4
ББК 94

ISBN 978-5-00155-001-3

© Цветков В. Ж., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Часть 3	7
Раздел 1	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	51
Раздел 2	54
Глава 1	54
Глава 2	62
Глава 3	70
Глава 4	78
Глава 5	80
Глава 6	93
Раздел 3	97
Глава 1	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Василий Жанович Цветков

Белое движение в России: 1920–1922 гг

© Цветков В.Ж., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

© ООО «Издательство «Якорь», 2019

Часть 3

Белое дело в России 1919–1920 гг.

(Формирование и эволюция политических структур Белого движения в Сибири, на Севере и Юге России)

«Самое страшное – это большевизм в душах».

А. В. Колчак

«В самой России главной задачей является широчайшая пропаганда Национальной Русской идеи как руководящей идеи народной жизни и государственного творчества. В распространении культурного творческого Национализма, противопоставленного разрушительной классовой борьбе, – спасение России. Организация русских общественных сил на основе такого Национализма – главное дело, которому должны посвятить себя русские патриотические силы».

П. Б. Струве

В третьей части монографического исследования рассматривается проблематика заключительных периодов в истории формирования и эволюции политических структур российского Белого движения. Это время от поражения наступательных операций белых армий под Москвой и Петроградом осенью 1919 г. до падения белого правительства генерала Врангеля в Крыму и первых лет эмиграции. Отражены также проблемы истории Белого дела в 1919–1920 гг. в Сибири и на Севере России.

Раздел 1

Завершающий этап деятельности Российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1919 г. – январь 1920 г.)

Глава 1

Специфика переходного периода в развитии политических структур Белого движения в России (ноябрь 1919 г. – март 1920 г.).

Эволюция политической модели российского Белого движения за период конца 1919 – начала 1920 г. во многом определялась катастрофическими поражениями белых армий, их отступлением от Москвы и Петрограда, потерей в середине ноября крупных центров белого Юга и Северо-Запада (Курска и Ямбурга), падением столицы «белой России» – Омска. Конец 1919 г. ознаменовался и фактическим отказом Великобритании (главного стратегического партнера во второй половине 1918–1919 г.) от поддержки Белого движения. 8 ноября в своей речи в Парламенте Ллойд Джордж отметил три факта, на основании которых надлежало Европе в будущем проводить «русскую политику». Во-первых, признавалось, что «нельзя восстановить Европу без того, чтобы не втянуть Россию в свой экономический оборот», даже несмотря на то, что «большевизм не демократичен». Во-вторых, говорилось о невозможности «подавить большевизм оружием» и о том, что белые армии, «заняв большие области», «восстановили против себя население». Третий факт, по мнению британского премьера, заключался в осознании большевиками своих «ошибок прошлого», которые они «не повторяют» и поэтому «не восстанавливают против себя население». Итак, белые режимы были недемократичны и поэтому нелегитимны, а большевики учли опыт предшествующих лет, стали «демократичнее» и пользуются «поддержкой народа». Великобритании, как и Европе, следует понять, что «торговля наилучшее средство для того, чтобы устранить жестокости, грабежи и ужасы большевизма. Европа сильно нуждается в том, что Россия может дать». «Торговать, а не воевать с советской властью» – этот вывод, озвученный Ллойд Джорджем, стал своеобразным «приговором» Белому движению со стороны «союзников». Премьер напомнил также известные слова лорда Биконсфильда, считавшего, что «великая, все растущая, принимающая колоссальные размеры Россия, как ледник, надвигающийся на Персию, на Афганистан, на Индию, представляет собой самую страшную опасность, которая когда-либо грозила Британской Империи»¹.

Примечательно, что еще в сентябре 1919 г. глава британской военной миссии при Колчаке генерал Нокс, вернувшись с поездки на фронт, заявлял об «отличном настроении» белой армии, подчеркивал (явно преувеличивая), что «каждый патрон, выстреленный русским солдатом в большевиков в течение этого года, сделан в Англии, из английского материала и привезен на английских пароходах». Но при этом генерал говорил, что Англия «сделала все, что могла», и теперь белые «должны сами победить большевиков и сами, без иностранных штыков, установить правительство в Москве». С сентября 1919 г. военные поставки из Великобритании стали осуществляться уже не в кредит и не из неподотчетных фондов военного министерства, а исключительно за наличный расчет. Полковник Стиль, заведующий русским отделом в военном министерстве, проинформировал военного представителя Русских армий при Союзном командовании в Париже генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева, что «Английское правительство не имеет возможности что-либо заказывать для России внутри Англии, так как рабо-

---

¹ Свободная Россия. Ревель, № 54, 7 марта 1920 г.; ГА РФ. Ф. 5936. Оп.1. Д. 367. Л. 69.

чие отказываются работать для вооружения русских армий, действующих против большевиков», и «Английское правительство не имеет кредитов для заказов вне Англии для России»².

Перемены на фронтах и во внешней политике не могли не вызвать изменений и в политическом курсе. С одной стороны, белыми правительствами, как и в 1918–1919 гг., продолжался поиск оптимального варианта государственного устройства, приемлемого и для «победы над большевизмом», и для эффективного управления на контролируемой территории. В конце 1919 г. поражения еще характеризовались как «временные», ожидался, в обозримом будущем, поворот «военного счастья» в сторону белых армий. Виновниками «временных» неудач являлись отдельные чиновники, военачальники, представители «общественности», недостаточно помогавшие фронту, корыстные «деловые круги» – символы «гнилого, обывательского тыла» (по образному выражению поэтессы М. Колосовой). Для преодоления подобных недостатков считались достаточными «кадровые перестановки», перемены в составе управлений и министерств, военного командования. Сторонники данного курса были убеждены, что сложившиеся в 1919 г. политические структуры должны остаться прежними, нужно лишь усилить диктатуру, расширить полномочия исполнительной власти.

Однако, с другой стороны, все заметнее становилась позиция тех, кто призывал к исправлению изъянов самих управленческих моделей белых правительств, основанных на принципе безусловного приоритета единоличной власти. Ограничиваться кадровыми решениями считалось недостаточным, более оптимальным казался вариант расширения представительной основы управления. Данная тенденция стала преобладающей на всех фронтах Белого движения как возможная альтернатива диктаторской модели, основанной на бюрократическом принципе назначения и подчинения. Структуры, в работе которых участвовали выборные или делегированные депутаты – представители определенных социальных, профессиональных или политических групп, признавались более устойчивыми и работоспособными и, главное, более демократичными, «близкими к нуждам населения» по сравнению с совещательно-распорядительными структурами исполнительной власти. Популярным стало утверждение о необходимости отказа от формы организации власти на принципах «Положения о полевом управлении войск», о необходимости расширения полномочий гражданской власти, ее независимости от «засилья военных».

Эволюция политических структур Белого движения в конце 1919 – начале 1920 г. сопровождалась также переменами и в разрешении основных вопросов аграрно-крестьянской, национальной, внешней политики. Это выразилось, в частности, в отказе от принципа «непредрешения» основных политических вопросов до «окончательной победы над большевизмом и созыва Национального Учредительного Собрания». Осознание невозможности скорых военных побед белых армий, важности расширения «базы поддержки» Белого движения составило основу т. н. «нового курса» в деятельности белых правительств, образовавшихся в 1920–1922 гг.

Тем не менее принципиальные положения политических программ не менялись. Не подвергалась сомнению необходимость продолжения вооруженной борьбы с советской властью, однако тактика противоборства становилась иной. Потеря территории, ограниченность военных и людских ресурсов для продолжения борьбы изменили подход к проблемам формирования власти. Для белых правительств, оказавшихся на «окраинах» бывшей Империи, гораздо актуальнее становились проблемы «выживания», а не ожидания скорой победы. Этот последний этап государственного строительства в Белом движении (1920–1922 гг.) – предмет отдельного рассмотрения, но истоки его заключались в переходном периоде – времени, связанном с повсеместными военными поражениями и отступлением белых армий конца 1919 – начала 1920 г. Ранее всего перемены начались в Сибири.

² ГА РФ. Ф. 5936. Оп.1. Д. 411. Лл. 87–88; Наша газета, Омск. № 50, 9 октября 1919 г.

Глава 2

Эволюция политического курса и идеологических установок Российского правительства в сентябре – октябре 1919 г. Проекты создания представительной власти, Земского Собора в планах оппозиции.

Последний номер «Правительственного Вестника», вышедший в Омске накануне его оставления белыми армиями (№ 278 от 9 ноября 1919 г.), был почти полностью посвящен Государственному Земскому Совецанию (далее ГЗС), «Положение» о созыве которого публиковалось на страницах газеты. Для Сибири подобное внимание к созданию такого суррогата представительной модели управления было вполне объяснимо. Еще с весны 1919 г. в различных политических группах говорилось о важности «представительной демократии». Но помимо ГЗС в белой Сибири в качестве основы «демократизации» были признаны структуры земско-городского самоуправления, несмотря на сравнительную «молодость» существования сибирского земства, введенного в 1917 г.

Некоторыми проектами предусматривалось утверждение статуса «Всесибирского Земского Союза». Обсуждение проектов установления «Земсоюза» проходило на заседании Совета министров еще 24 июня 1919 г. и приняло характер столкновения позиций Министерства внутренних дел (проект В. Н. Пепеляева) и Министерства юстиции (проект Тельберга, поддержанный другими министрами и премьером Вологодским). Министр юстиции Г. Тельберг и его сторонники полагали необходимым «предоставить городам и земствам право заключать союзы для объединения и согласования их деятельности по разработке и осуществлению мероприятий, направленных к улучшению и развитию земского и городского дела, в пределах законного круга действий земских и городских учреждений». Проект же МВД сводился исключительно к «разрешению союзов целевых, то есть союзов для достижения определенных целей, например, страхования, борьбы с эпидемиями, обслуживания продовольствием и т. п.». Дискуссия отражала важный вопрос о «взаимном доверии власти и общества». В выступлениях Пепеляева и особенно министра земледелия Н. И. Петрова подчеркивался приоритет правительственных полномочий перед общественными структурами: «переживаемый момент требует особой твердости власти, надо все взять в свои руки, раз мы видим, что такие земства, как Пермское, Приморское... задались целью бороться с правительством. Им надо сказать: «Руки прочь, мы и без вас справимся с возрождением России». В этом отражались ставшие уже традиционными для политической системы опасения «вмешательства земства в политику в ущерб деловой работе». Их оппоненты, особенно премьер П. В. Вологодский и управляющий делами Г. К. Гинс, говорили о важности сотрудничества власти и «общественности», отмечали, что «без содружества с обществом ничего не сделать», и если МВД «не сумело создать власти на местах», то «эта задача под силу только местным людям». Подчеркивалась важность легализации земско-городских союзов для преодоления их оппозиции по отношению к правительству и для прочности создаваемой управленческой модели белой Сибири³.

Показательно, что и со стороны земских деятелей в тот момент замечалось стремление к сотрудничеству с властью. Так, в записке заместителя Председателя Главного Комитета В. Сидорова, поданной в Совмин незадолго до обсуждения вопроса о Сибземгоре, не только отмечалась несостоятельность утверждений МВД о невозможности создания земских и городских объединений, но и признавалась их незаменимость, поскольку «при совершенной невозможности для центральной государственной власти, всецело занятой ныне воссозданием в стране основ государственности и восстановлением разрушенного государственного аппарата, существенно прийти на помощь самоуправлениям..., единственным выходом для них явля-

---

³ A Chronicle of the Civil War in Siberia... Op. Cit. vol. 1, c. 263–268.

ется самопомощь путем объединения в один тесный и сплоченный союз». Результатом заседания Совета министров стала легализация права земств на создание широких объединений, по сути, легализация Всесибирского союза земств и городов, организации – оппонента Временного Сибирского Правительства во время его конфликта с Областной думой в сентябре – октябре 1918 г. Одним из вариантов развития молодого сибирского земско-городского самоуправления представлялось объединение Сибземгора с Далькрайземгором – организацией, представлявшей интересы Дальневосточного самоуправления. Объединение предполагалось в форме «договора товарищества». В докладе, представленном по этому поводу, говорилось, что даже в период советской власти организации удавалось, несмотря на упразднение земского и городского самоуправления, «сохранить деловой аппарат и значительное имущество», которое можно было бы направить на снабжение населения Сибири. Однако прочного союза «власти и общества» не получалось, заручиться поддержкой земства не удалось. Через полгода, в наиболее тяжелый момент крушения Восточного фронта зимой 1919/20 г., Сибземгор снова выступил против правительства⁴.

Другой проект создания полномочного представительного органа власти выдвигался бывшим председателем Сибирской Областной Думы Якушевым, не принимавшим активного участия в политической работе, но сотрудничавшим с оппозицией. В августе – сентябре 1919 г. он встречался с «опальным» генералом Р. Гайдой, отправленным Колчаком «в отпуск» с поста командующего Сибирской армией. Якушев обосновал идею созыва Земского Собора – структуры, призванной стать независимой от правительства основой создания «новой демократической власти», опирающейся на «поддержку народа». Идея Земского Собора как объединения структур местного (земско-городского прежде всего) самоуправления озвучивалась еще с ноября 1917 г. (Земский Собор, созданный при Петроградской городской думе городским головой Шрейдером). В Сибири начиная с осени 1919 г. она будет постоянно возникать в проектах преобразований управленческих моделей антибольшевистской власти, воплотившись в белом Приморье летом 1922 г. Например, при обсуждении проекта созыва ГЗС председателем Акмолинского областного земства П. Паруниным утверждалось, что земские политики стремятся к «созыву представительного органа с полномочиями полного парламента», хотя «временно можно удовлетвориться и «Земским Собором, с представительством главным образом крестьянства». Так сложилось, что осенью 1919 г. идея Земского Собора, полноценного представительного органа, была одобрительно воспринята оппозицией, недовольной принципами «единоличной диктатуры», осуществлявшейся Российским правительством.

В проекте Якушева, оформленном в т. н. «Грамоте Председателя Сибирской Областной Думы», говорилось, что власть «может быть образована только представительным органом, перед которым она и должна быть ответственна. Отсюда – мысль созыва в явочном (то есть независимо от санкций существующего правительства. – В.Ц.) порядке так называемого Земского Собора из представителей земских и городских самоуправлений». На Собор возлагались задачи «создания Временного правительства, ответственного перед Земским Собором..., принятия положения и выработка мер, направленных к созыву Всесибирского Учредительного Собрания, передачи местной государственной власти органам самоуправления..., отмена законов и распоряжений Омского правительства, ограничивающих пользование крестьян землею, уничтожение реакционного режима в армии».

Все это сопровождалось выводом о полной несостоятельности управленческой модели «колчаковщины»: «Десять месяцев диктатуры адмирала Колчака, насильственно свергнувшего выборную власть Директории, привели Сибирь к полному развалу и гибели... Дело возрождения государственности, с огромными жертвами и трудом начатое демократией, преступно погублено безответственной властью... Во имя интересов Родины необходимо действовать.

⁴ ГА РФ. Ф. 193. Оп.1. Д. 43. Лл. 8–11; Ф. 5881. Оп.1. Д. 329. Лл. 13–15; Ф. 9427. Оп.1. Д. 158.

Если существующая власть не поняла своего долга перед Родиной, необходимо этот долг выполнить самому населению». Якушев был убежден в «созидающей, творческой силе» движения сторонников Земского Собора, в его «органическом и национальном характере». В поисках союзников Якушев и его сторонники (М. Н. Павловский) обратились к бывшему члену Уфимской Директории и Верховному Главнокомандующему Российской армией и флотом генерал-лейтенанту В. Г. Болдыреву. Павловский переслал ему копию «Грамоты» с сопроводительным письмом, в котором кратко описал три «течения» общественно-политической жизни белой Сибири. Первое, по его мнению, сосредотачивалось в Омске, «вокруг Государственного Экономического Совещания, стоявшего за «парламентский» метод борьбы в пользу ответственного министерства при сохранении «диктатуры» Колчака». Второе было представлено эсеровским «Сибирским Комитетом членов Учредительного Собрания», выступавшим за созыв Сибирского Учредительного Собрания и временную власть «по образцу Самарского Комуча». Третье – политики земско-городского самоуправления, кооператоры, сторонники Сибземгора, съезд которого (1 октября 1919 г в Иркутске) предполагалось преобразовать в Земский Собор, предварительно проведя довыборы в его состав представителей «от казачьих и национальных самоуправлений» и наделив его учредительными функциями, аналогичными Областной Думе 1918 г. Помимо легальных действий, Павловский указывал на возможность военных «антиколчаковских» выступлений по железной дороге от Владивостока до Нижнеудинска, которые привели бы к передаче власти «группировке из пяти лиц» (новой Директории). Болдырев одобрил подобные планы, назвав заговорщиков «выразителями воли народной», а себя «человеком, безгранично преданным демократическим принципам», но от конкретного участия в подготовке восстаний уклонился⁵.

Идея «действенной борьбы за демократию» стала основным лозунгом участников антиправительственного выступления во Владивостоке 17–18 ноября 1919 г. во главе с Комитетом содействия созыву Земского Собора (через несколько дней после падения Омска, в «годовщину» прихода к власти Колчака) при содействии со стороны местного антиколчаковского подполья. Активным защитником «соборной» идеи стал бывший военный министр Временного правительства автономной Сибири А. А. Краковецкий. Участвовавшие в подготовке восстания Якушев и Гайда выдвинули лозунги возврата к демократическим ценностям «областничества». И, несмотря на его подавление начальником Приамурского военного округа генерал-лейтенантом С. Н. Розановым, это восстание нанесло серьезный удар по слабеющей административно-управленческой структуре белой власти на Востоке России, демонстрацией отказа от диктаторской модели путем обращения к политическому опыту лета 1918 г. Восстание во Владивостоке стало первым среди аналогичных антиправительственных выступлений, прошедших в ноябре – декабре во многих крупных городах Сибири.

Предыстория этого т. н. «гайдовского путча» достаточно показательна. С начала осени 1919 г. в ряде газет, выходящих в Приморье и Маньчжурии, появились статьи, резко критикующие изъятия дальневосточной администрации. Главными «мишенями» стали атаманы Забайкальского и Уссурийского казачьих войск – Г. М. Семенов, И. П. Калмыков, а также генерал Розанов. Наиболее распространенным обвинением стало «самоуправство», понимаемое как сепаратистские намерения к отделению местной власти от «Омского правительства», объявлению «независимого Дальнего Востока». Звучали обвинения о «предательской роли» Семёнова, Калмыкова и Розанова. Зная о недоверии Колчака к Японии, недвусмысленно говорилось о японской поддержке сепаратистов. Незадолго до «путча» стало известно о намерении замкнуть Розанова генерал-лейтенантом Г. Д. Романовским, имевшим репутацию «убежденного

⁵ Русское дело, Омск, № 3, 8 октября 1919 г.; Якушев И. А. Комитет содействия созыву Земского Собора. // Сибирский архив, т. 2. Прага, 1929, с. 76–77; 88–90; Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. Н. Николаевск, 1925, с. 547–549.

американофила» и опыт взаимодействия с союзниками в должности представителя Уфимской Директории при союзном военном командовании во Владивостоке. Немало способствовала этому также позиция управляющего МИДом И. И. Сукина, столь же убежденного сторонника сближения с САСШ. Между тем обвинения в стремлении к «отделению» оказались явно надуманными. 28 октября в телеграфном разговоре с Семеновым Розанов подчеркивал свою лояльность Омску, а атаман отмечал серьезные проблемы в отношениях с союзниками, могущие возникнуть в случае смены руководства во Владивостоке. Обвиняя представителей русской власти, чины американской военной миссии, чешские военные тайно и явно поддерживали оппозицию, эсеровское и даже большевистское подполье, областников, местные партизанские отряды. Отношения с союзниками осложнились после того, как 14 сентября военно-окружной суд оправдал коменданта Владивостокского вокзала подполковника Шарапова, застрелившего нетрезвого американского солдата в ответ на рукоприкладство с его стороны (хотя тот же суд приговорил к 10 годам каторжных работ русского офицера, убившего чешского legionера). 26 сентября главой Междусоюзной Комиссии военных представителей японским генералом Инагаки Розанову был предъявлен ультиматум о выводе в трехдневный срок из города «разных русских отрядов, бронированных поездов», прибывших сюда «за последний месяц». В случае неповиновения союзники грозили применением силы. Назревавший инцидент был жестко и однозначно разрешен самим Колчаком. В ответ на запрос Розанова адмирал, бывший в это время в поездке на фронте, прислал телеграмму-приказ (№ 118 от 29 сентября 1919 г.) и категорически запретил вывод войск из города, отметив, что сделать это можно только по его распоряжению, а не по требованию Междусоюзной Комиссии. «Интересы безопасности страны требуют присутствия русских войск во Владивостоке. Требование об их уходе есть покушение на суверенные права Российского правительства... Владивосток – Русская крепость, где Русские войска находятся под моим Верховным командованием и обязаны исполнять исключительно приказания мои или же моих представителей». Колчак «повелевал» Розанову «не допускать никаких покушений на суверенные права России на территории Владивостокской крепости, не останавливаясь в случае надобности ни перед какими мерами». В итоге союзное командование вынужденно «признало правильность русской точки зрения». Подобные инциденты не только проясняли позиции союзных сил в их отношении к местной администрации, но и свидетельствовали об усилившемся осенью 1919 г., несмотря на военные поражения, стремлении Колчака отстаивать верховные, суверенные права своей власти как всероссийской, общегосударственной. В это время Колчак настойчиво заявлял о своих полномочиях Верховного Правителя (останавливал утверждение земельных законопроектов Особого Сопения, сообщал об отказе признать Северо-Западное правительство и только о «фактическом» признании Финляндии, принимал решение о подчинении Северной области Омску, окончательно санкционировал передачу в залог Шанхайскому банку части государственного золотого запаса и др.). Здесь его не останавливали уже возможные «дипломатические осложнения», которые могли вызвать решения, затрагивающие интересы иностранных подданных.

Розанов, Семенов и Калмыков не утратили своих полномочий, а к началу «гайдовского путча» укрепили статус представителей официальной власти в регионе. После жестокого разгрома восстания Колчак выразил благодарность Розанову за его «решительность». Участники подавления производились в следующие чины и награждались Георгиевскими крестами (а «изменников» Колчак распорядился «судить военно-полевым судом» и заранее указал «повысить всем наказание до расстрела»). Таким образом, интрига, направленная на подрыв доверия Омска к Приморью и Забайкалью, не удалась. Однако нельзя не заметить, что после «путча» отношения Колчака с союзным командованием ухудшились⁶.

⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 596; *Хартлинг К. Н.* На страже родины. События во Владивостоке. Конец 1919 – начало 1920 г. Шанхай, 1935, с. 25–29, 55–59, 77, 87; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921, т. II, с. 444–445.

Параллельно с проектами Якушева – Гайды, идеи о необходимости смены политического курса, высказывался (хотя и в частных беседах) будущий Правитель Приамурского края генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. По его мнению, правительству необходимо было решительно проводить курс на дальнейшее укрепление единоличной власти с перспективой перехода к монархической форме правления как наиболее приемлемой для русского национального сознания и спасительной для Белого движения. Об этом, согласно сохранившимся донесениям военного агента (майор Марино) при «высоком комиссаре Великобритании» в Омске Ч. Эллиота, 7 сентября и 10 октября 1919 г. Дитерихс беседовал с генерал-майором П. Ф. Рябиковым. Будущий защитник идеи монархического Земского Собора отметил, что, в отличие от 1914 г., когда «Россия выступила как защитница угнетенных славянских народов, чтобы впоследствии объединить все славянство... теперь наши доброжелатели, союзники, нас ни о чем не спрашивают, делят Россию оптом и в розницу, устраивая из нее вроде каких-то Удельных Княжеств. Но несчастье тем, когда Россия воскреснет и проснется в ней славянский зверь... пощады не будет за все нанесенные обиды». Дитерихс был также уверен, что «и Франция и Америка в настоящее время убедились, что для России единственный подходящий строй – монархический». Опытный контрразведчик Рябиков, в отличие от Дитерихса, был убежден, что «монархизм не может больше быть в России и если он будет, то это вызовет новую гражданскую войну... слишком смело утверждать, что вся Россия стоит за монархию». Рябиков, напротив, считал, что «Франция и Америка... стоят безусловно за демократический строй в России». Однако переубедить своего начальника ему не удалось. Дитерихс был уверен в неизбежном возвращении к «монархическому строю» и категорически отрицал возможность коалиции с «демократическими политиками». Вообще, в белой Сибири рост монархических настроений совпадал с возрождением социал-демократических идей, областнических ожиданий. Становилось очевидным, что в ближайшей перспективе центристский, «непредрешенческий» курс, проводившийся официальным Омском, неизбежно распадется под влиянием этих тенденций и белой власти придется делать выбор в пользу более определенной политической позиции. Эволюция взглядов Дитерихса показательна. По воспоминаниям генерала от инфантерии В. Е. Флуга, знавшего Дитерихса еще со времени службы последнего в Московском военном округе (в 1901 г. штабс-капитан Дитерихс был прикомандирован к 1-му Лейб-драгунскому Московскому полку), молодой офицер отрицательно относился к «свободомыслию», критиковал «учение» Л. Н. Толстого. Однако в 1917 г., узнав о февральских событиях и будучи командующим 2-й Особой русской бригадой, сражавшейся в составе союзной армии на Салоникском фронте, он в нескольких приказах (№ 51 от 25 марта, № 87 от 10 мая и № 95 от 18 мая 1917 г.) призывал подчиненных повиноваться Временному правительству ради «полной победы над нашим врагом», приветствовал гражданские свободы в «свободной, независимой России», убеждал поддерживать воинскую дисциплину и верность «союзническому долгу». В сентябре 17-го, несмотря на участие в «корниловщине», принял от Керенского должность генерал-квартирмейстера Ставки Главковерха, а незадолго до «переворота» 18 ноября 1918 г. поддерживал демократическое Временное правительство автономной Сибири. Окончательное утверждение в монархических взглядах для Дитерихса произошло в ходе руководства расследованием обстоятельств гибели Царской Семьи. Здесь уместно говорить о подлинном чуде. И к осени 19-го генерал стал убежденным сторонником перемен в политическом курсе официального Омска⁷.

Отмеченное Дитерихсом (его род Дитрихштейнов происходил из древнего Моравского княжества) «славянское единство» было еще одним признаком эволюции внешнеполитического курса Белого движения осенью 1919 г. Заметный резонанс среди омской общественности

⁷ С.П. Мельгунов. Два генерала (к психологии гражданской войны) // Голос минувшего на чужой стороне. Прага, № 1/XIV, 1926, с. 190–193; ГА РФ. Ф. 6399. Оп.1. Д. 25. Лл. 66–66об.; 110, 122–123; Ф. 6683. Оп.1. Д. 16. Лл. 195–200.

в официозной печати получила деятельность Карпаторусского Совета, избранного на «съезде делегатов от карпаторусских колоний и Карпаторусского добровольческого отряда» в Челябинске 5–6 октября 1918 г. В опубликованном в январе 1919 г. т. н. «Катехизисе добровольца-карпаторосса» говорилось о неизбежности объединения Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси) с Россией на основе «областного самоуправления». Обосновывалась историческая связь Галицкого и Волынского княжеств с Русью, отмечалась «гибельность» создания независимой Украины. Но заявлялась важность создания автономных вооруженных формирований в составе Восточного фронта: «Единственная цель и задача, для которой мы формируем наши войска, это – освобождение Прикарпатской Руси от вражеского гнета и свободное объединение ее с Россией». «Вражеским гнетом» признавалась не только австро-венгерская «оккупация», но и претензии Польши на присоединение Прикарпатья и вообще любые «незаконные посягательства соседей на территорию Прикарпатской Руси». Прошедший 14 апреля – 26 мая 1919 г. 2-й Карпаторусский съезд в Омске принял развернутые резолюции о будущем статусе Прикарпатья, переизбрал состав ЦК (его председателем стал доктор А. В. Копыстьянский, ревностный сторонник «славянского единства» в противостоянии «германо-большевизму»). Избегая обострения отношений с Польшей, съезд в то же время отмечал: «Приветствуя от души братский польский народ с осуществлением его мечты о восстановлении польского государства в пределах коренных польских земель, съезд с горечью и болью в сердце наблюдает за ходом борьбы на территории Галицкой Руси и заявляет, что вековая борьба между Польшей и Россией прекратится только в том случае, если все русские земли и в их числе Галицкая, Буковинская и Угорская Руси войдут в состав Российского государства». В отношении к Украине говорилось о важности развития культурной автономии при категорической недопустимости независимости («сознавая себя частью малорусского племени, отвергая всякие насильственные меры по отношению к малорусской речи, съезд клеймит и осуждает попытку кучки украинских фанатиков с помощью заграницы создать «самостийную» Украину и таким образом нанести непоправимый удар всему русскому народу. Съезд призывает всех малороссов, кому только дорог Киев, «Мать русских городов», остаться верными заветам Богдана Хмельницкого и, подняв голос протеста против украинских сепаратистов, встать на защиту Единой, Неделимой Руси»). Завершались резолюции призывом: «В момент грозной для России опасности Карпаторусский Съезд обращается ко всему русскому народу с горячим призывом забыть внутренние распри и теснее сплотиться вокруг Собирателя Земли Русской, Верховного Правителя, ведущего страну через победу над анархией к Национальному Собранию». Одной из важнейших задач признавалась защита интересов Прикарпатья на мирной конференции в Париже (сюда прибыла делегация Карпаторусского Комитета во главе с Д. А. Марковым). Правда, вопреки ожиданиям, конференция постановила, что «Восточная Галичина будет временно находиться под гражданским управлением Польши», с учетом «гарантии широких автономных прав и привилегий для всех национальностей». Когда в мае 1919 г. польские войска вошли на территорию Галичины, объединившись с румынскими войсками в районе г. Черновцы, члены Совета Прикарпатской Руси заявляли о том, чтобы «Колчак (и Россия) ... заставили поляков отказаться от захватных посягательств».

В знак поддержки «Славянского единения» съезду было отправлено послание от кадетской партии, в составлении которого участвовал бывший член Уфимской Директории В. А. Виноградов. Приветствие подчеркивало идею единства восточноевропейского славянства, его противостояние «германизму» вместе с Единой Россией: «Пять лет тому назад во имя защиты попранных прав маленькой Сербии подняла меч Великая Россия... В тяжком испытании войны дрогнул русский народ, но его правое дело все-таки восторжествовало... На развалинах ниспровергнутой Австрии, исконного недруга славянства, создаются молодые государства Чехословацкое и Югославянское, малые своими размерами, но крепкие национальным своим воодушевлением, великим порывом независимости и свободы. К новой жизни воскресает и

многострадальная Польша, сумевшая через всю долгую ночь своего тройного порабощения пронести священный огонь патриотизма и национального самосознания. Бьет час пробуждения всего западного славянства. Но и великий русский народ может ныне радостно и достойно приобщиться к этому всеславянскому празднику... Стихийно воссоздается Русское Государство, и никакие силы в мире не воспрепятствуют возрождению его былого величия... И неразрывными узами будет связано все славянство... Опасности внешние должны еще теснее сплотить воедино новые славянские государства с Россией. Угроза германизма еще не устранена окончательно. Германия разбита, ее силы надломлены, но она еще может оправиться, и в союзе с немецкой и мадьярской Австрией она не перестает оставаться врагом славянства... Освобождением наших западных братьев начинается новая глава всемирной истории. Дорога широкая и ясная открывается перед нами. Союз славян на мировом череду».

Ярким свидетельством готовности сражаться за «Единую, Неделимую Русь» стало обращение ко «Всем уроженцам Прикарпатской Руси», составленное А. Копыстьянским (опубликовано 11 августа 1919 г.) и призывавшее к «само-мобилизации» уроженцев Прикарпатья (от 18 до 40 лет) в ряды армии. С приветствием к «Братьям Карпаторуссам» обратился 5-й Чрезвычайный Войсковой Круг Сибирского Казачьего Войска. Как «верных и самоотверженных сынов Единой, Великой России» приветствовал их Омский блок политических и общественных организаций. 22 августа Совет министров принял постановление «о призыве карпаторуссов» на военную службу («как военнопленных, так и беженцев и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от Советской власти»).

Важную поддержку карпаторусскому движению оказала Русская православная церковь. Глава Временного Высшего Церковного Управления, архиепископ Омский Сильвестр (Ольшевский), лично служил панихиды по погибшим в боях галичанам. 12 октября 1919 г. владыка освятил стяг отправлявшегося на фронт 1-го Карпаторусского полка (на нем был вышит образ Почаевской Божией Матери, особо почитаемый в Галицкой Руси, и древний галицкий герб), принял присягу, благословил солдат и офицеров.

Показательно, что одновременно с омским съездом деятельность защитников Русского Прикарпатья активизировалась и на белом Юге. 30 мая 1919 г. с докладом на имя Деникина в Екатеринодаре выступил член Русского Народного Совета Прикарпатской Руси поручик Г. С. Малец, организатор Добровольческого Карпаторусского отряда. Напомнив предысторию создания отряда в январе 1918 г. при безусловной поддержке генерала Алексеева, его участие в «Ледяном походе», Малец заявлял о важности широкой мобилизации уроженцев «Червонной Руси» в ряды специальных формирований в составе ВСЮР (Чехословацкий батальон, в рядах которого начинали свой боевой путь карпаторуссы, наравне со всеми подразделениями Чехокопуса в России перешел под французское командование). Русский Народный Совет Прикарпатской Руси, действовавший на белом Юге, подчеркивал те же самые условия взаимодействия Белого движения и прикарпатских русинов, что и высказанные в декларациях омского съезда: «Воссоздать Русскую армию и восстановив единое Русское государство, помочь также Прикарпатской Руси освободиться от иноземного ига и воссоединиться со всеми Русским миром в единое целое». Призывы к единству с Россией ради сохранения национальной самобытности, противодействия полякам и Петлюре, «предавшему Украину» ради союза с Польшей, содержались в ряде воззваний («Братья Галичане!»), изданных в декабре 1919 г. В рядах ВСЮР, в боях против армии Н. Махно сражался Славянский стрелковый полк, состоявший из чинов бывшего Чехословацкого батальона и карпаторуссов⁸.

⁸ Карпаторусское Слово. Екатеринбург, № 3 (4); Омск, № 9, 27 апреля 1919 г.; Омск, № 15, 6 июля 1919 г.; Правительственный вестник, Омск, № 221, 28 августа 1919 г.; № 22, 1 октября 1919 г.; № 25, 23 октября 1919 г.; Русское Дело. Омск, № 8, 14 октября 1919 г.; Доклад Члена Р. Н. С. Прикарпатской Руси Г. С. Малец // Белый архив, Париж, кн. 1, 1926, с. 163–174.

Однако предполагаемого «славянского единства» не получилось. Вместо ожидавшейся поддержки Российского правительства руководство чешских легионов поддержало оппозицию Колчаку. В середине ноября 1919 г. члены Чехословацкого Национального Комитета в Сибири Б. Павлу и Гирса разослали «представителям союзных держав» Меморандум, гласивший: «Войско наше согласно было охранять магистраль (Транссиб, по условиям международного т. н. «железнодорожного соглашения», подписанного в марте 1919 г. – *В.Ц.*) и пути сообщения в определенном ему районе», однако, «охраняя железную дорогу и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которое здесь воцарилось. Под защитой чехословацких штыков местные русские военные организации позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир» (хотя имелись в виду действия колчаковского правительства, подавлявшего партизанские отряды и революционное подполье, подобные упреки вполне могли относиться и к чешским легионерам, охранявшим Транссиб и вынужденным отражать нападения партизан на железную дорогу. – *В.Ц.*). «Пассивность» объяснялась «прямым следствием принципа невмешательства в русские внутренние дела», при котором легионеры, «соблюдая безусловную лояльность, становятся, против своей воли, соучастниками преступлений». Единственным выходом авторы Меморандума считали «немедленное возвращение домой из этой страны» и «предоставление свободы к воспрепятствованию бесправия и преступлений, с какой бы стороны они ни исходили».

Верховный Правитель, безусловно, не мог расценить подобный демарш иначе как нарушение суверенитета России, тем более ошутимое в момент, когда с представителями Чехословацкого корпуса велись переговоры о возвращении на фронт в обмен на повышенное денежное довольствие и предоставление земельных участков в Сибири всем желающим легионерам. Государственное Экономическое Совещание единогласно одобрило законопроект Министерства земледелия о предоставлении земель переселенцам из Прикарпатья и рассматривало аналогичный проект в отношении льгот переселенцам из Чехословакии. 5-й казачий круг Сибирского Войска в особой декларации постановил присвоить одному из полков имя Яна Гуса и приветствовал «братьев чехословаков», «братьев сербов», «сражавшихся вместе с нами, славянами, за освобождение России». Ожидалось прибытие в Россию сербских воинских контингентов (учитывая, что Королевство СХС было единственным государством, «де-юре» признавшим Колчака). 13 октября на «защиту Омска» выступил объединенный «Славянский Добровольческий отряд», включавший в свой состав добровольцев – сербов и чехов.

Напрасные надежды вызвали у Верховного Правителя резкую реакцию. 25 ноября Колчак, через Сазонова, потребовал немедленного отзыва из России Павлу и Гирсы, как лиц, «вступивших на путь политического интриганства и шантажа». Широкою известность получила фраза Правителя о неумении чешских политиков «вести себя более прилично» и об их отзыве из России в случае необходимости. Правда, многим в окружении адмирала была очевидна справедливость «критики», содержащейся в чешском Меморандуме⁹.

Стремление многих сибирских политиков и военных к переменам объяснялось не столько ухудшением положения на фронте (напротив, Грамота о созыве ГЗС была принята во время успешной для Русской армии Тобольской операции (16 сентября), а проекты государственного реформирования, предложенные казачьей конференцией, сопровождались заявлениями о поддержке Колчака и Вологодского), сколько стремлением сделать систему управления более работоспособной. Расширение полномочий Государственного Экономического Совещания и последующее его преобразование в Земское Совещание представлялись в этом

⁹ Последние дни колчаковщины. ГИЗ. М.-Л., 1926, с. 112–113; Карпаторусское Слово, Омск. № 18, 25 августа 1919 г.; № 24, 13 октября 1919 г.; *Болдырев В. Г.* Указ. соч., с. 550–551; *Серебренников И. И.* Мои воспоминания, т. 1. В революции (1917–1919), Тяньцзинь, 1937, с. 261–262.

отношении вполне закономерными. Конечно, поражения Белого фронта осенью 1919 года, сдача Омска ускорили кадровые перестановки, способствовали переменам в политическом курсе. И все же вряд ли правомерно говорить о тотальном кризисе власти. Лозунги оппозиции власть вполне могла бы сделать «своими». Возникавшие проблемы можно было преодолеть, опираясь как на военные успехи (в случае развития Тобольской операции или удачной «обороны Омска»), так и на административные перемены. Примечательна в данном отношении оценка событий в дневнике управляющего военным министерством Российского правительства барона А. П. Будберга. В беседе с прибывшим из Парижа в Омск генерал-лейтенантом Н. Н. Головиным (запись от 10 сентября) он отмечал необходимость «смены всего состава Совета министров (кроме Устругова и Краснова (Министра путей сообщения и Государственного контролера. – В.Ц.)) и удаления... Вологодского... К государственной работе должны быть привлечены все деловые и честные люди, без различия партий, но с обязательством временно забыть партийные шоры и исполнять общую государственную программу». Помимо персональных перемен, Головин и Будберг соглашались с важностью введения представительной власти, причем в довольно оригинальной форме: «Нужен открытый и честный разрыв со всем, что желает идти путем черной реакции и повторения смертельных ошибок прошлого; надо, чтобы правые разумно полевели, а левые отказались от своих утопий и подкопов и встали на деловую почву; тогда станет возможной средняя дорожка совместной работы по воссозданию опрокинутых и разрушенных оснований государственной и общественной жизни на новых, здоровых, приемлемых для народа и выгодных народу началах. Тут нечего бояться даже чисто народной Совдепии, ибо она совершенно не схожа с комиссарской Совдепией и не выходит за границу широкого местного хозяйственно-административного самоуправления». Но именно этот распад «центристских позиций» стал очевидным осенью 1919 г.

Эти же мотивы роковых кадровых ошибок, характерные для части военно-политической «элиты» белой Сибири, звучали и в заключительных страницах дневника Будберга, написанных уже после его отставки и переезда в середине ноября во Владивосток (где он вместе с Розановым подавлял «гайдовцев»). По его мнению, правительство отличалось «дряблостью, отсутствием определенной деловой программы», не соответствовало «насущным нуждам» «кондового населения Сибири». Нужны были «продолжительные и широкие реформы», работа «революционного времени». Вместо этого власть занималась бесполезным законотворчеством всероссийского, «имперского» масштаба. «Мы восстановили все министерства, со всеми их деталями и закоулками, но не восстановили власти, не восстановили ее деятельности и ее морального и физического воздействия на население; хотели создать орган высшего, да еще всероссийского масштаба, а получили второстепенные омские магистратуры, забывшие в своем дуте величии о черной земле и ее серых нуждах». Абсолютно не соответствовал должности премьера Вологодский. На его месте гораздо эффективнее работал бы И. А. Михайлов («подпольный руководитель правительственной деятельности»), сумевший в нужный момент поддержать Верховного Правителя. «Исключительная обстановка требовала исключительных людей, а не добросовестных делопроизводителей и усердных просиживателей министерских кресел; нужны были кипучие люди, энергичные, нешаблонные реформаторы и организаторы, способные на настоящее творчество, на создание новых и разумных форм и новых здоровых порядков; нужны были таланты, способные понять, что произошло на русской земле и как нужно строить новую жизнь, отвергнув старые и новые скверны и сохранив все здоровое и разумное, что было в старом и чему научило новое».

Тем не менее, даже после столь пессимистичного прогноза, Будберг полагал возможным добиться перемен к лучшему. Нужно было бы «всеми мерами спасти армию; министерствам бросить Омск, откатиться подальше в тыл и на новом месте отрешиться от омских ошибок и омского размаха и начать настоящую работу по мелкому ремонту и воссозданию разрушенных жизненных частей государственного управления, с минимумом работы в министерствах

и максимумом на местах, в самой стране. Исполнение безумно тяжело, быть может, едва ли осуществимо, ибо пожар восстаний, охвативший почти всю населенную Сибирь, почти уничтожает возможность работы среди населения; все восстания сопровождаются истреблением чиновников, священников, учителей и мелкой интеллигенции»¹⁰. Осуществились, однако, худшие предположения...

Глава 3

Перемены в Российском правительстве после «омской эвакуации». «Смена курса» в условиях развития военно-политического кризиса белой Сибири (ноябрь – декабрь 1919 г.).

14 ноября 1919 г. – роковая дата в истории всего Белого движения. Падение Омска – столицы белой Сибири и фактически столицы всей Белой России, не могло не вызвать перемен. Сразу после «эвакуации» правительство стремилось объяснить, что неудачи носят временный характер и связаны исключительно с военным превосходством большевиков, а не с ошибками собственной политики. Так, в телеграмме-декларации, отправленной по каналам МИДа иностранным послам еще накануне отступления (11 ноября), говорилось о «временном», «вынужденном оставлении Омска» (проводились параллели с эвакуацией французского правительства из Парижа в 1914 году, когда правительство покинуло столицу, но войска и население ее отстояли). Подчеркивались «высокий моральный дух» войск и «крепнущая в народе ненависть» к «грубым узурпаторам власти – большевикам-интернационалистам». Все это считалось залогом грядущего «пробуждения национального чувства» и «победы над большевизмом». В официальных документах Российское правительство «спокойно взирало на будущее с полной верой в конечный успех» и «твердой уверенностью», что «оно доведет эту борьбу (с большевизмом. – В.Ц.) до победного конца».

Сохранялась еще и внешняя лояльность к покинувшему Омск правительству. За период с 15 по 20 ноября в поезд Верховного Правителя поступали телеграммы, письма, оптимистично оценивавшие перспективы Белого дела в Сибири и Приморье. Так, например, в полученном от Хабаровской городской думы сообщении говорилось, что «отход армии и даже оставление Омска не поколеблет власть... Страшен не большевизм, а общественное уныние, разброс сил». Дума, к обращению которой присоединились местные отделения Союза возрождения, кадетской партии и Славянского братства, призывала к «тесному объединению власти, героической удвоенной борьбе за Великую, Неделимую Россию, олицетворяемую Верховным Правителем России». «Весь Дальний Восток, являющийся ныне тылом армии, проявит величайшую выдержку и спокойствие, даст бойцов для спасения Отчизны»¹¹.

«Оптимальный» путь решения политических проблем в условиях единоличной власти, опирающейся на бюрократический аппарат, – это перемены в звеньях управленческой модели, персональные, кадровые перестановки в правительственных структурах. Данная тенденция отразилась в указе Верховного Правителя от 24 ноября 1919 г., принятом в г. Новониколаевске, где оказался поезд Колчака. Согласно ему Совет Верховного Правителя, так и не получивший четкого статуса, распускался. Взамен него создавалось Верховное Совещание в целях «преподания тех общих указаний по вопросам удовлетворения многообразных потребностей армии и управлению страной, которые должны внести строгую согласованность в действия представителей правительственной власти на местах и сосредоточить всю работу прежде всего на служении фронту». При утверждении указа Колчак ссылался на часть 2 ст. 3 «Положения об устройстве государственной власти в России», предоставлявшую ему право «принятия чрезвычайных мер для... водворения гражданского порядка и законности», и данный указ вводился в

¹⁰ Будберг А. Дневник, 1919 год // Архив русской революции. Берлин, 1924, т. XV, с. 307, 329–341.

¹¹ ГА РФ. Ф. 341. Оп.1. Д. 52. Лл. 23–24; Ф. 193. Оп.1. Д. 49. Л. 2.

действие по телеграфу, до его опубликования Правительствующим Сенатом. «Чрезвычайная» обстановка требовала концентрации власти. Верховное Собрание создавалось на паритетных началах из представителей «фронта» и «тыла» – военной и гражданской власти. В него входили Главнокомандующий Восточным фронтом и его помощники, а также генерал-квартирмейстер при штабе Главковерха, председатель Совета министров и «основные» министры: военный, внутренних дел, иностранных дел, путей сообщения, финансов, снабжения и продовольствия. Полномочия новой структуры определялись одним пунктом: «разработка общих указаний по управлению страной, объединение деятельности отдельных ведомств и согласование ее с работой армии». Требовалось «сосредоточить всю работу прежде всего на служении фронту».

Указ о создании Верховного Собрания завершался требованием «полной законности в деятельности всех органов, как военной, так и гражданской власти... ограждения общественной безопасности, защиты личной собственности». В части форм взаимодействия военной и гражданской властей функция Верховного Собрания, в сущности, мало отличалась от прежнего Совета при Верховном правителе: по признанию Колчака, «этот орган никоим образом не может конкурировать с Советом министров, так как не располагает аппаратом и является лишь совещательным органом при мне»¹².

Одновременно были опубликованы два обращения Колчака: «К населению Сибири» и, достаточно необычное, «К крестьянам». В первом подводился итог годичному правлению («год тому назад, приняв на себя тяжкий крест верховной власти»), отмечались успехи: «Наша армия... нанесла тяжкие удары большевикам, облегчив победное движение армий Юга и Севера России, ведущих свою боевую работу для одних и тех же целей, во имя этих же целей объединившихся под одним Верховным Главнокомандованием». Несмотря на это, признавались ошибки: «Теперь мы переживаем время отхода армий наших в глубь Сибири и вторжение красных банд, несущих беспредельную анархию, разорение и кровавую гражданскую войну». Заканчивалось обращение призывом «защищать себя, свои семьи, свое достоинство с оружием в руках» и «немедленно вступать в ряды Русской Армии». Аналогичный призыв содержался и в обращении «К крестьянам». Поскольку острота земельных противоречий не была характерна для Сибири и Дальнего Востока, крестьянство привлекалось к защите белой власти перспективой «преимущественного представительства» в ГЗС.

Основной мотив обоих воззваний был патетически-эмоционален. «Я объявляю Родину нашу и все Российское Национальное дело в опасности, – провозглашал Колчак, – и во имя спасения ее призываю всех свободных граждан Сибири к оружию и немедленной помощи армии всем своим достоинством»¹³. Данные документы стали фактически последними официальными актами, подготовленными по инициативе и при непосредственном участии самого Верховного Правителя (хотя проект Верховного Собрания приписывался Иванову-Ринову). В них четко проводилась идея: «Тыл должен помогать фронту». Создание Собрания было принципиально верным политическим решением, направленным на «укрепление власти» в условиях, требующих большей оперативности руководства, однако оно не дало ожидаемых результатов. Структура оказалась неработоспособной по сугубо техническим причинам: министры заседали в Иркутске, штаб командующего фронтом был в Новониколаевске (город был взят РККА 13 декабря 1919 г.), а поезд с Верховным Правителем двигался по железной дороге к Красноярску. Видя происходящее «ослабление режима» оппозиция очень скоро стала требовать уже не структурных и персональных перемен, а смены всего политического курса. Дальнейшие распоряжения и указы принимались Правителем после их согласования с Иркутском и выражали,

¹² ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 15а. Лл. 2–13; Последние дни колчаковщины. ГИЗ. М.-Л., 1926, с. 134–135.

¹³ Правительственный вестник. Иркутск, № 279, 25 ноября 1919 г.; № 280, 26 ноября 1919 г.; Голос тайги. Мариинск, № 1, 29 ноября 1919 г.

в значительной степени, требования сторонних политических групп и «деятелей общественности».

Новой столицей белой Сибири и белой России стал Иркутск. В отличие от Омска это был более крупный, более приспособленный к административным функциям город (губернский центр), хотя и удаленный от Европы, но близкий к государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего к Японии, США и Китаю). В довольно предвзятой оценке омского журналиста, активного деятеля Русского Бюро печати В. Н. Иванова (будущего советского писателя), в 1919 г. «все государственно-мыслящее осаживалось в Омске... вот почему бразды правления и в правительстве, и в общественности приняли по преимуществу Казань, Самара, чуть Пермь. Все... торгово-мыслящее предпочитало Новониколаевск. Солидные, тихие люди тянули на Томск, в тайгу, а все будирующее, протестующее и семитически-страстное скапливалось или в Иркутске с оттенком политическим, либо в Харбине – с нюансом спекулятивным». Правительство выехало в Иркутск 10 ноября 1919 г. и сравнительно быстро прибыло туда 18 ноября (в годовщину «омского переворота»). Однако не все структуры аппарата должны были переехать в Прибайкалье. В Иркутск переезжали Правительствующий Сенат, Министерства просвещения, финансов, путей сообщения, МВД и Союз городов. В Томск (центр сибирской высшей школы и Томской епархии) – соответствующий отдел минпроса и Управление по делам вероисповеданий. Во Владивосток (ближе «к морю» и «загранице») – кредитный отдел минфина и Комитет заграничной торговли. Наконец, в Читу, к атаману Семенову, – Главное управление казачьих войск, «конференция и все другие казачьи учреждения». Подобная рассредоточенность, очевидно, диктовалась не только ограниченными возможностями размещения правительственного аппарата, но и стремлением к децентрализации, «приближением» власти к непосредственным интересам и запросам тех или иных хозяйственных, социальных, религиозных структур. Роковая для Белого дела эвакуация Омска еще не признавалась таковой. Политический курс Российского правительства не прерывался, но продолжался бы в новых условиях. В действительности все оказалось иначе.

Эвакуационные мероприятия должны были контролироваться специально созданным Совещанием представителей ведомств по эвакуации и устройству служащих правительственных учреждений во главе с Главноуполномоченным МВД по эвакуации В. Ф. Рыбаковым. Первый опыт вывоза гражданских учреждений из прифронтовой полосы появился еще в июле – августе 1919 г., во время отступления Восточного фронта на Урале и в Предуралье. Очевидно, в расчете на стабилизацию фронта правительственные структуры (в частности, уездные и губернские отделы МВД, Министерства земледелия, Министерства финансов) эвакуировались из Пермской, Екатеринбургской, Тобольской губерний в последнюю очередь. Одними из первых в эшелонах, отправлявшихся на Восток, выезжали служащие земского и городского самоуправления, народного просвещения и даже кооперативных контор, хотя им, в силу специфики деятельности, не грозили репрессии со стороны наступавшей Красной армии, а их помощь местному населению, при перемене власти, могла быть существенной. Они вывозились в Прибайкалье, Забайкалье и даже еще далее – на Дальний Восток. Показательно, что ко времени прибытия в Иркутск Совета министров Российского правительства из намеченных для его размещения 12 зданий в центре города несколько из них оказались заняты Обществом потребителей Забайкальской железной дороги, Правлением Пермского потребительного общества, Комиссией по расследованию деятельности Монгольской экспедиции по заготовке мяса и шерсти, эвакуированными учреждениями из Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний.

Пропускная способность Транссиба (двухпутной магистрали) оказалась недостаточной для эвакуации всех органов управления. Правительственные структуры как местного, так и центрального (омского) аппарата, отправлялись с нарушениями графика движения, задерживались на крупных станциях. Вне очереди, по второму пути (предполагалось, что по нему должны продвигаться только ремонтные и санитарные поезда-летучки) были отправлены

литерные составы с Верховным Правителем и золотым запасом. Недостаток перевозочных средств приводил нередко к составлению смешанных поездов, в которых «повагонно» размещались чиновники тех или иных ведомств, их семьи, делопроизводственная и бухгалтерская документация, беженцы, торговые и банковские работники, воспитанники учебных заведений и т. д. (по принятым Главноуполномоченным МВД нормам в вагоне размещалось, «по возможности», 25 человек, но на практике это постоянно нарушалось). В одном из таких составов находилось, например, Оренбургское войсковое правительство. Решение об эвакуации Омска было принято слишком поздно, и наладить должную связь между отдельными структурами оказалось технически невозможно. Хаотичность проводимых мероприятий усугублялась т. н. «деэвакуацией» (возвращением правительственных учреждений из-за якобы улучшения на фронте). Так, в начале октября 1919 г. из Петропавловска в Верхнеудинск выехали уездная земская и городская управы и съезд мировых судей, в Красноярск – отделение Государственного банка, в Читу – служащие Управления государственных имуществ, в Новониколаевск – уездная милиция, а в Сретенск – все петропавловские учебные заведения. Но уже 26 октября, накануне вступления в Петропавловск частей РККА, в него вернулись земская и городская управы, почтовые и банковские чиновники и, что оказалось роковым решением, семьи местных милиционеров.

Несмотря на намерения сохранить максимально возможный темп правительственной работы даже «на колесах» (в частности, Русское бюро печати собиралось издавать «походную» газету и информационный листок, для чего был подготовлен специальный вагон-типография), значительная часть правительственного аппарата оказалась неработоспособной в первые же дни после эвакуации Омска. Многодневные простаивания в «ленте» железнодорожных эшелонов, в условиях острого недостатка воды, топлива и продовольствия, приводили к гибели сотен людей. Страшные, трагические страницы истории эвакуации Омска, Великого сибирского «Ледяного похода» еще недостаточно изучены в истории гражданской войны и заслуживают, несомненно, отдельной книги...

Для самого же Колчака наступал своеобразный военно-походный, или «эшелонный», период управления. Его специфика заключалась в том, что, покинув Омск накануне его падения (12 ноября), Верховный Правитель на пути до Красноярска еще сохранял определенную связь с «фронтом», с войсками, отступавшими на Восток, но фактически потерял контакт с «тылом», с правительством. После «Красноярской катастрофы», в результате которой большинство частей Восточного фронта погибло в окружении Красной армии и местных партизан, Колчак утратил связь и с армией. По мнению генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева (начальника отдела снабжения при Главковерхе), именно указ о создании «мертворожденного» Верховного Совещания «устанавливал управление страной из поездов», «при помощи совещаний по телеграфу». Не обладая достаточным политическим опытом, Колчак оказался под воздействием различных групп и «деятелей», предъявлявших ему требования, подчас взаимоисключающие. Трагедия власти, по оценке Гинса, заключалась в «невозможности согласовать управление страной, так как правительство, состоявшее из Верховного Правителя и Совета министров, оказалось в это время разорванным на части» и «ни первый, ни второй не могли ничего решить окончательно»¹⁴. Драматизм положения Правителя и правительства усугубляла постоянно меняющаяся политическая конъюнктура и ухудшавшееся положение на фронте. В решающие для судьбы Белого движения дни Великого сибирского «Ледяного похода» от власти требовалась скорее не «гибкость», а решительность и твердость, чем она не обладала.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 4669. Оп.1. Д. 4. Лл. 34–36 об.; 66–67 об.; 75; Д. 23. Лл. 1–4; Гинс Г. К. Указ. соч., с. 458; Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985, с. 96; Иванов В. Н. В гражданской войне. Харбин, 1921, с. 17–18.

Будучи в Иркутске, Российское правительство оказалось в сфере влияния социал-демократических настроений и группировок. В той или иной мере все они находились в оппозиции существующей власти. Сам управляющий губернией П. Д. Яковлев был бывшим политическим заключенным. По воспоминаниям близкого соратника Колчака, главы Морского ведомства контр-адмирала М. И. Смирнова, «губернская земская управа и городская дума, состоящая исключительно из социалистов, настроены оппозиционно..., но... в составе социалистов нет крупных людей, все они политики и только ссорятся между собой». В своих рапортах Вологодскому иркутский губернатор Яковлев постоянно подчеркивал, что «для спасения от новых потрясений» важно тесное сотрудничество с «общественностью»¹⁵. Именно Яковлев одним из первых озвучил на заседании Совета министров программу необходимости «отречения Верховного Правителя, смены его правительства и высшего военного командования; переход от военного к гражданскому управлению страной в рамках не всероссийских, а только сибирских, и, наконец, созыв Земского Собора». В своих заявлениях он был не одинок. Управляющего губернией поддержало губернское земство, утвердив на своем собрании 7 июля 1919 г. резолюцию, в которой фактически осуждался «переворот 18 ноября», говорилось о падении авторитета Российского правительства среди ведущих мировых держав и о восстановлении доверия к власти только путем «созыва Земского Собора как представительного органа на территории, освобожденной от большевиков, и как переходной ступени к Учредительному Собранию». Оппозиционность Иркутска усиливалась и за счет многочисленных, эвакуированных сюда с Урала и из Западной Сибири земских, городских служащих, работников кооперации. Многие из них выражали явное недовольство «провалами политики Колчака»¹⁶.

Переезд в Иркутск для правительства стал «поворотным событием». В опубликованной сразу же после прибытия декларации Совета министров говорилось: «Предстоящая работа правительства немыслима вне самой тесной связи с широкими прогрессивными кругами общества, хотя бы их взгляды и не всегда совпадали с взглядами власти... В сотрудничестве правительства и общественности будут познаны обоюдные ошибки... Осуществление того, что не может быть претворено в действительность силами одной власти, будет проведено в жизнь при активном содействии общества»¹⁷. Развернутую программу преобразований предлагал Гинс, давший интервью «о задачах власти» после приезда Совета министров в Иркутск. В нем говорилось как о текущих проблемах (разрешение неотложных задач в области обеспечения денежными знаками, продовольственного снабжения, реорганизации транспортных перевозок, борьбы с эпидемиями), так и о «проблеме укрепления власти», решение которой представлялось Управляющему делами Совмина в «объединении в кабинете всех активных сил и созыве народного представительства». Из предполагаемых перемен Гинс выделял следующие: «В Совет министров должны войти люди земства, казачества, промышленности и других групп населения»; «Совет министров – не парламентский кабинет, он составлен исключительно по деловым основаниям, а не на партийной коалиции..., но сейчас более пригоден принцип смешанный..., за счет сокращения числа министров может быть введено в Совет министров несколько членов Совета без портфеля из числа влиятельных общественных деятелей»; «остается приблизить власть к населению, увеличив число ее представителей на местах и созвав крестьянские съезды»; «сферы действия военных и гражданских властей должны быть точно разграничены: гражданская власть должна приспособиться к выполнению более широких функций»¹⁸. Так, с первых дней «иркутского периода» Российское правительство декларировало готовность не только к персонально-структурным переменам, но и к изменению основ-

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 473. Лл. 1–2; Ф. 195. Оп.1. Д. 30. Лл. 1–5.

¹⁶ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Катастрофа. Белград, 1931, с. 62–63; ГА РФ. Ф. 4669. Оп.1. Д. 4. Лл. 66–67 об.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 176. Оп.5. Д. 245. Л. 236; Правительственный вестник. Иркутск, № 279, 25 ноября 1919 г.

¹⁸ Правительственный вестник. Иркутск, № 280, 26 ноября 1919 г.; Гинс Г. К. Указ. соч., с. 447–449.

ных направлений внутренней и внешней политики, и, возможно, радикальным уступкам ради усиления взаимодействия власти и общества. Но поскольку «общественность» была в большинстве своем оппозиционной, то «сотрудничество» с ней вскоре привело к критическим последствиям.

Следующим событием, связанным с «переменой курса», стала отставка премьера. П. В. Вологодский дважды в течение 1918–1919 гг. (после «переворота» 18 ноября и в мае, в момент правительственных разногласий о назначениях на должности министров внутренних, иностранных дел и юстиции) заявлял о своих намерениях уйти с должности главы Совета министров. В ноябре, когда рассуждения о «смене курса», создании т. н. «правительства солидарности» с участием в его составе представителей оппозиции потребовали реального воплощения, необходимость отставки стала ясной для Вологодского, и ранее не «цеплявшегося за власть». После обсуждения политической ситуации на заседании Совета министров 20 ноября было решено отправить телеграммы Колчаку, что и сделали Гинс и сам Вологодский. В обеих телеграммах необходимость отставки объяснялась следующими факторами: продовольственный и финансовый кризисы, поражения на фронте, недоверие к власти со стороны населения («все призывы власти к обществу о помощи армии, об участии в санитарном деле встречаются холодом и безразличием»). Разрешение кризиса намечалось двумя способами – усилением самостоятельности председателя Совета министров в кадровой политике («предсовмину должно быть предоставлено составить новый кабинет с безусловными полномочиями, заменить министров новыми лицами, сократить число министров») и «привлечением в кабинет влиятельных общественных деятелей» («устранение непопулярных лиц и замена их деятелями, объединение которых в кабинете знаменовало бы согласованность всех общественных сил»). Определенные сомнения со стороны Совмина высказывались по поводу образования, «в чрезвычайном порядке» Верховного Сопения: «Над Советом министров создавалось новое верховное учреждение в весьма сомнительном составе с засильем военных властей»¹⁹. В ходе переговоров с Вологодским Колчак согласился с его отставкой и предложенным планом укрепления полномочий Совмина, отметив при этом важность своего решения о создании Верховного Сопения как структуры, необходимой для текущей военно-политической работы.

Добровольная отставка Вологодского способствовала временной консолидации правительства, но не разрешила общего политического кризиса. Бывший премьер был назначен председателем Комиссии по подготовке выборов в Национальное Собрание, хотя первоначально эту должность должен был принять Н. В. Чайковский, уже выехавший из Парижа, где он работал в составе Русского Политического Сопения. С 23 ноября преемником Петра Васильевича стал министр внутренних дел В. Н. Пепеляев. Еще в мае 1919 г. Вологодский не поддерживал идеи назначения Пепеляева на должность министра, мотивируя это его «грубостью», «надменностью» в отношениях с подчиненными и «правыми» взглядами²⁰. Но осенью ситуация изменилась. Фигура Виктора Николаевича Пепеляева импонировала своей молодостью (ему было 37 лет), энергичностью, определенным авторитетом среди «общественности» (правда, кадетской, а не социал-демократической, так как Пепеляев возглавлял Восточный отдел партии народной свободы) и связями с военными кругами (младший брат нового премьера, Анатолий, был популярным в Сибири генералом – командующим 1-й (бывшей Сибирской) армией Восточного фронта). Пепеляев родился в г. Нарыме Томской губернии, окончил юридический факультет Томского университета и преподавал историю в гимназии. Его политическая деятельность началась с избрания депутатом IV Государственной Думы от Томской губернии и вступления в ряды кадетской партии. С началом Великой войны он стал

¹⁹ Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с., 126–127; A Chronicle of the Civil War in Siberia... Op. Cit. vol. 1, с. 330–334; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. с. 450–457.

²⁰ A Chronicle of the Civil War in Siberia... Op. Cit. vol. 1, с. 243.

активным деятелем Земгора, а 1917 год принес ему первый, хотя и небольшой (с марта по май), опыт правительственной работы в должности комиссара Временного правительства в Кронштадте. Молодой кадетский политик стал участником Совещаний бывших депутатов Государственной Думы и Государственного Совета и с лета 1917 г. сблизился с военными структурами, поддерживавшими выступление генерала Корнилова, а затем возглавил военный отдел («военку») кадетской партии. Как и многие его товарищи по партии, Пепеляев после октября 17-го работал в составе Всероссийского Национального Центра (ВНЦ), ведя сперва подпольную работу в Петрограде и Москве. В августе 1918 г. он выехал в Сибирь по указанию Центра и вскоре возглавил Восточный отдел кадетской партии. Как уже отмечалось, накануне «омского переворота» Пепеляев выступал с заявлениями о необходимости поддержки единоличной власти и в конце ноября 1918 г. перешел на работу в МВД, а с мая 1919 г. занял должность управляющего Министерством. По оценке его коллеги в составе Совмина И. И. Сукина, у Пепеляева было «рыцарское отношение к национальной идее и Верховному Правителю... он отличался редкой политической честностью». На протяжении 1919 г. Пепеляев считался выразителем «правых взглядов», сторонником восстановления монархии посредством военной диктатуры. Аналогичные оценки давал Пепеляеву генерал для поручений Ставки Главковерха генерал-майор М. А. Иностранцев: «Принадлежа к партии кадетов, он отличался едва ли не наибольшей работоспособностью из всех министров Колчака и порученное ему министерство устроил, насколько было возможно, по условиям тогдашней сибирской обстановки, весьма удовлетворительно». Хотя Иностранцев замечал также, что «особенной широтой государственных взглядов он, по-видимому, не отличался»²¹.

Смена лидера неизбежно повлекла за собой и смену «команды». Состав Совета министров, по предложению Пепеляева, был обновлен за счет приглашения чиновников, обладавших определенным политическим и деловым авторитетом, приехавших в Иркутск с Юга России и из-за границы. Потомок известного московского мецената, создателя знаменитой «картинной галереи», бывший председатель Московского биржевого комитета и Главного экономического комитета 3-го состава Временного правительства, участник работы Русского Политического Совещания в Париже и министр торговли и промышленности в составе Российского правительства С. Н. Третьяков стал заместителем председателя Совета министров и управляющим Министерством иностранных дел (министром по-прежнему считался проживавший в Париже Сазонов). Бывший председатель Тверского комитета Союза городов, один из создателей ВНЦ, член Государственного Экономического Совещания А. А. Червен-Водали стал вр. и. о. управляющего Министерством внутренних дел. Еще один член ВНЦ, бывший глава Товарищества торговли мануфактурой, член Центрального военно-промышленного комитета и также делегат Экономического Совещания П. А. Бурышкин, принял должность министра финансов. 29 ноября Сукин, Л.В. фон Гойер (министр финансов, преемник И. Михайлова с августа 1919 г.) и Тельберг оставили свои посты. Министерство продовольствия и снабжения расформировывалось, а Министерства морское и труда, торговли и промышленности понижались до статуса управлений. Главой последнего стал товарищ министра, энес, алтайский кооператор и член Сибирской Областной Думы А. М. Окорочков. Бывший товарищ министра юстиции, председатель Барнаульского окружного суда А. И. Морозов стал министром юстиции. Последний состав колчаковского правительства, наконец, окончательно преодолел свой «провинциализм» и персонально становился общероссийским, несмотря на то что Н. И. Петров (министр земледелия), Л. И. Шумиловский (глава управления труда) и Г. К. Гинс (управляющий канцелярией Совета министров) сохранили свои посты. Близость ведущих фигур Совмина к ВНЦ, к кадетской партии, их связь с белым Югом, казалось, должны были способствовать консолидации Белого движения. Однако с точки зрения «деловой работы»

²¹ ГА РФ. Ф. 5960. Оп.1. Д. 1а. Л. 91; Наша газета. Иркутск, № 3, 29 ноября 1919 г.; *Сукин И. И.* Указ. соч., с. 428.

Совет министров оказался расколотым. Авторитетные в политических сферах Зарубежья и белого Юга деятели были «приезжими» для Сибири и не смогли быстро адаптироваться к новой обстановке. Психологически они противопоставлялись оставшимся министрам и становились ответственными за все предстоящие неудачи и ошибки.

Показательно, что принятие должности премьера не стало неожиданным для Пепеляева. Гинс вспоминал о своих переговорах с Пепеляевым во время переезда из Омска в Иркутск, когда глава МВД «горел желанием демократизировать курс правительства, подчинить себе военные власти, а впоследствии добиться выезда Верховного Правителя из Сибири..., привлечь в правительство Колосова, известного эсера, и поднять опять бело-зеленый флаг»²². На последнем заседании Совмина, под председательством Вологодского, 24 ноября Пепеляев огласил свою программу реформ. Она сводилась к «управлению страной только через министров, приглашаемых по свободному выбору председателем Совета министров и утверждаемых Верховным Правителем», «отказу от военного управления страной», «расширению прав» ГЗС (наделением его законодательными функциями), «приближению власти к народу, сближению с оппозицией и объединению всех здоровых сил страны», а также «полному невмешательству в сферу гражданского управления страной, вверенной Совету министров, учрежденного при Верховном Правителе Верховного Сопровождающего, функции которого должны быть ограничены функциями Сопровождающего по обороне». Отдельно выделялись «сближение с чехословаками», «всяческая поддержка добровольческого движения» и «уменьшение чиновного персонала министерств»²³. В сущности, Пепеляев стремился точно соответствовать пунктам 4 и 5 «Положения о временном устройстве государственной власти» (т. н. Конституции 18 ноября 1918 г.), согласно которым «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного Правителя», и «все акты Верховного Правителя скрепляются Председателем Совета министров или Главным Начальником подлежащего ведомства». Вспомним, что нарушение данного пункта Колчаком, пытавшимся расширить полномочия своего Совета, вызвало правительственный кризис в августе 1919 г.²⁴.

Глава 4

Проекты реформирования структур исполнительной и представительной власти. «Административная революция» В. Н. Пепеляева и попытки организации «национального сопротивления большевизму».

Проблемы перестройки аппарата управления заключались в том, что еще в конце 1918 г., в развитие «Конституции 18 ноября», не было принято необходимых подзаконных актов, регламентирующих полномочия Совета министров применительно к специфике гражданской войны. Статус Совета министров продолжал определяться исходя из «Учреждения Совета министров» (Св. Законов. Т. 1., ч. 2, изд. 1906 г.) и «Положения о Совете министров» 1916 г., в которых не учитывались вопросы образования независимой законодательной власти в белой Сибири, необходимости совмещения законодательной и исполнительной функций в правительстве. Это попытался исправить новый премьер, предложив проект «Положения о Совете министров». Согласно этому документу (см. приложение № 1) Совет объявлялся структурой, призванной утверждать «все законодательные предположения», «предварительно рассматривать акты Верховного Управления», «направлять и объединять действия главных Начальников Ведомств по предметам высшего государственного управления». Можно отметить, что еще при

²² Гинс Г. К. Указ. соч., с. 450.

²³ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Лл. 256–257; Наша газета. Иркутск, № 3, 29 ноября 1919 г.; La Cause Commune. Общее дело, Париж, № 63, 25 декабря 1919 г.

²⁴ Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 130–131.

Вологодском (в конце октября 1919 г.) Совет министров, ввиду готовящейся эвакуации Омска, упростил порядок принятия решений, определив момент вступления в силу всех законодательных актов без их «обнародования Правительствующим Сенатом», а сразу же после «распубликования» сих актов в официальной части «Правительственного вестника». Наконец, 7 ноября 1919 г. «в исключительных случаях», обусловленных «переездом Совета министров в Иркутск и затруднительностью сношений» было решено принимать «постановления по вопросам внутреннего управления, не затрагивающих основ государственного строя» и без их окончательного утверждения Верховным Правителем. Правда, подобные полномочия считались временными, до момента приезда Правителя в «новую резиденцию Правительства из действующей армии»²⁵.

Тем не менее статус председателя Совета министров заметно укреплялся. Пепеляев фактически становился самостоятельной фигурой, независимым «помощником Верховного Правителя по гражданской части». Предполагалось, что он может приостанавливать, отменять, а равно и утверждать собственным решением законодательные акты, выступать с законодательной инициативой в Государственном Земском Совецании. Вся кадровая политика находилась в ведении премьера, составлявшего список министров и подававшего его на утверждение Верховному Правителю. Существенным «перекосям» в сторону преимуществ гражданской власти над военной было предложенное Червен-Водали право министров участвовать в обсуждении стратегических планов Ставки и право обязательного одобрения Совмином кандидатуры командующего фронтом²⁶.

Правительственные реформирования должны были затронуть и систему подведомственных министерствам структур. Многочисленные, созданные в течение 1918–1919 гг. Советы, Совецания и Комитеты, построенные на основах межведомственного сотрудничества и представительства различных коммерческих, научных и общественных кругов, должны были уступить место двум структурам – «Политическому Совету» и «Комитету экономической политики» из ведущих министров; таким образом как бы «разделялись» политические и экономические вопросы. Сохранял свое положение «Комитет по обеспечению законности и порядка в управлении», созданный еще в июне по инициативе Тельберга. Укреплялась коллегиальность при обсуждении решений, что не умаляло, однако, роли премьера: «никакая, имеющая общее значение мера управления не может быть принята Главными Начальниками ведомств помимо Совета министров». Назначение на должности 3-го и 4-го класса (бюрократическая элита) контролировалось Совмином. Отпуск кредитов по «специальным узаконениям», «сверхсметные кредиты» на незначительные суммы также предполагались в компетенции обновленного правительства. Вводились должность Заместителя Председателя Совета министров (с правами равными Председателю), весьма необходимая, как показали последующие события, для работы в условиях отсутствия премьера. Вводились также должности членов Совета министров, имевших равные с министрами права и ответственных за реализацию отдельных ведомственных проектов. Что же касается самого Верховного Правителя, то проектом Пепеляева его деятельность сводилась к утверждению предлагаемых премьером министров, подписанию принятых Совмином законов и «председательствованию» на заседаниях правительства. Более того, «в обстоятельствах чрезвычайных» Председатель Совета министров мог принимать «быстрые и решительные меры», о которых информировал Верховного Правителя уже «постфактум»²⁷.

²⁵ Правительственный вестник. Омск, № 276, 7 ноября 1919 г.

²⁶ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 25. Лл. 1–2; Ф. 5881. Оп.1. Д. 473. Л. 3; Правительственный вестник. Иркутск, № 292, 12 декабря 1919 г.

²⁷ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 25. Лл. 1–4, 5, 7, 9.

По существу, Совет министров, в том виде, как это предполагалось Пепеляевым, должен был стать, вероятно, наиболее полномочной структурой исполнительной власти из всех правительственных моделей, существовавших в различных фронтах и регионах Белого движения на протяжении гражданской войны. В случае реализации проекта Совмин становился централизованной структурой, наделенной правами решения практически всех вопросов внутренней и внешней политики, законодательной инициативы, а также контроля за исполнением принятых законодательных актов. Расширение полномочий Совета министров вписывалось в принципиально новую формулу власти, суть которой точно выразил Третьяков в своей речи на последнем заседании Государственного Экономического Совещания (8 декабря 1919 г.). Перефразируя известную фразу, сказанную еще в Государственной Думе В. Д. Набоковым, – «власть исполнительная да подчинится власти законодательной», Третьяков заявил: «В области управления власть военная да подчинится власти гражданской». Несколькими днями раньше в интервью перед иркутскими журналистами он отметил, что «деятельность нового правительства будет основана исключительно на лояльности и доверии. Политические интриги, борьба партий и личностей больше не могут быть терпимы». Характерно, что Третьяков еще в октябре 1919 г., угрожая своей отставкой с поста министра торговли и промышленности, писал Вологодскому: «Мы должны знать всю правду о положении на фронте, мы должны быть в курсе предположений высшего (военного. – В.Ц.) начальства, мы обязаны взвесить и обсудить эти предположения»²⁸.

Конечно, времени для реализации предполагаемых реформ катастрофически не хватало. Счет для Российского правительства шел уже не на месяцы, а буквально на сутки и часы. Положение на фронте еще оставляло небольшие надежды на перемены к лучшему. В начале декабря предполагалось не допустить продвижение 5-й советской армии дальше Новониколаевска, укрепить воинские части за счет призыва в ряды добровольческих «дружин самообороны» и организации т. н. «Народного ополчения» (из добровольцев и мобилизованных старших возрастов под контролем органов земского и городского самоуправления). Здесь проявилась идея создания боевых единиц, способных выразить «единство» фронта и тыла, продемонстрировать «национальное сопротивление большевизму». Еще до эвакуации Омска, в августе – ноябре 1919 г., эту же задачу преследовало формирование дружин Святого Креста и Зеленого Знамени. В них сочетались религиозное движение (православных христиан и мусульман) и гражданская инициатива (запись проводилась на добровольных началах, за счет привлечения беженцев из Поволжья и Урала, горожан и зажиточных крестьян Красноярской и Иркутской губерний).

В духовном окормлении движения главная роль принадлежала православным иерархам Урала и Сибири: архиепископу Омскому и Павлодарскому Сильвестру, епископу Уфимскому и Златоустовскому Андрею. Впервые идея создания дружин была высказана еще в феврале 1919 г. в «Обращении ко всем истинным патриотам России» подпоручика Е. М. Саратовцева (опубликовано в журнале сибирского казачества «Иртыш»). В нем говорилось: «Братья! Создайте воинскую часть, которая была бы образцом для армии в смысле обладания высокими положительными качествами и состояла бы исключительно из людей высоконравственных, честных и религиозных. Пусть эта часть называется 1-й Всероссийской Христианской дружиной. Она в сотрудничестве с другими частями войск должна будет настойчиво добиваться скорейшего освобождения Церкви и Отечества от насильников и вообще от всех врагов, как явных, так и тайных... Эта же самая дружина должна будет побуждать к дружной и сплоченной работе для восстановления разрушенного войной и внутренними неурядицами государственного (народного) хозяйства, дабы спасти родину от экономической зависимости извне». Почин

²⁸ ГА РФ. Ф. 196. Оп.2. Д. 4. Л. 8; Наша газета. Иркутск, № 12, 12 декабря 1919 г.; La Cause Commune. Общее дело. Париж, № 63, 25 декабря 1919 г.

молодого офицера поддержал епископ Уфимский Андрей. В газете «Возрождение» он писал: «Находя Ваш проект организовать новые воинские части по орденскому принципу вполне полезным для нравственно-исстрадавшейся Родины, требующей духовного обновления, я от всей души благословляю Вас начать это Святое Дело». Однако эта же идея не нашла поддержки у Главного священника армии и флота протоиерея Александра Касаткина. Он полагал, что поскольку «в каждом полку имеются священники, пользующиеся высоким авторитетом и зарекомендовавшие себя в деле учительства и нравственного влияния с самой лучшей стороны; Богослужения не только совершаются, но и посещаются воинскими чинами весьма усердно; молитвы утренние и вечерние введены», поэтому «говорить о создании каких-то новых частей на принципах религиозности, нравственности, любви к Родине и уважения к дисциплине не только излишне, но и вызывает чувство обиды за нашу доблестную армию, которая так ярко проявляет и в своей жизни, и в борьбе с неприятелем эти высокие христианские и гражданские принципы» (рапорт от 2 апреля 1919 г.)²⁹.

Тем не менее реализация идеи о создании воинских частей, построенных на основах борьбы с «безбожным Интернационалом», начала осуществляться в белой Сибири осенью 1919 г., при активной поддержке генерала Дитерихса. «Торгово-промышленный класс» призван был оказывать поддержку новым формированиям, что выразилось преимущественно в обращениях Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности. Аналогичные тенденции существовали и в других белых регионах. Иррегулярные, по существу, подразделения были созданы в 1919 г. и в Северной области в виде «Национального ополчения». Большое значение в подготовке добровольческого движения имела также деятельность приват-доцента Пермского университета Д. В. Болдырева, выступавшего за начало «Священной войны», «крестового похода» против «иноплеменных поработителей Отечества». Общее руководство формированием Дружин Святого Креста и Зеленого Знамени осуществлялось бывшим активным деятелем Союза офицеров армии и флота, сподвижником генерала Корнилова генерал-лейтенантом В. В. Голицыным и Болдыревым. Духовное окормление выполнял митрофорный протоиерей Петр Рождественский. Он же стал председателем Братства по организации дружины Святого Креста и Зеленого Знамени памяти Патриарха Московского Гермогена. Численность дружин в разных городах колебалась от нескольких десятков до нескольких сот добровольцев. Они формировались практически везде: от Иркутска до Петропавловска, Ишима и Тобольска, а их общая численность достигала 6 тысяч человек. «Крестоносцам» предстояло не только численно укрепить ряды поредевших частей, но и вдохнуть в них порыв, волю к борьбе, стать примером жертвенности тыла фронту во имя общей победы³⁰.

С ярким призывом «К населению» обратился «патриарх областничества», «почетный гражданин Сибири» Г. Н. Потанин: «К оружию, граждане! Банды большевистские у ворот. Нет, они уже сломали ворота, озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и огне, ворвались в родную Сибирь. Наши войска, наши защитники, сыновья, мужья, отцы изнемогают в усилиях сдержать их... Сдержать или умереть? Иного выхода нет. Мы все это должны сознавать, должны дружно откликнуться на призыв правительства идти в ряды защитников Родины». Активным «пропагандистом» идеи добровольческого движения стал и сам Пепеляев. 7 августа 1919 г. он выступил в Тобольске на собрании представителей местной администрации, городского и земского самоуправления, кооперативов. Речь начиналась горькой констатацией факта: «Вы хотите знать правду. Вы ее услышите. Положение на фронте чрезвычайно серьезное – армия, которая раньше героически шла вперед, ныне под давлением противника отходит». Однако уверенность в победе сохранялась потому, что «успехи или неуспехи на нашем

²⁹ Сибирская Речь. Омск, № 78, 11 апреля 1919 г.; Иртыш. Голос Сибирского Казачьего Войска. Омск, № 6, 1919, с. 11–12.

³⁰ Сибирская Речь. Омск, № 207, 23 сентября 1919 г.; Русское дело. Омск, № 4, 9 октября 1919 г.; № 18, 26 октября 1919 г.; № 19, 28 октября 1919 г.

фронте нельзя рассматривать изолированно, – ведь генерал Деникин продолжает движение вперед» («поход на Москву». – *В.Ц.*). Но и самообольщаться не приходилось: «Надеяться можно только на самих себя, и живую силу в тылу надо создавать нам самим. Союзники живой силой нам не помогут. Материальная же помощь будет продолжаться... Нужно широкое добровольческое движение». Эти слова подтверждались опытом борьбы с партизанским движением в Енисейской и Иркутской губерниях. В рапортах и докладах в МВД (апрель – май 1919 г.) часто отмечалась «организация дружин из цензовых элементов», «из старожилов», «добровольцев из золотопромышленников», бывших «целиком на стороне правительства». Призыв к «самообмобилизации» соседствовал у Пепеляева с ответом на критику правительственного курса: «Правительство уверено в возможности борьбы и будет ее вести, но она будет успешна только тогда, когда помощь общества будет действительной... Требуют, чтобы правительство было демократичным... Кто говорит, что правительство реакционное, тот лжет. Правительство знает, что грехи прошлого нельзя и невозможно повторять. Оно вообще хочет опираться на все население. При этом надо знать, конечно, что часть тех, кто предъявляет из глубокого тыла к правительству неисполнимые требования, просто хочет ослабления борьбы. Работа их на руку большевикам. Поэтому правительство ставит... своей первой задачей объединить государственно-мыслящие, вернее сказать, государственно-действующие элементы». Пепеляев жестко завершал свое выступление: «Перед нами выбор. Растерянность, паника, анархия и гибель всего – или соединение всех сил для отпора и спасения страны. Выбор ясен!»

Сформированные в сентябре – октябре 1919 г. добровольческие дружины получили благословение архиепископа Омского и Павлодарского Сильвестра. 26 октября 1919 г. Братством Святителя Московского Гермогена в омском городском театре было организовано торжественное собрание, на котором выступили Колчак и иерархи православной церкви. Адмирал отметил начало нового этапа в развитии «добровольчества»: «Добровольческое движение возникло в России одновременно с победой большевизма и развалом старой Русской армии. Возникло в России добровольчество сначала на Юге, где вокруг истинных сынов Родины – генерала Алексеева, память которого мы недавно чтим, и его сотрудников, генералов Корнилова и Деникина, образовались отряды, превратившиеся ныне в мощные армии (15 ноября было решено отмечать в качестве памятной даты – дня рождения Добровольческой армии. – *В.Ц.*). На Востоке добровольчество возникло иначе. Здесь оно связано с выступлением братского нам чешского народа, причем добровольческие силы пополнялись преимущественно беженцами, на себе испытывшими гнет большевизма. Ныне добровольчество возникает уже в среде сибирского населения и на новой основе, под лозунгом Святого Креста и Зеленого Знамени. И это естественно. Ведь что такое большевизм? Большевизм в его практической сущности – это социализм, доведенный до абсурда, построенный на противоречиях, ведущих к отрицанию национальности и религии. Но нет национальности без религии, поэтому большевизм интернационален и атеистичен. Возрождение государства идет поэтому всегда путем пробуждения национального чувства и подъемом чувства религиозного. Великий Русский народ не может погибнуть. Не раз наша Родина переживала тяжкие времена; и ныне Россию спасет идея религиозная, идея Креста. Мы переживаем небывалое, поистине историческое событие: враждовавшие прежде Крест Христов и Полумесяц теперь соединились, чтобы вместе ринуться на борьбу с атеизмом большевизма. И Крест, и Полумесяц победят. Я приветствую добровольцев, которые идут восстанавливать нашу Родину». Обращаясь к историческим примерам из эпохи крестовых походов, Колчак напомнил слова, сказанные на Церковном соборе в Клермонте: «Так хочет Бог». «Добровольчество потому у нас возникло, что так хочет Бог. А раз это так, я уверен, что мы победим»³¹.

³¹ ГА РФ. Ф. 193. Оп.1. Д. 40; Правительственный вестник. Иркутск, № 285, 2 декабря 1919 г.; Сельская жизнь. Красноярск, № 71, 10 декабря 1919 г.; № 48, 20 сентября 1919 г.; Русская армия. Омск, № 176, 16 августа 1919 г.; № 224, 17 октября

20 сентября с обращением к «Верующей пастве Церкви Енисейской» обратился епископ Енисейский и Красноярский Назарий, также отметивший духовные перемены в общественной жизни: «Не монархия, не республика, не тот или другой политический, социальный или экономический строй стоит теперь перед нами, а стоит Россия, стоит Родина, хранимая в воспоминании во всем своем величии, а теперь опозоренная, умаленная, ограбленная, разрушенная. Настал последний час, когда решается вопрос быть или не быть нам, когда будущее смотрит нам в глаза так грозно и страшно... Ныне великое испытание, может быть, последнее испытание наличия и твердости нашей веры. Во что бы то ни стало мы должны сохранить ее, и путь к этому один – путь сознания своей греховности, своей жизни, путь слез, покаяния и молитвы перед Богом». А 4 и 9 декабря по благословению вр. управляющего Иркутской епархией епископа Киренского Зосимы в Иркутске прошли крестные ходы, в городских храмах служились молебны Божией Матери и Святителю Иннокентию Иркутскому. Прихожане призывались к покаянию и молитве о даровании победы белому воинству. Но как далеко оказалась полная страстей политическая борьба, разворачивавшаяся в эти дни в Прибайкалье, от призывов к покаянию и единству в борьбе против наступавшей Красной армии³².

Следуя программе нового премьера Пепеляева, основные изменения должны были проходить в области усиления «гражданской власти». В связи с этим возрастало значение МВД как ведомства, призванного укрепить управленческую вертикаль, стать ведущим в обновленном Совете министров. Новый глава ведомства А. А. Червен-Водали изложил свою программу в интервью газете «Русское дело». Кредо управляющего МВД сводилось к следующей позиции: «Поскольку в момент вооруженной борьбы с большевизмом задачи гражданской власти должны заключаться в полном поддержании в тылу условий, дающих возможность армии спокойно и уверенно выполнять свою роль на фронте, постольку военная власть должна быть избавлена гражданской администрацией от всего, что излишне обременяет военное ведомство и усложняет задачи его представителей». «Преобладание военно-административного воздействия» в белой Сибири Червен-Водали не считал нужным, отмечая важность применения разработанного на белом Юге «Временного Положения о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением ГК ВСЮР». В нем основная часть полномочной гражданской власти осуществлялась Управлением внутренних дел. Но, в отличие от белого Юга, Червен-Водали намеревался «действовать в контакте и через посредство земских и городских самоуправлений», несмотря на краткость их существования в Сибири и явно оппозиционные настроения³³.

Важным направлением правительственных преобразований стало также сокращение штатов Совета министров и министерств, усиление управленческой дисциплины. Данное направление работы вел Государственный контролер Г. А. Краснов, предлагавший свой проект реорганизации правительства (он сохранял свой пост во всех составах Совета министров). Основные положения этого проекта были разработаны еще в октябре 1919 г. в Омске, но полностью опубликованы в Иркутске. Их основой стали предложения, высказанные Колчаку делегацией Государственного Экономического Сопределения в августе 1919 г. Краснов предполагал, что «в Совет Министров должны войти члены Правительства..., возглавляющие ведомства, имеющие исключительное значение в условиях момента» (председатель Совмина, министр внутренних дел, министры иностранных дел, финансов, путей сообщения, военный министр и министр юстиции, а также Генерал-Прокурор). Все остальные министерства преобразовывались в Управления. В Совет министров вводились два министра без портфеля (очевидно, на эти должности намечалось назначить представителей оппозиции) для «высшего наблюдения»

1919 г.; Русское дело. Омск, № 19, 28 октября 1919 г.

³² Сельская жизнь. Красноярск, № 48, 20 сентября 1919 г.; ГА РФ. Ф. 140. Оп.1. Д. 16. Лл. 26–26 об.

³³ Русское дело. Иркутск, № 24, 9 декабря 1919 г.

над Управлениями по делам торговли и промышленности, вероисповеданий, труда, народного просвещения и др. Малый Совет должен был включать в свой состав всех товарищей министров и начальников управлений. Предполагалось сокращение аппарата вдвое (за счет младших служащих и чиновников особых поручений) и упразднение всех Советов при министерствах³⁴.

Не обошли стороной перемены и представительную власть. 8 декабря 1919 г. на заседании Экономического Совещания, также переехавшего в Иркутск, его председатель Гинс снова подчеркнул отсутствие у власти опоры на представительный орган, что делает ее недостаточно легитимной, вредит единству общества и власти (см. приложение № 2): «Существенную помощь оказывает всегда правительству поддержка народного представительного органа. Его не было». Причины этого Гинс усматривал, с одной стороны, в несовершенстве системы выборов, дающих преобладание «односторонне партийной» системе с ее «не-угасшими симпатиями к социалистическим экспериментам» (что доказывал опыт Сибирской Областной Думы и Уфимской Директории). С другой стороны – стремление к «общероссийскому масштабу», при котором «всероссийская власть... не могла опереться на представительный орган, избранный одной Сибирью, так как для решения широких общегосударственных проблем местный областной орган был бы недостаточен». Тем не менее «мысль о представительном органе не оставляла правительство. Результатом исканий правительственной и общественной мысли явилось учреждение Государственного Экономического Совещания». И хотя «это был не представительный орган, но это был мост к нему»³⁵.

Следующим шагом в реформировании власти стало, как отмечал Гинс, преобразование Государственного Экономического Совещания в Государственное Земское Совещание. Но и этого в декабре 1919 г. казалось уже недостаточным в рамках курса на «расширение сотрудничества власти и общества». 3 декабря Советом министров было принято постановление «О некоторых изменениях в Положении о Государственном Земском Совещании и в Положении о выборах в него». В нем были исключены «члены по назначению», и новый состав ГЗС становился «исключительно выборным». Было расширено выборное представительство «от сельского населения» посредством увеличения в два раза квоты выборных от уездов и замены выборов на «соединенных съездах» нескольких уездов выборами депутата от каждого уезда. Учитывалась и региональная специфика белой власти, опиравшейся теперь на районы Прибайкалья и Забайкалья: в три раза увеличивалось представительство «от бурятского населения», а от Забайкальского казачества требовалось выбрать 5 (вместо 3) депутатов. На одного депутата увеличивалось представительство от казачьих войск Востока России (Сибирскому казачьему войску следовало выбрать одного депутата «от неказачьего населения»). Увеличивалось представительство от профсоюзов (с 5 до 7 депутатов). Менялось представительство и от «вероисповедных организаций». Число депутатов от православных приходов выросло с 5 до 7, от старообрядческих – с 2 до 3. Появилось представительство от «буддийских приходов» (еще одно отражение специфики региона) – 3 депутата и, что казалось невозможным всего месяц назад, представительство «от иудейского вероисповедания» (3 депутата от Еврейского Национального Совета)³⁶. Подобные изменения, безусловно, имели целью дальнейшую «демократизацию власти». Как отмечал Гинс, «эта идея является в настоящее время весьма важной, ибо нет спасения ни для кого из нас, если мы не сможем пойти навстречу народу. В его руках сейчас все»³⁷.

³⁴ Русское дело. Омск, № 3, 8 октября 1919 г.; Правительственный вестник. Иркутск, № 291, 11 декабря 1919 г.

³⁵ Правительственный вестник. Иркутск, № 293, 13 декабря 1919 г.; Гинс Г. К. Указ. соч., с. 463; Серебренников И. И. Указ. соч., с. 267–268.

³⁶ Правительственный вестник. Иркутск, № 289, 7 декабря 1919 г.

³⁷ Правительственный вестник. Иркутск, № 293, 13 декабря 1919 г.

Хотя предлагаемая модель управления представлялась более демократичной, приходилось «жертвовать» общегосударственным статусом. Теперь речь шла уже не о «всероссийском» и даже не о «всесибирском» представительном органе (напомним, что данная идея была не нова, так как той же Комиссией по созыву Национального Учредительного Собрания проводилась подготовка к созыву Всесибирского Учредительного Собрания), а только о структуре, отражающей интересы подконтрольной белым армиям территории Сибири и Дальнего Востока. Но, несмотря на это, подобный шаг показывал серьезную «эволюцию режима». Стремление к переменам отразилось и на местах. Интересные предложения содержались в резолюции, утвержденной на заседании Красноярской городской думы 5 декабря 1919 г. Поддержав призыв Колчака к созданию дружин «народного ополчения», депутаты высказали опасения, связанные с «недоверием населения к военным властям». Гласный Л. П. Смирнов, выступая от городского комитета кадетской партии, предложил ввести систему Губернских Советов при Управляющем губернией «из представителей всех слоев населения» для «лучшей связи между властью и народом». Имея лишь совещательные полномочия, Советы тем не менее наделялись правом «опротестования распоряжений Управляющего губернией». Считалось, что Губернский Совет, «состоящий из людей местного опыта и знаний», «восполнит пустоту между представителем Правительства – Управляющим губернией и органами земского и городского управления, у которых должна находиться полнота власти местного управления». В резолюции думы отмечалось, что в Енисейской губернии в Совет «должны быть набраны представители крестьянства, казаков и хакасов, губернского земства, Красноярской городской думы, судебного ведомства, отдельных вероисповеданий (православное духовенство, мусульмане и евреи), торгово-промышленников, кооперации, профсоюзов, при обязательном участии представителя прокурорского надзора». Аналогом красноярскому проекту Губернского Совета можно было бы считать Советы при Главноначальствующем Области на белом Юге России, также имевшие совещательные функции и состоявшие как из представителей местной администрации, так и местного самоуправления. В белой Сибири подобная система не практиковалась, поэтому конфликт «власти и общества» предполагалось решить путем создания новых компромиссных структур. Красноярское собрание выразило также пожелание об отмене военной цензуры, «сокращении применения военно-полевого и прифронтового судов» с одновременным «возвращением гражданскому суду его положения, как могучего охранителя прав населения», а также о «прикомандировании» к воинским частям и «карательным отрядам» особых уполномоченных («лучше всего юристов») для контроля «за закономерностью их действий», расширению полномочий прокурорского надзора. Пепеляев согласился с созданием совещательного Губернского Совета, но выразил сомнение в возможности учреждения особых «стражей законности» при воинских частях. Так или иначе, стремление «общественности» к управлению было налицо³⁸.

Говоря о проектах «преобразования власти» в период ноября – декабря 1919 г., следует упомянуть и о планах, предполагавшихся Колчаку в Новониколаевске, в его кратковременное пребывание в этом городе. В надежде на «образование некоторой силы, могущей остановить постепенный развал фронта», в регионе (еще ранее высказывались предположения о переносе столицы белой Сибири в Новониколаевск) сформировалось т. н. Особое Совещание общественных организаций под председательством главы старообрядческих общин Ф. Е. Мельникова и поручика П. П. Васильева. У староверов Барнаульского и Алтайского районов идеи создания добровольческих дружин Святого Креста и «народного ополчения» встретили активную поддержку. Под руководством агентов Русского бюро печати и прямому указанию проф. Болдырева было создано несколько автономных отрядов, принимавших в 1921 г. участие в антибольшевистском повстанчестве. Помимо этого Мельниковым, сотрудником Рус-

³⁸ ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 29. Лл. 1–6.

ского бюро, известным писателем М. С. Лембичем и настоятелем городского собора протоиереем Георгием Жуком был составлен проект разделения Сибири на два самоуправляющихся военно-административных округа – Восточно- и Западно-Сибирский – с центрами в Иркутске и Новониколаевске соответственно. Главами военной власти в данных округах становились генералы Голицын и Дитерихс (при назначении Главнокомандующего фронтом генерала Пепеляева), а функции гражданской власти осуществляли бы «кабинеты» (в Иркутске, составленный на основе измененного Совета министров, а в Новониколаевске – на основе Особого Сопещения). Верховный Правитель тем самым устранялся от непосредственного управления «сибирскими делами», но сохранял за собой статус главы Всероссийской власти, а Совет министров низводился до региональной управленческой структуры. Подобный проект децентрализации управления, получив первоначальную поддержку Колчака, в итоге был им категорически отвергнут, а против его составителей даже началось следствие по обвинению в «государственной измене», «сепаратизме». Нельзя, однако, не признать, что стремления к автономии, к расширению прав регионов сохраняли свою актуальность на протяжении всей гражданской войны, а их разумное использование дало бы пользу в организации вооруженного противодействия наступающим частям РККА, укрепило бы связь фронта и тыла. Примечательно, что схожий проект децентрализации власти в это же время был подготовлен атаманом Семеновым в Чите (т. н. «Читинский проект» более подробно рассматривается в разделе монографии, посвященном истории Белого дела в Забайкалье)³⁹.

Глава 5

Эволюция идей Сибирского Земского Собора и планы «смены власти».

Государственное Земское Сопещение начало бы свою работу (по аналогии со Всероссийским Учредительным Собранием) в январе 1920 г. К выборам депутатов приступили в Прибайкалье, на Дальнем Востоке, но очень скоро идея построения «фундамента представительства» сменилась новой. В политическую «повестку дня» снова встал вопрос о Всесибирском Земском Сопоре.

Новый председатель Совета министров, по оценке Гинса, «обладал психикой, напоминавшей взрывчатое вещество. Взорвется – и кончено»⁴⁰. Для Пепеляева принципиально важным был момент одобрения его плана реформирования гражданской власти. Кроме того, «для спасения армии» он собирался предложить Колчаку вернуть на пост командующего Восточным фронтом генерала Дитерихса, отдав под суд генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «за позорную сдачу Омска без боя» (показательно, что причиной отставки Дитерихса было также его намерение «сдать Омск без боя»)⁴¹. Выехав навстречу поезду Верховного Правителя из Иркутска 30 ноября, он предварительно договорился со своим братом-генералом о совместном действии на Колчака в случае его колебаний в одобрении предложенной программы реформ. Подобный сценарий был разработан ими еще в Омске, возможно, при участии Дитерихса, стремившегося, как указывалось выше, не только к военным, но и к политическим переменам.

Телеграфная переписка премьера и генерала свидетельствовала о явном намерении усилить полномочия Совета министров при одновременном ограничении власти Верховного Правителя. Если 22 ноября, во время переговоров с Колчаком об условиях своего вступления в должность, Пепеляев добивался лишь «разделения» военной и гражданской власти, «сближения с оппозицией», «расширения прав» Земского Сопещения, то, став премьером, Пепеляев перешел к «языку ультиматума». 26 ноября, выступив с критикой категоричного, по его

³⁹ Иванов В. Указ. соч., с. 54–56.

⁴⁰ Гинс Г. К. Указ. соч., с. 465.

⁴¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 176–179.

мнению, стилия ответа Колчака на чешский Меморандум от 13 ноября (в этом Пепеляева поддержали Гинс, Сукин и Третьяков), премьер пригрозил отставкой. Затем им была озвучена идея созыва Сибирского Земского Собора. Если ранее большая часть политических уступок определялась Пепеляевым как «возможность эволюции Государственного Земского Совещания в законодательное учреждение», то требование созыва нового представительного органа еще не выдвигалось. 9 декабря Верховному Правителю была отправлена телеграмма-ультиматум за подписью премьера и командарма 1-й сибирской о «немедленном издании акта о созыве Сибирского Земского Собора»⁴². Очевидно, что Пепеляев не собирался сотрудничать с «владивостокскими заговорщиками» (Якушевым, Гайдой, Краковецким), первыми провозгласившими созыв Земского Собора, как альтернативы белой власти во время «путча» во Владивостоке. Но известна его встреча с представителями будущего эсеровского Политического центра (Я. Н. Ходукиным и Е. Е. Колосовым) на квартире у губернатора Яковлева сразу же после назначения на должность премьера. На этой встрече, носившей частный характер, Пепеляев обещал добиться «превращения» ГЗС в Земский Собор и также «отъезда» Колчака на Юг России. Однако встреча оказалась безрезультатной. Предложения Пепеляева к эсеровским представителям «повисли в воздухе», поскольку премьер категорически отрицал их лозунги: «долой гражданскую войну» и «мир с большевиками»⁴³.

То, что предложили Пепеляевы, можно расценивать как стремление «перехватить инициативу» у оппозиции, использовать выдвинутые ею лозунги в программе правительства. С другой стороны, введение Сибирского Земского Собора предусматривало как минимум отказ Колчака от непосредственного управления (пусть и формального, «эшелонного») территорией Сибири и Дальнего Востока. Не случайно, видимо, Дитерихс в ответ на предложение адмирала (телеграмма из Красноярска 8 декабря) снова возглавить Восточный фронт выдвинул условие немедленного отъезда Колчака из Сибири за границу или на Юг России. В этом действии тандем в организации военно-гражданской власти Дитерихс – Пепеляевы становился вполне реальным⁴⁴.

Что же представляла собой идея Земского Собора в том виде, как это предлагалось «братьями-сибиряками»? В вышеупомянутом «ультиматуме» речь шла об органе, «в лице которого сам народ возьмет в свои руки устройство Сибири и изберет сибирское правительство». Таким образом, Собору предопределялся не совещательный и даже не законодательный характер, а – не больше не меньше – учредительно-санкционирующий, аналогичный Сибирской Областной Думе, распущенной год назад. По существу, происходил возврат к парламентской форме правления, оказавшейся столь опасной и бесперспективной в условиях военного времени, но весьма привлекательной для политической оппозиции и партийной элиты. Собор призван был создать совершенно новую вертикаль власти, при которой роль прежнего правительства становилась символической⁴⁵.

Показательно изменение позиции Верховного Правителя в отношении новых перемен политического курса. Как Верховный Главнокомандующий, верный Положению о полевом управлении войск, Колчак не мог сочувствовать позиции Третьякова «власть военная да подчинится власти гражданской». Слишком свежи в его памяти были воспоминания 17-го года о развале на Черноморском флоте и золотом палаше, «отданном» морю. Подавляющее большинство генералов также было убеждено, что отсутствие «твердой власти», «военного порядка» привело к «разложению тыла». Еще более его могла раздражать позиция Пепеляевых. 23 ноября 1919 г., будучи в Новониколаевске, Колчак признал право премьера «обра-

⁴² ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 16. Лл. 1–3; Д. 34. Лл. 1–3; Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 146.

⁴³ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 67–68.

⁴⁴ Сахаров К. В. Указ. соч., с. 199; Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930, с. 136–144.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 34. Лл. 1–3.

зовать состав сотрудников по управлению страной», «намеченных на посты членов Совета министров». И одновременно с этим, «рескриптом» новому премьеру, было отправлено «предписание об улучшении быта военнослужащих и их семей» – яркое свидетельство обеспокоенности адмирала положением солдат и офицеров. В тяжелейших условиях начавшегося сибирского «Ледяного похода» Колчак поручал Пепеляеву утвердить «в срочном порядке» законы об увеличении содержания солдатам и офицерам на фронте, обеспечении их семей «деньгами, продовольствием и помещением», предоставлении льгот «в отношении земельного и хозяйственного устройства»⁴⁶. Проекты реформирования системы управления интересовали адмирала гораздо меньше, чем «заботы об армии, которые она заслужила». Но как Верховный Правитель, понимая политический характер гражданской войны, он мирился с необходимостью уступок и тактических компромиссов. Проблема заключалась в масштабе, пределе таковых. Если он признавал актуальность программы Пепеляева по реформированию существовавшей системы управления, то, получив утром 9 декабря «ультиматум братьев-сибиряков» о Земском Соборе, он пошел на уступки, означавшие, по сути, отказ от Конституции 18 ноября и сложившейся модели Российского правительства.

9 декабря 1919 г. со станции Тайга Колчак отправил текст проекта Указа: «С первых дней принятия мною власти Верховного Правителя я имел перед собой цель – созыв Национального Учредительного Собрания. Ниспосланными тягостными испытаниями цель эта ныне отдалается, и разрозненные части России принуждены отдельно бороться с общим врагом – большевизмом. В целях подъема усилий народных я, оставляя за собой объединение всех сил, борющихся за Единую Россию, передаю дело борьбы Сибири с большевиками в руки самих сибиряков. Повелеваю Председателю Совета министров незамедлительно внести в Совет министров проект закона о Сибирском Земском Соборе с тем, чтобы таковой был созван в самый кратчайший срок. Земский Собор определит временное устройство Сибири и изберет сибирское правительство. Бог поможет нам завершить правое дело объединения свободной Единой России»⁴⁷. Тем самым Колчак полностью отказывался от контроля за сибирской политикой, сохраняя свою власть только как Верховный Правитель Российского государства. Благородный поступок адмирала, идущего ради стабильности фронта и тыла на подобный шаг, политически не был оправдан. Даже в случае сохранения «всероссийского» статуса Колчак терял свой аппарат управления, поскольку все время, начиная с 18 ноября, опирался на структуры бывшего Сибирского правительства. Единственный альтернативный путь состоял в том, что Сибирский Земский Собор санкционировал бы создание новой власти, но во всероссийском масштабе (повторив путь Уфимского Государственного Сопределения и Уфимской Директории). В этом случае политическая целесообразность подобных действий становилась ничтожной, ведь от одной модели всероссийской власти перешли бы к другой. В случае же сохранения «краевого масштаба» Собора у Верховного Правителя России не оставалось иного выхода, кроме отказа от своего «всероссийского» имени и отъезда из Сибири. Возможен был и озвученный Дитерихсом переезд на Юг, но в статусе Верховного Правителя. Тогда в его подчинение автоматически ставился аппарат Особого Сопределения, а Главком ВСЮР получал бы, вероятно, полномочия командующего Южным фронтом. Об этом варианте Пепеляев писал в своей телеграмме 10 декабря: «Верховный Правитель должен остаться для верховного объединения всех частей России. Местопребыванием может быть Юг России»⁴⁸. О том, насколько подобная перспектива устраивала бы военно-политическую элиту белого Юга, во многом привыкшей к «самостоятельности» в отношениях с Сибирью, трудно ответить однозначно.

⁴⁶ Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 136–137.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 34. Лл. 1–3.

⁴⁸ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 34. Лл. 6–8.

Глава 6

Попытки реализации «административной революции» Совета министров (декабрь 1919 г.).

Планы Пепеляевых не осуществились в той форме, в которой они рассчитывали. И «ультиматум» и Указ остались «на бумаге». Не было издано ни одного «подзаконного акта» в осуществление идеи Земского Собора. В реальности правительство, оставшееся в Иркутске, поезд Колчака и поезд Пепеляева жили как бы в разных политических измерениях. Получив сообщения о проекте Земского Собора, Совет министров воспринял этот акт как излишний в свете только что изданных поправок в Положение о ГЗС. В телеграфной переписке с Колчаком Третьяков, будучи фактическим председателем Совмина в условиях, когда премьер тоже оказался в «эшелоне», отметил, что хотя «вопрос о Земском Соборе есть вопрос большой государственной важности», но при этом даже «само название «Земский Собор» не может дать никаких указаний относительно его конструкции и компетенции». По мнению Третьякова, «возможно остаться при старой конструкции Земского Сопещения, давши этому Сопещанию законодательные функции, увеличивши количество представителей от местных людей, земств и городов, исключивши членов по назначению». Колчак ответил, что «так как представительство возможно только в части Сибири, то претендовать на всероссийское значение оно не может... термин «Государственное Сопещение» ему не подойдет и его заменит Сибирское Земское Сопещение; в связи с этим возникает целый ряд других вопросов о конституции правительства»⁴⁹.

Еще более откровенно высказался в передовице «Русского дела» будущий идеолог «национал-большевизма» и «признания советской власти», а в 1919 г. «пламенный бард и идеолог диктатуры Колчака», глава Русского Бюро печати профессор Н. В. Устрялов: «Не случайно пришли мы в процессе гражданской борьбы к диктатуре. Не случайно осуществлена она на Юге и на Востоке России, причем на Юге в форме более чистой, чем на Востоке... «Представительное собрание с законодательными функциями» – в лучшем случае это будет посредственный суррогат народного представительства, вовсе не так уже превосходящий в этом своем качестве существующее Экономическое Сопещение... Что можно ждать от настоящего законодательного органа? Либо он, поддавшись распространенным в Сибири, не изжившей большевизма, настроениям..., начнет проповедовать соглашательство с советской властью, либо он присоединится к программе правительства... Но Парламент не привлечет к правительству ныне чуждые ему социалистические элементы. Парламент может лишь ослабить власть, вернуть нас к эпохе правительства князя Львова, если не Керенского. Отказ от диктаториальной формы власти ныне есть неизбежно лишь мост к большевизму». По оценке Кроля, бывшего собеседником Устрялова во время переезда из Омска в Иркутск, профессор придерживался «крайне правых» взглядов: «о большевиках он говорил с пеной у рта и отказывался понимать, как можно подходить к вопросу исключительно рассудочным путем... Борьба не на живот, а на смерть; борьба – до конца» – вот что проповедовал Устрялов. Позднее, уже в Харбине, в полемике с Кролем Устрялов отмечал, что «суррогат парламента и парламентаризма, в виде разных «предпарламентов» и полу- или псевдопредставительных «сопещаний», не укреплял власти, не создавал реально «единого фронта», не способствовал упорядочению управления и не успокаивал «оппозиционные» умы, а лишь возбуждал их к требованиям дальнейших «уступок». Настоящий же парламент был для белого правительства – как, впрочем, и для красного – непозволительной роскошью уже по одному тому, что он предполагает действительное осу-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 34. Лл. 10–21; Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 150–151.

ществование гражданских свобод, совершенно немыслимое в эпоху революционного брожения и крушения старых, привычных социально-политических связей»⁵⁰.

Таким образом, вариант Земского Собора фигурировал только в требованиях Пепеляевых и оппозиции. Правительственный курс оставался на уровне условий созыва ГЗС и его поэтапной трансформации в краевое законодательное собрание. Конечно, и в этом случае менялся характер управленческой модели, но произойти это могло постепенно, без внутренних потрясений, столь опасных в условиях войны. Сам же «человек-порох» после «вспышки» 9 декабря и встречи с Верховным Правителем практически полностью прекратил свои политические эскапады. По словам Гинса, «Пепеляев уже остыл, догнал поезд адмирала и, следуя за ним по пятам, не только не проявлял никакого расхождения с Верховным Правителем, но скорее поддерживал его... Пепеляев не спешил в Иркутск, академически спокойно обсуждая с адмиралом положение, и как будто предоставил все воле судьбы»⁵¹. Теперь он полностью связал свою судьбу с судьбой адмирала, разделив с ним крестный путь до расстрела на берегу реки Ушаковки утром 7 февраля 1920 года.

Телеграммы, полученные от премьера после 9 декабря, показывали его прежнюю приверженность идее Земского Собора («я пришел к окончательному выводу, что необходим крупный политический шаг, который остановил бы сползание в пропасть по инерции. Считаю совершенно необходимым созыв Сибирского Земского Собора»). Однако последние дни его деятельности в должности премьера были, очевидно, направлены на подготовку антибольшевистского сопротивления в Сибири, после установления здесь советской власти («будут отдельные партизанские отряды без объединяющего государственного руководства и отдельные районы их действий», «я решился бы впредь готовить почву для одной из будущих партизанских сил, в предположении, что центр окончательно обречен погибнуть»). В этом его позиция также совпадала с намерениями брата-генерала, объявившего в своем последнем приказе по Сибирской армии не только о ее роспуске, но и об организации белого подполья из бывших солдат и офицеров (есть сомнения в подлинности данного документа). «Сибирская армия не погибла, а с нею вместе не погибло и освобождение Сибири от ига красных тиранов. Меч восстания не сломан, он только вложен в ножны. Сибирская армия распускается по домам для тайной работы – до того времени, пока грозный час всенародного мщения не позовет ее вновь для борьбы за освобождение Сибири». «Я появлюсь в Сибири среди верных и храбрых войск, когда это время наступит, – и я верю, что это время скоро придет». Создание уже в марте 1920 г. сибирского партизанского отряда во главе с ушедшим в тайгу генералом, последовавшие в 1921 г. события Западно-Сибирского восстания, в котором участвовало немало бывших военнослужащих Сибирской армии, подтвердили надежду Пепеляевых на антибольшевистское повстанческое движение⁵².

Еще раз идея Земского Собора во время сибирского «Ледяного похода» была озвучена командующим войсками Енисейской губернии генерал-майором Б. М. Зиневичем 28 декабря 1919 г., поднявшим восстание в Красноярске почти одновременно с антиколчаковским восстанием в Иркутске. В своем «открытом письме Колчаку» он писал: «Я призываю Вас, как гражданина, любящего свою Родину, найти в себе достаточно сил и мужества отказаться от власти, которая фактически уже не существует, и передать дело строительства Родины Земскому Собору... Адмирал, будьте гражданином и найдите в себе силы и мужество передать выпавшую из Ваших рук власть Земскому Собору как выразителю воли русской демократии»⁵³. Но

⁵⁰ Русское дело. Иркутск, № 26, 12 декабря 1919 г.; *Кроль Л. А.* За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток, 1921, с. 197; В.Е.Т. К истории партии Народной Свободы // Руль. Берлин, № 693, 10 марта (25 февраля) 1923 г.

⁵¹ *Гинс Г. К.* Указ. соч., с. 466.

⁵² *Кирилов А. А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Прага, 1928, т. IV, с. 66–67; Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 148–149; *Мельгунов С. П.* Указ. соч., с. 91.

⁵³ Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 93–94.

это была не более чем декларация, столь же утопичная, сколь и предательская, в отношении к белой власти. Ведь именно из-за восстания Зиневича в Красноярске отступавшая армия и сам Колчак оказались оторванными друг от друга, в результате чего у адмирала не оказалось необходимой военной поддержки в условиях его изоляции в Нижнеудинске в начале января 1920 г.

Что же реально удалось сделать из всей предложенной программы политических преобразований? Устрялов весьма точно назвал правительственный проект «административной революцией». Как уже отмечалось, Пепеляеву удалось добиться «списочного» утверждения Колчаком избранных им новых министров, а Совет министров существенно изменил «Положение» о Государственном Земском Совещении, положив начало его преобразованию в «законодательный орган». Начались структурные перемены, намеченные Государственным контролером Красновым. Заметные перемены были достигнуты в работе МВД. Благодаря настойчивости Червен-Водали вносились поправки в, казалось бы, «неприкосновенный» закон военного времени. Помимо Положения о полевом управлении войск, Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, гарантировали на протяжении Первой мировой и гражданской войн приоритет военной власти над гражданской. И именно в эти Правила, а также в Правила о военном положении на линиях железных дорог и местностях к ним прилегающих (от 11 февраля 1919 г.), новому главе МВД удалось внести принципиальные изменения (доклад «О некоторых изменениях действующих узаконений об исключительных положениях»). Показательно, что данные поправки, сделанные в духе лозунга «разграничения сферы гражданского и военного управлений», не поддержал новый военный министр – генерал от артиллерии М. В. Ханжин⁵⁴. Суть поправок заключалась в том, что теперь чрезвычайное положение в тылу вводилось только с санкции министра внутренних дел, назначавшего также военных или гражданских чиновников, осуществлявших данный режим управления. Жалобы на неправомерность их действий должен был рассматривать 1-й департамент Правительствующего Сената, и, помимо этого, гражданские чиновники не могли быть осуждены решениями военно-полевых судов⁵⁵.

В военной сфере Пепеляевы осуществили свое намерение сместить генерала Сахарова с должности командующего Восточным фронтом и самовольно его арестовали 9 декабря. Как и предлагалось, против него было начато расследование (связанное с «оставлением Омска без боя»), не доведенное, однако, до конца. Новым командующим фронтом стал генерал-лейтенант В. О. Каппель, назначенный на эту должность 11 декабря 1919 г. Данное назначение многими воспринималось также в духе «демократизации», поскольку Каппель имел в военной среде репутацию «близкого к народу», «генерала-демократа» (именно он командовал частями Народной армии Комуча, взявшими Казань в августе 1918 г.)⁵⁶. Новому Главкому пришлось, однако, не только командовать войсками, но и пытаться преодолеть начинающиеся процессы разложения, падения дисциплины и боевого духа, ярким свидетельством которых стал мятеж красноярского гарнизона в декабре, фактически разрушивший отступавший Восточный фронт.

Подводя итог реформаторским проектам и перспективам их реализации в условиях катастрофы Белого движения в Сибири, следует отметить, что, несмотря на все разногласия и конфликты внутри белой власти, ее попытки «сблизиться с оппозицией» и «опереться на народ», главным мотивом во всех программах и заявлениях, в частных беседах и переписке оставалась необходимость продолжения «борьбы с большевизмом», и для того, чтобы вести ее с большей эффективностью, требовалось «изменить курс». Третьяков в своем интервью при вступлении в должность зампреда Совмина «с твердой решительностью заявил, что правительство

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 176. Оп.5. Д. 99. Лл. 257, 263; Д. 245. Л. 290.

⁵⁵ Русское дело. Иркутск, № 26, 12 декабря 1919 г.

⁵⁶ Русское дело. Иркутск, № 25, 11 декабря 1919 г.

в отношении большевиков знает только один лозунг: борьба во что бы то ни стало»⁵⁷. Предупреждая об опасности «соглашательства с большевиками», Третьяков ссылаясь и на недавний опыт осени 1917 года, когда Временное правительство, напуганное перспективой «корниловщины», пошло на компромисс с большевиками, реализуя идею «единого социалистического блока», и на «личный опыт» (четыре месяца заключения в советской тюрьме и год жизни в Советской России). В условиях, когда представители «союзных держав» заявляли о необходимости прекратить «междоусобицу» в России, Третьяков говорил о международном значении Белого движения: «Мы будем продолжать борьбу с врагом не только всероссийским, но и всемирным – с большевиками. И все, что является сочувствующим нам в стране, должно разделить сейчас власть с Правительством»⁵⁸. «Мы должны определенно понять, что большевизм – самый страшный общий наш враг, что вся наша культура, все наше национальное достояние, все наши святыни погибнут, если победит большевизм. Весь культурный мир должен понять, что если большевизм задавит национальную Россию, то затем он обрушится на современную Европу», – повторял Гинс позицию Третьякова в своем выступлении на Государственном Земском Совещании⁵⁹.

И.о. премьера Червен-Водали, в условиях начавшегося восстания в Иркутске, в первый же день начавшихся переговоров правительства с представителями Политцентра (2 января 1920 г.) так выразил свою позицию: «Я совершенно убедился, что настоящее движение – только переход к большевизму..., я рассматриваю соглашение с большевиками как преступление против Государства»⁶⁰. Устрялов на страницах издаваемой им в Иркутске газеты «Русское дело» высказался по поводу всякого «соглашательства» с большевиками: «Слишком глубока линия разделения, чтобы быть стертой искусственно... И психологически, и исторически гражданская война есть всегда «война до полной победы» или «до полного поражения»⁶¹. Но ни времени, ни реальных возможностей для осуществления своих планов и проектов власти белой Сибири уже не имели.

Глава 7

«Передача Верховной всероссийской власти» от Колчака Деникину. Проблемы межрегиональной преемственности Белого движения.

7 декабря 1919 г., как и накануне «омского переворота» 18 ноября 1918 г., вновь напомнил о себе Восточный отдел ЦК кадетской партии. В принятой резолюции перечислялись «ошибки правительственной политики», заключавшиеся в «чрезмерном расширении функций военных властей» и «милитаризации административного управления»; «принцип диктаторской власти» тем не менее признавался «непоколебимым»: «Пусть карающая рука власти обратится прежде всего против ее собственных агентов, роняющих ее престиж в стране. Пусть правительство обеспечит возможность действительного воплощения в жизнь начал законности, порядка и твердой власти». Весьма примечательно начало резолюции, в котором прямо говорилось о перемещении центра всероссийской военно-политической власти на белый Юг. Слова «с глубокой верой в конечное торжество национальной идеи обращаются ныне взоры всех русских патриотов на юг России, где доблестные армии генерала Деникина продолжают героически противостоять врагу», недвусмысленно передавали «первенство» антибольшевистского сопротивления белому Югу (армии которого, однако, после поражений под Орлом и

⁵⁷ Гинс Г. К. Указ. соч., с. 461.

⁵⁸ Правительственный вестник. Иркутск, № 288, 6 декабря 1919 г.

⁵⁹ Правительственный вестник. Иркутск, № 293, 13 декабря 1919 г.

⁶⁰ Переговоры о сдаче власти Омским Правительством Политическому Центру. Январь 1920 года. Харбин, с. 7.

⁶¹ Русское дело. Иркутск, № 24, 9 декабря 1919 г.

Воронежем также отступали и отнюдь не отличались, как полагали в Сибири, «способностью к активным боевым действиям»). Задачи же Восточного фронта должны были сводиться к «организации обороны Сибири от натиска советских войск» и «организации Сибири как надежного тыла и надлежащей опоры для фронта обороны»⁶².

Отказ от полномочий всероссийской власти или отъезд из Сибири на Юг, как уже отмечалось, требовали от Колчака брата Пепеляева. Категорично высказывался в отношении белого Юга Устрялов: «Восток от нападения перешел к обороне, стал второстепенным фактором продолжающейся борьбы... Южный центр противобольшевистского движения воистину приобретает характер и черты всероссийского государственного центра... Всероссийские масштабы и цели силою вещей отдалились от нас и, оставаясь обязательными и бесспорными, утратили непосредственность и остроту деловой программы дня».

Вообще, сама идея передачи центрального статуса белой России на белый Юг зародилась еще до декабря 1919 г. Взаимодействие белого Юга и Сибири прошло несколько этапов. В 1917–первой половине 1918 г. связь и взаимодействие осуществлялись преимущественно на основе командировок, отправках курьеров, из которых наиболее результативными были поездки генерала от инфантерии В. Е. Флуга, полковников В. В. Голицына и Д. А. Лебедева в Сибирь и генерал-лейтенанта В. А. Гришина-Алмазова – на Юг. Контакты сводились не только к обмену информацией, программами и декларациями правительств. Существенно важной была координация военных и политических усилий, участие в структурах, создаваемых белых правительств (Флуг занимал должность военного министра в «Деловом кабинете» Временного Правителя России генерала Хорвата, Гришин-Алмазов стал военным губернатором Одессы в начале 1919 г., произведенный в чин генерал-майора Лебедев возглавил военное министерство Российского правительства и принял должность начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего, а также ставший генералом Голицын руководил «добровольческими формированиями» осенью 1919 г.). Но в целом политические центры Востока и Юга, равно как и других регионов Белого движения, формировались в тот период практически без связи друг с другом. Условия взаимодействия изменились после окончания Великой войны и прихода к власти Колчака.

Постепенно, при посредстве иностранных информационных агентств и Русского бюро печати, наладилась телеграфная связь между Омском и Ставкой Главкома ВСЮР. Более интенсивными стали контакты на уровне поездок делегаций и частных лиц (наиболее показательным был отъезд в Сибирь делегатов ВНЦ – Волкова и Червен-Водали). Стало также возможным координировать программные заявления и даже отдельные законодательные акты и законопроекты, в частности – в аграрной политике. При этом, несмотря на признанное правовое верховенство белого Востока, белый Юг сохранял своеобразное «духовное первородство», ведь именно здесь зародилась Добровольческая армия. 24 декабря 1918 г. на имя Деникина Лебедевым была отправлена телеграмма, сообщавшая: «Адмирал Колчак объявил, что будет работать с Вами рука об руку. Считайте себя единственным начальником для дел Запада и Юга России».

В свою очередь, 17 января 1919 г. Политическая канцелярия ВСЮР опубликовала тексты двух телеграмм Деникина на имя Колчака. Первая – «о принятии на себя высшего командования над всеми силами, действующими на Юге России», что рассматривалось в качестве «драгоценного залога успеха патриотической идеи, проводимой Вашим Превосходительством (адмиралом Колчаком. – *В.Ц.*) на Востоке, а мною (генералом Деникиным. – *В.Ц.*) на Юге России». Вторая телеграмма была отправлена на имя Сазонова в Париж и предназначалась для информирования Верховного Совета Антанты о «согласии с адмиралом Колчаком в чрезвычайном значении сочетания действий армий Востока и Юга России в их усилиях достижения общей цели». Начальник Политической канцелярии полковник Чайковский особенно подчер-

⁶² Русское дело. Иркутск, № 24, 9 декабря 1919 г.

кивал при этом как равенство статусов сложившихся центров Белого движения, так и общность их военно-политических программ: «Подчиненной зависимости между генералом Деникиным и адмиралом Колчаком не существует. Между высшим командованием армий Юга России и Правительством адмирала Колчака расхождений быть не может».

Но с середины 1919 г. проблема взаимодействия Востока и Юга разрешилась уже в правовом поле, установленном известным приказом Главкома ВСЮР (№ 145) и указаниями о разграничении полномочий в сфере внутренней и внешней политики (телеграмма И. И. Сукина делегации Особого Совещания в Париже 1 сентября 1919 г.), а также признанием общего представительства перед «внешним миром» в форме Русского Политического Совещания в Париже. После этого речь могла идти о формальной и фактической «подчиненной зависимости» белого Юга единому Всероссийскому центру в Омске. С осени 1919 г. наметилась еще одна тенденция взаимодействия – признание важности принципа военной диктатуры. В сентябре – ноябре в Омске отдельными приказами были отмечены годовщины: кончина генерала Алексеева и начало «Алексеевской организации» на Дону. Юг выдвигался в качестве примера высокой сознательности в поддержке Белого движения, особенно в отношении широкого, как представлялось в Сибири, развития «добровольчества». Для Востока это было особенно актуально, так как пополнения из добровольцев оставались единственными возможными в условиях отступления белых армий и ограниченности мобилизационных возможностей региона. Из других центров Белого движения на роль политического и стратегического плацдарма мог претендовать белый Север в течение лета – осени 1918 г., когда здесь действовали войска Антанты и открывалась перспектива наступления по линии железной дороги Архангельск – Ярославль-Москва, и белый Северо-Запад – осенью 1919 г. в момент максимального приближения армии Юденича к Петрограду⁶³.

Но с точки зрения социально-экономического потенциала более перспективным для белых оставался Юг. Весьма интересную взаимосвязь между уровнем развития земледелия и степенью поддержки Белого движения установил приват-доцент П. Н. Савицкий, один из членов эмигрантского Совета по изучению Юго-Востока России: «Наиболее крепкой территориальной базой Белого движения, явным образом, оказались губернии и области, давшие от 80-х к 90-м годам наибольший процент расширения посевов; на Юго-Востоке и Юге – Донская область и Таврическая губерния, на Востоке – Самарская (при чехословаках), Оренбургская, Уфимская, Пермская... В то же время население промышленного центра России было основным по численности, кадрам, создавшим силу большевизма...; возникновение же Белого движения на Юге и Юго-Востоке допустимо сопоставлять с явлением роста в этих районах площади зернового посева; такое возрастание указывало на существование земельного простора, а наличие этого простора могло обусловить психологическую настроенность земледельческого населения, благоприятную для поддержки Белого движения... Победа Красной России над Белой есть, между прочим, победа промышленной России над земледельческой, конечно, промышленной России не как организованного класса предпринимателей или чего-нибудь в этом роде, но как комплекса определенных элементов населения, его «низов» – к тому же выступающих далеко не в лучшем с нравственной точки зрения подборе»⁶⁴. «Южный опыт» считался показательным примером в плане конструкции аппарата управления, о чем неоднократно говорили в своих интервью представители ВНЦ (Червен-Водали, Клафтон и др.). Признавалась наиболее действенной модель «диктаториальной власти» – в части разделения полномочий военной и гражданской администрации, роли Особого Совещания и управления внутренними дел, развития контактов с «общественностью» (в лице ВНЦ). Белый Юг представлялся есте-

⁶³ Щепкин Г. Генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин. Новочеркасск, 1919, с. 27–28; Русское дело. Омск, № 19, 28 октября 1919 г.

⁶⁴ Савицкий П. Материалы по сельскохозяйственной эволюции России. Константинополь, 1921, с. 169–170.

ственным и надежным союзником в белой борьбе, равноправным партнером и закономерным преемником белого Востока в общероссийском Белом движении (уместно вспомнить о намерении участников Ясского Совещания официально провозгласить белый Юг Общероссийским центром антибольшевистского сопротивления).

Предусмотренный указом № 203 от 24 июня 1919 г. вариант передачи статуса Верховного Главнокомандующего с белого Востока на белый Юг (от Колчака – Деникину) не вызывал проблем с преемственностью в военной сфере. Сложнее было решить вопрос о передаче статуса Верховного Правителя, что предполагало принятие особого закона. В течение 1919 г. об этом несколько раз говорилось на заседаниях Совета министров, обсуждалось в общественно-политических структурах, но всякий раз безрезультатно. Угрозы заговора против Колчака, его гибели или отставки казались нереальными. Как уже отмечалось, Колчак считал возможным передать полномочия региональной власти Всесибирскому Земскому Собору и учрежденным им органам, сохраняя за собой всероссийскую власть. Не исключался и вариант отъезда на Юг, но не в качестве частного лица, а в качестве Верховного Правителя России.

Передача полномочий Верховного Правителя Деникину не стала одномоментным решением. Вплоть до эвакуации Омска Колчак и Совет министров Российского правительства бдительно следили за тем, чтобы Особое Совещание не вышло бы за «пределы» своих «полномочий» в национальной и аграрно-крестьянской политике (запрет на «сепаратное» принятие земельного законопроекта, осуждение конфликта с Украинской Директорией и др.). Но после эвакуации «белой столицы», в условиях очевидного разрыва контактов не только с белым Югом, но и с собственным Советом министров, Колчак решил предоставить Деникину полную «самостоятельность». В телеграмме Сазонову от 24 ноября (переслана в Таганрог в Ставку Главкома ВСЮР 15 декабря 1919 г.) он писал: «Обстановка требует предоставления генералу Деникину всей полноты власти на занятой им территории: я прошу передать генералу Деникину полную уверенность в том, что я никогда не разойдусь с ним на основаниях нашей общей работы по возрождению России».

Очевидно также, что подобные перемены диктовались также и опасениями смены «внешнеполитического курса». В парижском посольстве прямо говорили, что «помощь Колчаку от авантюриста Семенова бросает Восточную Сибирь в объятия японцев». В частном письме (8 декабря 1919 г.) к российскому послу в Париже В. А. Маклакову посол в САСШ Б. А. Бахметев отмечал, что «события обрекли будущую власть на подчинение местным влияниям и на плавание в орбите местных интересов и забот». Переезд правительства в Иркутск и замена Сукина Третьяковым представлялись послу в Америке свидетельством «неизбежного подчинения японскому влиянию», чего весьма опасались в Вашингтоне. «Вообще, кругозор Сибири крайне узок, – считал Бахметев, – и все происходящее в мире поневоле рассматривается сквозь желтую призму». Обладавший влиянием на Сазонова, он «советовал» министру иностранных дел добиться от Колчака передачи верховной власти на Юг. В понимании Бахметева, это означало «обеспечение целесообразной и своевременной преемственности государственной власти». «Если Сибирь обречена играть местную роль, то не своевременно ли теперь же предпринять ряд активных шагов, чтобы законной и свободной преемственностью национальное водительство было передано на Юг»⁶⁵.

Аналогичное мнение высказывал в письме Деникину из Парижа генерал Д. Г. Щербаев. Подчеркнув важность существования «одного правительства, которое имело бы в глазах иностранцев престиж Всероссийского, а следовательно, (имело) право говорить от всей России», военный представитель Колчака при союзном командовании с сожалением констатировал, что после «неудачи операции по овладению Петроградом Северо-Западной армии»,

⁶⁵ *Маргулис М. С.* Год интервенции, кн. 3 (сентябрь 1919 – декабрь 1920). Берлин, 1923, с. 158; «Совершенно лично и достоверно!» Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков, переписка 1919–1951, т. 1. М., 2001, с. 132.

после «стремительного отхода Сибирских армий, потери Омска – столицы Всероссийского правительства и отставки... Совета министров», а также «нарушений и без того затрудненной связи из Сибири с союзниками», «внутренних восстаний» (в Иркутске, Владивостоке) переход государственного центра на Юг становился насущно необходимым. Щербачев подчеркивал и такой важный фактор, как военные успехи ВСЮР (как и победы Восточного фронта весной 1919 г.): «победы и захват армиями Юга России огромной территории». Все это в совокупности определяло «падение авторитета Сибирского правительства и усиление влияния Юга России». Поскольку в январе 1920 г. ожидался созыв в Лондоне «конференции по русскому вопросу», в повестке дня мог встать вопрос «о желательности образования белого блока, с включением в него поляков, финляндцев, эстонцев, латышей и литовцев», то следовало добиться сохранения авторитетного Всероссийского центра. Таким образом, «центр тяжести, как в борьбе с большевиками, так и в смысле руководства внешней политикой, в связи с событиями в Сибири, перемещается в глазах союзников на Юг России. Надо учитывать, – отмечал Щербачев, – поэтому возможность наступления момента, когда, в интересах дела, может потребоваться перенесение Верховной власти на Юг... Не предпрещая вопроса о том, в каком виде, в случае необходимости, может последовать это изменение, в виде ли переезда на Юг адмирала Колчака или в виде передачи им полномочий Вам как его законному заместителю, я считаю необходимым ориентировать Вас в этом вопросе». Примечательно, что Щербачев, будучи в конце 1918 г. активным сторонником объединения белых армий в составе ВСЮР, спустя год настойчиво подчеркивал преемственность именно военной власти, ее приоритет перед властью гражданской. Упоминая известное распоряжение Колчака о назначении Главкома ВСЮР своим заместителем в должности Главковерха, Щербачев считал данный акт достаточным, чтобы утверждать о полномочиях Деникина как будущего Верховного Правителя России. Подобное решение еще раз свидетельствовало о единстве Белого дела, когда передача властных полномочий с Востока на Юг не означала принципиальных перемен в политическом курсе (хотя Щербачев предупреждал Деникина о возможности «нового натиска представителей сепаратистских течений наших окраин как на союзников, так и на Правительство Юга России»)⁶⁶.

Таким образом, вариант перехода верховенства Белого движения с Востока на Юг предполагался отнюдь не из-за требований иркутской «демократической общественности», мятежа «Политцентра», «ультиматума» Пепеляевых или, что еще менее вероятно, усталости Колчака от «бремени власти». Сохранение правопреимственности, в том числе и персональной, было принципиально важно для поддержки легитимности Белого движения, сохранения его геополитического статуса, признания в качестве субъекта государственного, международного права. Именно об этом беспокоился глава МИД Сазонов, посылая телеграмму в Иркутск 18 декабря (см. приложение № 3). В ней недвусмысленно заявлялось, что «с международной точки зрения величайшей опасностью грозило бы положение, при котором достигнутое объединение всех борющихся с большевиками сил под одной властью было бы нарушено. Для обеспечения этого единства необходимо издание акта, который утверждал бы условия законного преемства власти Верховного Правителя не только в области военного командования, как это было сделано законом 24 июля, но в отношении признания полноты принадлежащих Правителю полномочий». Российские представители в Зарубежье выражали беспокойство в связи с очевидным крушением власти Колчака. Еще в период «похода на Москву» союзниками высказывались мнения о предпочтительной поддержке ВСЮР как одного из наиболее успешных белых фронтов. После отступления от Омска и событий во Владивостоке стала ощущаться очень слабая координация действий Белого движения не только в международном, но даже во «всероссийском масштабе». Если и в Омске телеграфное сообщение функционировало с перебоями, то наладить непрерывную связь из Иркутска с главными российскими посольствами, с Архан-

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 155. Лл. 1–4.

гельском, Ростовом-на-Дону и Ревелем было довольно затруднительно. Телеграфная же связь белого Юга с зарубежьем и другими белыми фронтами работала удовлетворительно. 6 февраля 1920 г. короткой телеграммой № 159 Сазонов уведомлял посольский корпус: «Ввиду положения Сибири, полнота власти сосредотачивается ныне в руках генерала Деникина, от имени которого будете по-прежнему получать указания от меня»⁶⁷.

«Ультиматум» Пепеляевых и переписка с Сазоновым ускорили принятие решения о преемстве. Совет министров, исходя из прецедента «омского переворота» 18 ноября (когда именно ему, как формально существующей структуре из «распавшегося» Временного Всероссийского правительства, пришлось решать вопрос о «возглавлении» власти), взял на себя решение вопроса о назначении преемника Колчака. На заседании 22 декабря 1919 г. было принято решение «о необходимости издания акта, устанавливающего порядок назначения преемника Верховного Правителя». После этого было принято принципиально важное постановление о возложении «обязанностей преемника Верховного Правителя... на Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенанта Деникина» (см. приложение № 4). Показательно, что в парижском предложении Сазонова выдвигалась формула, по которой Верховный Правитель сам назначал бы себе преемника, тогда как Совет министров в Иркутске решил следовать «Конституции 18 ноября» и, согласно пункту 6, взял на себя принятие решения об «осуществлении Верховной государственной власти». Нельзя, конечно, забывать и о стремлении членов Совмина «проявить власть», действовать уже автономно от Верховного Правителя, ссылаясь на его «отсутствие»⁶⁸. Итак, «преемник» власти Верховного Правителя был «предрешен», хотя «порядок назначения преемника», порядок передачи ему власти не был окончательно разработан. Но теперь Колчаку следовало лишь подписать указ о передаче своих полномочий уже «предрешенному» лицу, чего он вплоть до 4 января 1920 г. делать не спешил.

Непрекращающиеся военные неудачи и развал системы управления ускорили процесс падения Восточного фронта. После неудачных попыток задержать наступление РККА под Новониколаевском, на линии Щегловской тайги, последним возможным рубежом обороны намечались Красноярск и р. Енисей. Но вплоть до того момента, когда со станции Нижнеудинск Колчак отправил телеграмму, подтверждающую его «предрешение» передачи Верховной власти Деникину, ни в военном, ни в политическом отношении не было достигнуто необходимой стабильности. Роковая отдаленность друг от друга Верховного Правителя, армии и правительства, рассеянных по огромному Транссибу, приводила к тому, что каждый из них действовал во многом самостоятельно и, как следствие этого, непредсказуемо. По оценке Гинса: «Адмирал, забыв о Совете министров, действовал самостоятельно, рассылал ноты, обострял отношения с чехами, подрывая престиж свой и Совета министров резкими и неконституционными, обходившими министра иностранных дел, заявлениями». Совмин же «занимался не деловой работой, а обвинениями прежнего Правительства, выискиванием ошибок и каких-то «преступлений», совершенных бывшими Министрами»⁶⁹. Тем не менее «административная революция» многим казалась обнадеживающей. Характерна оценка начавшейся работы нового правительства бывшим премьером Вологодским. За несколько дней до эсеровского мятежа Политцентра, 18 декабря, в интервью одной из японских газет он оптимистично оценивал перспективы деятельности нового правительства: «То обстоятельство, что теперешний Совет Министров хорошо сознает ошибки прошлого, что он решил бороться самым энергичным образом с произволом главным образом военных властей и недобросовестностью агентов власти, а также и то обстоятельство, что во главе Совмина стал столь волевой человек, как

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 142. Л. 13; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив, № 6, 1961, с. 98–100.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Лл. 294–295.

⁶⁹ Гинс Г. К. Указ. соч., с. 470; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 473. Л. 5.

В. Н. Пепеляев, имеющий к тому же за своей спиной брата-героя (генерала А. Н. Пепеляева. — В.Ц.), служат порукой, что дело налаживания жизни в Сибири стоит уже вовсе не так безнадежно, как думают многие»⁷⁰.

Глава 8

Иркутский мятеж Политцентра, Троектория и «нижнеудинский акт» Колчака (декабрь 1919 г. — январь 1920 г.).

Нельзя не упомянуть еще об одной грани политической ситуации, сложившейся на востоке России в конце 1919 г. С середины декабря стала очевидной невозможность «договориться» с оппозицией. Тем самым окончательно терял смысл один из ключевых пунктов программы Пепеляева. «Социалистическая оппозиция» не стремилась занять места в обновленном Совете министров. Напротив. В ноябре — декабре 1919 г. она усиленно готовила скоординированное «антиколчаковское восстание» по всему белому тылу. События, связанные с т. н. «Иркутским мятежом» и «крахом колчаковщины», достаточно хорошо освещены в историографии и в опубликованных источниках⁷¹. При этом основной акцент исследований делался на самом восстании и попытках его подавления. Между тем, нельзя недооценивать значения «последних дней колчаковщины» и с точки зрения всероссийского масштаба Белого движения, и с позиций очередного поворота политического курса. Говоря о самом выступлении в Иркутске, можно выделить заметное сходство тактики вышедшего из подполья Политического Центра с тактикой антибольшевистских организаций, выступивших в Сибири и на Дальнем Востоке весной — летом 1918 года: те же сотрудничество с кооперативами, поддержка чехов, одновременность и определенная внезапность выступления, те же требования созыва представительного законодательного собрания и т. д. Да и участвовали в «антиколчаковском» движении те же, кто в 1917–1918 гг. боролся с советской властью: бывшие члены Западно-Сибирского комиссариата П. Я. Михайлов и Б. Д. Марков, бывший министр юстиции Временного Сибирского правительства Г. Б. Патушинский, на деле стремившийся доказать свое несогласие с режимом «диктатуры», а также уже упоминавшийся управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев, бывший председатель Совета министров Временного правительства автономной Сибири И. А. Лавров, «видный иркутский эсер», «специалист по финансовым вопросам» А. И. Погребецкий⁷².

Деятельность правительства проявилась лишь в контексте переговоров с Иркутским Политцентром. Увы, ведущие министры, столь высоко оценивавшие перспективы «административной революции», неожиданно оказались перед лицом революции настоящей. Совмин не только не смог предотвратить выступление Политцентра, но и косвенно способствовал его развитию, встав на путь переговоров с мятежниками. Безусловно, в падении белой власти сыграло свою роль и предательство со стороны «союзников» — чехов и французов, и отсутствие поддержки со стороны «иркутской общественности», и продолжавшийся конфликт военной и гражданской власти. Но данные факторы в той или иной мере были типичны для гражданской войны. А вот аппарат самого правительства, вовлеченный в административные перестановки и поиск компромиссов с оппозицией, оказался не готов к организации эффективного противодействия восставшим. Показательно, что даже после ареста окружной контрразвед-

⁷⁰ A Chronicle of the Civil War in Siberia... Op. Cit. vol. 1, c. 343.

⁷¹ См., напр.: «Последние дни колчаковщины». Указ. соч.; Рябинов В. В. Иркутск — столица революционной Сибири. Иркутск, 1957; Солодянкин А. Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960; Гражданская война в Сибири. // Колчаковщина (Под ред. Г. Вендриха). Иркутск, 1991; Новиков П. А. Борьба за Иркутск. Эсеровская авантюра. // Белая Гвардия, Белое движение на Востоке России. № 5, 2001; Его же: Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005, и др.

⁷² ГА РФ. Ф. 6873. Оп. 1. Д. 90. Лл. 140 об. — 141; Бюллетень газеты «Русское дело». Иркутск, 2 января 1920 г.; Серебряников И. И. Указ. соч., с. 280–281.

кой подпольщиков – руководителей восстания правительство официально заявило о своей непричастности к действиям силовых структур⁷³. О поведении министров в последние дни существования Российского правительства имеются свидетельства Гинса, судебные показания Червен-Водали, стенограмма его переговоров с Политцентром и весьма содержательное сообщение (составленное для российского посла в САСШ) морского министра контр-адмирала М. И. Смирнова, друга Колчака и непримиримого противника «социалистической оппозиции». Восстание рабочих на Черемховских угольных копях 21 декабря, открытое антиправительственное выступление земско-городского совещания в Иркутске 22 декабря, в день «70-летия кооперации», под лозунгами «мира с большевиками» и созыва Сибирского народного собрания, – в обстановке этих событий правительство смогло лишь погрузиться в «бесконечные прения»⁷⁴. В создавшемся положении единственным эффективным выходом могли стать только концентрация власти и решительное подавление восстания, то есть переход все к тому же «диктаториальному правлению». Ждать «конституционных» соглашений от коллегии министров было бессмысленно. По предложению Смирнова и Бурышкина «решение всех вопросов по охране Государственной безопасности и порядка» передавалось т. н. Совету трех министров, или Троектории (в составе Червен-Водали, Ханжина и министра путей сообщения инженера А. М. Ларионова). Примечательна юридическая природа данного постановления. Здесь снова «сработала» схема 18 ноября 1918 г., по которой Совет министров передавал часть своих полномочий другому субъекту управления. Правда, в данном случае, не единоличному (Верховному Правителю), а «коллективному» диктатору (Троектории). Смирнов отмечал, что «правильнее было бы передать эти дела единоличному решению Заместителя Председателя, но зная, что Червен-Водали человек слов, а не решений, я считал такую комбинацию из трех лиц более надежной»⁷⁵. Совет министров принял постановление 23 декабря «без утверждения Верховным Правителем», ввиду «исключительных обстоятельств». Троектория могла принимать «меры неотложного характера, превышающие права отдельных министров, без вынесения таковых вопросов в Совет министров». К концу декабря Совмин работал уже не только без премьера, но и без его заместителя. Третьяков выехал в Читу для переговоров с атаманом Семеновым и для более эффективного взаимодействия с представителями Японии, военную поддержку которой он полагал необходимой для спасения правительства⁷⁶. Формальным председателем стал Червен-Водали, опиравшийся на Совет трех. За его подписью выходили теперь все постановления, первым из которых стало отрешение от должности «революционного» губернатора Яковлева. 27 декабря за подписью Червен-Водали было опубликовано «Обращение к населению», в котором недвусмысленно заявлялось: «Те, кто мешает Правительству работать, совершает тягчайшее преступление... Поэтому Правительство, призывая население к полному спокойствию, подчинению закону и власти, поддержанию порядка и исполнению долга перед Армией и Родиной, твердо заявляет, что с настоящего момента всякие попытки сопротивления законной власти будут решительно подавляться. Правительство располагает вполне достаточной силой, чтобы прекратить смуту и обеспечить порядок»⁷⁷.

Помимо решения вопроса о политической преемственности с белым Югом 25 декабря 1919 г. министром финансов Бурышкиным была отправлена телеграмма, смысл которой с первого взгляда мог показаться сугубо финансовым. Российским финансовым агентам за границей (Угету в США, Замену в Англии и Франции) было предоставлено право распоряжаться денежными суммами Иностранного отдела Министерства финансов. При этом указывалось,

⁷³ ГА РФ. Ф. 196. Оп. 2. Д. 8. Лл. 1–2.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 9431. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2–3; Ф. 5936. Оп. 1. Д. 361. Лл. 5–10.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 5887. Оп. 1. Д. 473. Л. 5.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3. Лл. 1–2.

⁷⁷ Правительственный вестник. Иркутск, № 1, 3 января 1920 г.; Русское дело. Иркутск, № 38, 27 декабря 1919 г.

что «финансовые агенты..., если наступят крайние внешние обстоятельства, должны будут распоряжаться самостоятельно в государственных интересах находящимися в их ведении суммами, согласуя свою деятельность с указаниями Бернацкого»⁷⁸. Теперь российские дипломатические представительства получили собственные крупные денежные ресурсы, позволявшие финансировать русскую эмиграцию и после окончания гражданской войны. Хотя формально они подчинялись теперь минфину белого Юга Бернацкому (он, как и Деникин, становился носителем всероссийского статуса), относительная автономия посольств укрепилась. Созданный в феврале 1921 г., Совет послов позиционировался как единственная российская власть после падения белого Крыма и Забайкалья в 1920 году. Следует помнить о претензиях российских посольств на статус легитимных структур, обладающих преемственностью от 1917 г., о чем заявлялось сразу же после прихода к власти большевиков.

Показательным фактом осуществления преемственности власти военно-политическим руководством белого Юга стала попытка обеспечить получение части золотого запаса России, находившегося, как известно, в специальном составе, следовавшем вместе с поездом Верховного Правителя от Омска до Нижнеудинска. 2 февраля 1920 г., уже после ареста Колчака, за несколько дней до его гибели, Нератов обратился к Сазонову с телеграммой, в которой отметил, что для «оплаты военных заказов, покрытия других расходов, вызываемых военными и государственными задачами, генерал Деникин возбудил уже перед адмиралом Колчаком вопрос о передаче в его распоряжение части золотого запаса. Ныне, применительно к создавшейся в Сибири и на Юге России военной и политической обстановке, мысль о необходимости надежного помещения за границей находящегося в Сибири золотого запаса, передаче права распоряжения этим запасом правительству генерала (Деникина. – *В.Ц.*) представляется бесспорной и требующей безотлагательного осуществления». Нератов полагал «немедленно вывезти золото за границу, депонировав его на хранение с целью получения под обеспечение им по мере надобности кредитов в Англии, САСШ, Японии примерно в равных долях». От имени Главкома ВСЮР («коему принадлежит право указания своих правопреемников») считалось возможным привлечь к посредничеству консорциум ведущих мировых банков. Однако спасти золотой запас и передать его Деникину не удалось.

Необходимость спасения власти стала неотложной задачей и для самого Верховного Правителя. В конце декабря, после «ультиматума» Пепеляевых и формального согласия на созыв законодательного (в перспективе) ГЗС, Колчак, очевидно, считал дальнейшие уступки «демократизации» излишними. Получая информацию из Иркутска и Читы (через полковника Сырбоярского), Колчак еще 19 декабря согласился «объединить все вооруженные силы тыла армий в одних руках, авторитетных также и в глазах японского командования»⁷⁹. При известии о готовящемся выступлении эсеровского подполья в Иркутске он, не известив о своем решении Совет министров, подписал приказы № 240/а и № 241. Согласно им атаман Забайкальского казачества, командующий Забайкальским военным округом генерал-майор Г. М. Семенов, производился в генерал-лейтенанты и назначался Главнокомандующим войсками сразу трех военных округов: Забайкальского, Приамурского и Иркутского «на правах Главнокомандующего армией» – «для обеспечения государственного строя и порядка в глубоком тылу армии»⁸⁰.

Данные приказы сводили на нет все проекты «административной революции». Ведь теперь атаман Семенов становился диктатором, действующим по Положению о полевом управлении войск, и таким образом все попытки Совмина осуществить разделение военной и гражданской власти, вернуться к принципам «Конституции 18 ноября» оказывались бесполезными.

⁷⁸ Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 162.

⁷⁹ Там же. с. 160; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив, № 6, 1961, с. 99.

⁸⁰ Тинский Г. Атаман Семенов, его жизнь и деятельность. 1920. с. 21–22.

По оценке Гинса, «назначение атамана Семенова главнокомандующим, без ведома Совета министров и без точного определения прав главнокомандующего, поставило правительство в чрезвычайно неловкое и затруднительное положение..., объявление всей территории театром военных действий и, следовательно, подчинение всех гражданских властей военным лишало Совет министров всякой власти»⁸¹. Приказы Колчака вызвали недовольство и у бывшего в Чите Третьякова, не без оснований считавшего, что в данных условиях Российское правительство делается излишним⁸². Правда, в условиях начинающегося революционного движения, грозившего, по словам самого Г. М. Семенова, «смертельным ударом с тыла», Совмину приходилось мириться с тем, что носителем власти становился одиозный для многих «демократов» казачий атаман, располагавший как вооруженными силами, необходимыми для борьбы с повстанцами, так и поддержкой со стороны Японии.

Сам новый диктатор отнюдь не стремился оказывать поддержку начатым правительством преобразований, действовал самостоятельно, прямолинейно и быстро, опираясь на полученные от Колчака «рычаги власти». В первых же своих приказах в новой должности генерал Семенов призывал «все население сплотиться вокруг армии и помочь ей в ее трудной работе по восстановлению права и государственности», а для создания «фундамента представительства» учредил в Чите совещание из представителей органов самоуправления, общественных, профессиональных и экономических объединений (игнорируя тем самым работу по открытию ГЗС)⁸³. С Третьяковым в Чите перестали считаться, и он вскоре отбыл в Харбин, одновременно проинформировав Иркутск и Париж (телеграмма Сазонову) о своей отставке⁸⁴.

Дальнейшие действия Совета министров, атамана Семенова и Верховного Правителя должны были бы направляться на ликвидацию мятежа. Но Троектория совершила серьезную политическую ошибку, пойдя на переговоры с восставшими. С самого начала переговоров определилась принципиальная разница позиций. «Социалисты» настаивали, чтобы Совет министров издал акт об отречении Верховного Правителя от власти (так же, как 18 ноября 1918 г. Совет министров призвал его к власти). Формально Совет министров мог это сделать, опираясь на буквальное толкование «Положения о временном устройстве государственной власти в России» (в пункте осуществления «верховой государственной власти» Совмином в случае, в частности, «долговременного отсутствия» Правителя). Но Совета министров в полном составе на тот момент уже не существовало, а действия Червен-Водали (второго заместителя премьера) опосредовались Троекторией. По воспоминаниям Смирнова «Червен-Водали и Государственный Контролер (Краснов. – В.Ц.) готовы были принять требования Политцентра, говоря, что «адмирал Колчак не оправдал возложенных на него надежд, поэтому его следует отречь от власти Верховного Правителя постановлением Совета Министров». «По-видимому, – отмечал морской министр, – у этих лиц чувство злобы было выше их рассудка и их предложение звучало столь несообразно, что даже не было поставлено на голосование». Превратно понятые требования компромисса с оппозицией сыграли роковую роль в решении вопроса о власти⁸⁵.

Еще на переговорах 2 января 1920 г. Червен-Водали пытался выступать с точки зрения носителя «центральной власти всей России»⁸⁶. Переговоры по телеграфу между Иркутском и Нижнеудинском об «отречении от власти» Колчака начались в тот же день, при посредстве штаба войск Чехословацкого корпуса (их контролировала квартирмейстерская часть во главе

⁸¹ Гинс Г. К. Указ. соч., с. 474.

⁸² ГА РФ. Ф. 196. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

⁸³ ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 99. Лл. 1–3.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 196. Оп. 2. Д. 3. Лл. 6–7.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 473. Л. 7

⁸⁶ Переговоры о сдаче власти Омским Правительством Политическому Центру. Январь 1920 года. Харбин, с. 14.

с майором Грабчиком). 3 января Политцентр выдвинул ультиматум, в котором требования относительно власти излагались так: «Адмирал Колчак должен подать в отставку; Совет министров должен подать в отставку; Атаман Семенов должен отказаться от всех должностей, которые ему были пожалованы Адмиралом Колчаком; Политические личности, которые виновны в настоящей Гражданской войне, должны быть переданы Новому Правительству; Все виновные лица должны быть переданы суду».

Ответ правительственной делегации прозвучал как капитуляция перед мятежниками. Задержанному в Нижнеудинске Верховному Правителю Троектория 3 января отправила телеграмму (№ 9442) с требованием «отречения» (именно Совет трех, а не Совет министров, еп согрога, стал инициатором ее отправки, что сужало правовое поле подобного действия, хотя в ней и указывалось на «единогласное настояние Совмина» об отказе Колчака от прав Верховного Правителя и об их передаче Деникину). Телеграмма была отправлена в 14.20 3 января, получена в поезде Верховного в 23.00 и расшифрована в 23.30 по местному времени. Призыв к отречению мотивировался тем, что с дальнейшее существование в Сибири возглавляемой Вами (Колчаком. – *В.Ц.*) российской власти невозможно». «Отречение» в пользу Деникина («обеспечивающее от окончательной гибели Русское дело») давало «возможность сохранить идею Всероссийской власти, сохранить государственные ценности (золотой запас. – *В.Ц.*) и предупредить эксцессы и кровопролития»⁸⁷. Червен-Водали, Ларионов и Ханжин решили также, что и «Совет министров подаст в отставку..., как только будут разработаны образцы, по которым будет сформировано местное или областное Правительство; тогда будут переданы должности, и с этого времени все обязанности переходят к новой власти». Лишь в отношении полномочий атамана Семенова Троектория ничего не смогла решить, хотя бы потому, что повлиять на него (в отличие от Колчака) было уже не в ее власти: «Польза, которую может доставить отставка Генерала Семенова для Восточной и Забайкальской Области, а также для Иркутска должна быть доказана. Правительство со своей стороны сомневается в пользе этой меры»⁸⁸.

Передача власти и распределение полномочий Верховного Правителя были оформлены последним подписанным Колчаком указом от 4 января 1920 г. (см. приложение № 5). Его содержание относилось в основном к делам белого Востока, тогда как о правопреемстве «Всероссийской власти» говорилось как об уже состоявшемся акте (фактически после постановления Совета министров от 22 декабря 1919 г. так и было, хотя слова «передаю власть» в Указе отсутствовали). «Ввиду предрешения мною (Колчаком. – *В.Ц.*) вопроса о передаче Верховной Всероссийской власти Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанту Деникину, впредь до получения его указаний», применительно к «Российской Восточной Окраине» Указ предоставлял «Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского Военного Округа, генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окraiны». Семенову поручалось также «образовать органы государственного управления в пределах распространения его полноты власти». Подобное повышенное внимание к белому Востоку объяснялось не только местонахождением Колчака, но, во многом, опасениями адмирала, что в случае отказа от статуса Всероссийской власти на Дальнем Востоке возобладают сепаратистские тенденции. В Указе говорилось о «сохранении на нашей Российской Восточной Окraине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией». Указ санкционировал создание Семеновым как высших военных, так и гражданских структур управления, но исключительно в орбите влияния «объединенной Российской Верховной власти», то

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 195. Оп.1. Д. 39. Лл. 1–3; Последние дни колчаковщины. Указ. соч., с. 162–163.

⁸⁸ Переговоры о сдаче власти... Указ. соч., с. 22.

есть под руководством Деникина⁸⁹. Юридическую природу этого акта нельзя считать неправомерной или сфальсифицированной. Он опирался на решение уполномоченной Советом министров Троектории, был подписан Верховным Правителем России адмиралом Колчаком и Председателем Совета министров Пепеляевым. Полномочия Деникина и Семенова призваны были сохранить «цепь преемственности» в руководстве Белым движением.

Так завершилась история Российского правительства и Российской армии в белой Сибири. Как известно, Колчак и Пепеляев, лишившиеся после «нижеудинского акта» собственного конвоя, были арестованы представителями Чехословацкого корпуса, переданы Политцентру, а затем – большевистскому Иркутскому ВРК, постановлением которого оба они без суда были расстреляны 7 февраля 1920 г. Так символически было уничтожено Российское правительство, представленное Верховным Правителем и Председателем Совета министров. Не успевшие выехать в Маньчжурию и Забайкалье министры, в том числе и участники Троектории, были также арестованы Политцентром, переданы большевикам и судимы показательным процессом в мае 1920 г. Члены «самозванного и мятежного правительства» (по оценке большевистского декрета) Червен-Водали, Ларионов, министр труда Л. И. Шумиловский и директор Русского бюро печати А. К. Клафтон были приговорены к высшей мере наказания (приговор приведен в исполнение 23 июня 1920 г.). Их реабилитация не проведена до сих пор и, видимо, не предполагается в обозримом будущем. Главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель погиб от обморожения при переходе по р. Кан, а остатки белых армий отступили в Забайкалье, составив основу Вооруженных сил Российской Восточной Краины, продолжив «борьбу с большевизмом» в 1920 г.

Глава 9

Итоги и перспективы политики «смены курса» в Белой Сибири.

«Правительство борьбы с большевиками – мира с ними не заключит никогда» – таким был стержень политического курса не только Российского, но и всех белых правительств. Для успеха этой борьбы требовалось найти оптимальные формы военно-политической организации. В Сибири и на Дальнем Востоке противодействие большевикам основывалось на сформировавшейся на рубеже 1917–1918 гг. политической модели, предусматривавшей сильное влияние представительных органов власти на исполнительные структуры (учредительно-санкционирующие функции Сибирской Областной Думы по отношению к Временному Сибирскому правительству и Временному правительству Автономной Сибири, Уфимского Государственного Сопения – по отношению к Временному Всероссийскому правительству). Оставаясь под влиянием революционных событий 1917 г., данное «представительство» носило преимущественно социалистический характер, ориентированный на линию эсеровских программ. Исполнительная власть на Востоке России стремилась к поддержке наиболее эффективных в условиях войны «диктаториальных форм» правления (ропуск Сибирской Областной Думы – по фактической инициативе Временного Сибирского правительства, деятельность Административного Совета, участие Совета министров Временного Всероссийского правительства в «омском перевороте» 18 ноября 1918 г.). «Диктатура», в свою очередь, стремилась опираться на представительскую систему: об этом официально заявлял Верховный Правитель, для этого создавались Экономическое и Земское Сопения, «общественность» привлекалась к работе в правительственных структурах. Но в отношении представительной системы испол-

---

⁸⁹ Текст последнего указа Верховного Правителя России был широко растиражирован штабом Чехословацкого корпуса и цитируется по его факсимиле, воспроизведенном в книге В. Борисова «Дальний Восток», Вена, 1921, вкладка на с. 17. Но по причине его «отправки» из штаба Чехкорпуса во Владивостоке, например, этот акт считали «апокрифическим» (Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 298).

нительная власть выполняла учредительно-санкционирующую функцию. «Общественность» призывалась «сверху».

Политический кризис конца 1919 г., вызванный падением Омска, привел к «административной революции», ориентированной на сотрудничество с общественностью (в том числе – с оппозиционной). Но, меняя курс, белая власть не учла степени потенциального недоверия к своей политике. Кадеты и правые общественно-политические структуры в той или иной форме (вплоть до создания добровольческих дружин Святого Креста) поддерживали Российское правительство, но правоцентристская общественность оказалась недостаточно сплоченной и влиятельной. Левые же и левоцентристские группы (эсеры, кооператоры, областники) не только не стремились к сотрудничеству с властью, но, напротив, готовились к вооруженному мятежу (оправдывая его, в частности, мстостью за переворот 18 ноября). Получался парадоксальный и во многом порочный круг. Чем больше правительство говорило об «отказе от диктатуры» и «союзе с демократией», тем сильнее становились позиции противников «колчаковщины» среди «общественности», видевших в «административной революции» проявление слабости власти, тактические уступки, а не искреннее стремление к переменам. Еще один, во многом парадоксальный, замкнутый круг заключался в стремлении Российского правительства обеспечить «прочность власти» путем «сближения с народом», реформирования системы управления посредством осуществления принципа «разделения властей» (применительно к власти военной и гражданской). Однако на практике чем больше говорилось и делалось для того, чтобы «власть военная подчинялась власти гражданской», тем слабее становились белый фронт и тыл, усиливалась борьба за власть. Подтвердился тезис об опасности политических перемен в тылу во время неудач на фронте.

Была ли ошибкой «административная революция»? С точки зрения тактики «борьбы с большевизмом» в условиях Сибирского Ледяного похода, когда каждая незначительная ошибка вела к значительным неудачам, потере времени и инициативы, политические преобразования оказались вредными. Гораздо эффективнее становились бы укрепление власти, ее централизация, вплоть до единоначалия. К этому решению пришли как деятели Российского правительства (создав Троекторию), так и сам Колчак (учреждая Верховное Совецание и передавая атаману Семенову чрезвычайные полномочия в области управления Российской Восточной окраиной). Однако с точки зрения долгосрочной стратегии – союз власти и общества, взаимное доверие военной и гражданской власти были необходимы для обеспечения единства фронта и тыла Белого движения. Без достаточной «народной поддержки» становилась очевидной невозможность опоры лишь на армию, обескровленную потерями во время боев на Урале и в Западной Сибири.

Конец 1919 г. в истории Белого движения на Востоке России характерен образованием целого спектра управленческих систем: от представительного-парламентской (Всесибирский Земский Собор) до уже апробированной диктаторской (чрезвычайные полномочия атамана Семенова). При этом действующей оставалась и прежняя, хотя и реформированная, модель Российского правительства (Верховный Правитель – Совет министров), основанная на «Конституции 18 ноября». Можно предположить, что при стабилизации фронта, остановке наступления Красной армии правительство имело бы возможность упрочить свое положение и получить искомую поддержку «общественности» (прежде всего правой и правоцентристской). Левая, «непримиримая» оппозиция, парализованная результативной работой контрразведки, оказалась бы расколотой, и часть ее (как это уже было после «переворота 18 ноября») неизбежно бы вернулась на путь сотрудничества с властью, принимая участие в работе Земского Совецания и впоследствии созданного законодательного органа. Восстановление единства Российского правительства, совместная, а не раздробленная пространствами Транссиба работа Верховного Правителя и Совета министров укрепили бы исполнительную вертикаль.

Но этого не произошло. Трагедия Белого движения в Сибири заключалась в том, что для осуществления альтернатив требовалось время, которого оно уже не имело.

Реализация любых политических проектов зависела, в конечном счете, от успехов на фронте. По точному замечанию Гинса «правительство волею судеб не только не укрепило своих позиций, но политической бездеятельностью, проистекавшей главным образом из-за невозможности сноситься с Верховным Правителем и доложить ему принятые постановления, усилило общее разочарование. Впрочем, при том положении дел на фронте, которое создалось к началу декабря, политическими реформами можно было только отсрочить, но не устранить крушения власти»⁹⁰. Во многом схожие политические процессы происходили в это же время на белом Юге и Севере России.

---

⁹⁰ Гинс Г. К. Указ. соч., с. 470.

Раздел 2

Эволюция политических структур на белом Юге России (ноябрь 1919 г. – март 1920 г.)

Глава 1

«Кубанское действо» и перемены в политической системе Края.

Провал «похода на Москву», поражения ВСЮР в боях на линии Киев – Орел – Царицын и широкое повстанческое движение в тылу («махновщина») осенью 1919 г. привели руководство белого Юга к осознанию необходимости политических перемен для усиления «борьбы с большевизмом». Как и в Сибири, первоначальные преобразования происходили в форме укрепления существующей властной вертикали, приоритета исполнительной власти, военного управления. Одной из основных причин неудач на фронте считалась потеря боеспособности кубанских казачьих частей из-за отступнической позиции части т. н. «самостийных» депутатов Рады. По оценке Деникина, развернутая анти-добровольческая кампания под лозунгами «полного невмешательства главного командования в дела Кубани» помогала большевикам, рассчитывавшим лишить единства южнорусское Белое движение⁹¹.

Истоки противоречий Главного командования ВСЮР со структурами управления Кубанского Края восходят к лету 1918 г. Накануне Второго Кубанского похода из штаба Добрармии было направлено официальное письмо атаману – генерал-лейтенанту А. П. Филимонову, в котором были четко обозначены приоритеты взаимоотношений в сфере «разрешения вопроса об организации вооруженной силы». В принципе данное заявление не выходило за рамки военно-политического соглашения, заключенного еще генералом Корниловым в марте 1918 г., в ауле Шенджий, при объединении Добровольческой армии с Кубанским Правительственным отрядом. Командование Добрармии по-прежнему сохраняло за собой военное руководство, усиленно подчеркивая, что только при восстановлении военного единства возможно политическое сотрудничество: «Местные полки и пластунские дивизии первой очереди, призывавшиеся на службу в мирное время и составлявшие части общегосударственной армии, и теперь должны составить отнюдь не территориальные временные Кубанские войска, а войти в состав Добровольческой армии, выполняющей общегосударственные задачи и составляющей кадр будущей Великой Армии». 3 августа 1918 г., в преддверии созыва Краевой Рады, Деникин выражал уверенность, что местный парламент «создаст единоличную твердую власть, состоящую в твердой связи с Добровольческой армией». Указывались приоритетные направления краевой политики: «Только казачье и городское население Области, ополчившееся против врагов и насильников и выдержавшее вместе с Добровольческой армией всю тяжесть борьбы, имеет право устраивать судьбу родного края. Но пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудившимся темным людям и высшая справедливость в отношении массы безобидного населения».

Существенно усилил позиции генерала Деникина приказ № 145 от 30 мая 1919 г. После признания Главкомом ВСЮР власти Верховного Правителя России южнорусские казацкие войска должны были самостоятельно решить вопрос о своем правовом статусе в отношениях с Омском. Приказ № 7 от 12 июня 1919 г. устанавливал: «Все занимаемые Вооруженными Силами Юга России территории, лежащие вне пределов областей казачьих войск в границах их, существовавших до 28 октября 1917 г., поступают в управление Верховного Правителя

---

⁹¹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1926. т. V, с. 197–199.

России, а временно – в управление Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России»⁹². Данная проблема, как отмечалось выше, решалась, во-первых, через признание Российским правительством казачьего самоуправления (Грамота от 7 мая 1919 г.), а во-вторых, посредством организации представительных структур Южнорусской власти, проекты которой рассматривались на заседаниях Южно-русской конференции государственных образований в течение лета – осени 1919 г. Однако одновременно с попытками сближения с Главным командованием росло и обоюдное противостояние, выражавшееся в т. н. «таможенной войне» между Кубанским Краем и губерниями, подведомственными Особому Совещанию, в продовольственной политике, – все это нарушало порядок комплектования и снабжения частей ВСЮР.

Косвенно на отношения с добровольческим командованием влияла и политическая система Кубанского Края, при которой власть атамана ограничивалась представительными структурами – Краевой и Законодательной Радами. Лояльность в отношениях между Деникиным и атаманом Филимоновым не могла компенсировать противодействия «самостийной оппозиции» в Парламенте. Поэтому в октябре 1919 г. главой Отдела законов Особого Совещания К. Н. Соколовым и группой депутатов Рады обсуждался проект изменения Временного положения об управлении Кубанским Краем – т. н. «кубанской конституции». Предполагалось усилить власть атамана и правительства, взяв за образец политическую систему Донского Войска. Для этого следовало упразднить Законодательную Раду, передав законодательные функции атаману и назначаемому им правительству. Высшей властью в Крае становилась Краевая Рада, созываемая ежегодно атаманом. Только перед ней он отчитывался бы в своих действиях⁹³. Спецификой Краевой Рады, как и всех представительных структур казачьих войск России, было отсутствие в ней партийных фракций (первую политическую группу, «объединенную группу федералистов-республиканцев», пытался создать осенью 1919 г. заместитель председателя Рады П. Л. Макаренко). Депутаты представляли территориальные округа, и поэтому разница их политических взглядов была относительной. Тем не менее еще с 1918 года сложилось разделение на «черноморцев» (делегатов из южных и юго-западных отделов Края, призывавших к Новороссийской губернии) – сторонников «самостийности» и «линейцев» (делегатов из отделов, пограничных с горскими народами), поддерживающих политику Главкома ВСЮР. «Отдельские» совещания стали «политическими клубами» Рады. «В них предварительно решались все важные вопросы, стоявшие на повестке... На пленарное заседание приходили с уже готовыми решениями»⁹⁴.

Деление на «линейцев» и «черноморцев» было достаточно условным, равно как и определение «самостийности». В 1919 г. применительно к Кубани (в отличие, например, от Украины) оно означало отнюдь не требование государственного суверенитета, независимости (эти лозунги вместе с «левым радикализмом демагогической окраски» характеризовались понятием «сепаратизм»), а осуществление принципов «единая Кубань в единой Федеративной Российской республике», «координация действий с Главным Командованием в борьбе с большевиками – только на основе определенного договора, как «равного с равным». Споры вызывали границы полномочий краевых органов власти, а также вопросы создания собственных вооруженных сил. Показательна в этом отношении брошюра «Какая нужна Республика трудовому народу», изданная отделом пропаганды Кубанского краевого правительства. Красноречивое название определяло радикальное содержание. Автор (И. Рашковский) убеждал читателей в полной невозможности возврата к «самодержавному строю» и из имеющихся в мировой практике форм правления наиболее предпочтительным считал «федеративную республику». Кон-

⁹² ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 37. Л. 1; Ф. 6532. Оп.1. Д.1. Л. 44.

⁹³ Деникин А. И. Указ. соч., с. 208.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Л. 70.

ституционную монархию «на английский манер», как наиболее популярную в 1919 г. среди идеологов Белого движения, Рашковский полагал несвоевременной для России, поскольку «народ английский тысячу лет приручал своих королей... к порядку, с оружием в руках... вбивал в их головы ту мысль, что не народ для них, а они для народа». Поэтому «нам нужна» «демократическая республика», при которой «все должны иметь право участвовать в выборах депутатов в Парламент», а выборы проводятся по «четырёххвостке» (чтобы парламент был «государственным собранием, а не купеческим, крестьянским или иным»). Республика должна быть «парламентарной», потому что «нужно чтобы охранялись и исполнялись хорошие законы» («нужно, чтобы министры ответствовали перед законодательным собранием»). «Парламент должен быть однопалатным», исключительно выборным органом. И конечно, в России, ввиду обширности территории, многочисленности населения, разнообразия религиозных, национальных особенностей, возможно введение только лишь «федеративной республики». «Каждый народ должен писать самостоятельно нужные ему законы; а те законы, которые одинаково интересны для всей России, могут писаться в Петрограде, но только по взаимному согласию всех населяющих страну народов». Противниками республиканского строя, по мнению Рашковского, являются политические партии, начиная от монархистов и заканчивая РСДРП (б), так как каждая из них (хотя и по-своему) стремится к централизации. Сторонниками же республики станут «все те народы и все те Края, которым было и будет тяжело под пятой централизма государственной власти», и особенно «казачество и горские народы». Автор приводил в пример Законодательную Раду Кубанского Края, контролировавшую правительство и атамана, настаивал на универсальности подобной формы управления во всей будущей России. Помимо казачьих войск и горцев, сторонниками «федерализма» он считал «Сибирь, Украину, Урал, Туркестан, Кавказские народы (Закавказье. – В.Ц.), Белоруссию, Бессарабию, Литву, Поляков, Финляндию». Говоря о перспективах государственного строительства, Рашковский заявлял: «Когда будут устроены отдельные части России, правительства этих частей должны будут устроить съезд, на котором и выработают союзный договор (Конституцию)», положившему бы начало «Новой, Великой, Российской, Федеративной Республике». Подобного рода брошюры лишь углубляли разногласия между Главным Командованием и кубанскими политиками, стремившимися к максимальной самостоятельности⁹⁵.

Главком ВСЮР и Особое Совецание ориентировались на сотрудничество с «линейцами», составлявшими почти половину депутатов Рады, при возможной нейтрализации «самостийников – черноморцев». Подобная тактика требовала определенной политической гибкости, что в условиях гражданской войны не всегда удавалось. В случае же изменения краевой Конституции и усиления исполнительной вертикали сотрудничество Главкома ВСЮР с атаманом и правительством укреплялось бы, что позволяло, по мнению Главного командования, эффективнее решать проблемы текущей политики. Но внесение поправок в Конституцию было прерогативой Парламента. 24 октября 1919 г. начала работу 3-я сессия Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады, в повестке дня которой не значилось никаких вопросов о пересмотре «Временного Положения». Среди прочих там были пункты «о действиях Парижской делегации», «о работе Южнорусской конференции». «Парижская делегация» из депутатов Рады (Л. Л. Быча, В. Д. Савицкого, А. А. Намитокова и А. И. Калабухова) была отправлена во Францию для «дипломатического представительства самостоятельного Кубанского государственного образования», с правом заключения международных соглашений, с последующей отчетностью перед Краевой Радой. 29 мая 1919 г. на имя председателя мирной конференции, премьера Франции Клемансо, Быч направил обращение следующего содержания: «Признать территорию Кубани с ее определенными границами, с ее правительством, ответственным перед представителями народа (Радой. – В.Ц.), и с ее армией – за независимое государство, допустить

⁹⁵ Там же. Лл. 65–67; Рашковский И. Какая нужна Республика трудовому народу, Екатеринодар, 1919, с. 13, 15, 29–32.

на этом основании представителей территории Кубани к работе Конференции, относящейся к судьбам России в целом и в частях, допустить территорию Кубани как независимое государство в число членов Лиги Наций».

Сам факт отправки самостоятельной делегации для решения вопросов внешней политики юридически был весьма спорным. Действительно, кубанские власти обладали правом ведения дипломатических переговоров, а Рада могла «утверждать договора, заключаемые с другими государствами, государственными образованиями и областями»⁹⁶. Стремление стать субъектом международного права было характерно и для «старшего брата» Кубани – Все-великого Войска Донского, отправившего в Париж весной 1919 г. специальный меморандум, в котором «державам-победительницам» предлагалось «Признать Донскую Республику... самостоятельным государственным образованием»⁹⁷. Однако в то же самое время, еще в декабре 1918 г., Кубанское правительство одобрило решение «об общем представительстве Государственных образований России в международных отношениях» и тем самым признало полномочия «общего представителя Государства Российского на Международном мирном Конгрессе» – С. Д. Сазонова. А в соответствии с установленными Российским правительством «пределами полномочий» Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России «в сфере внешней политики» предоставлялось «самостоятельное руководство иностранной политикой в пределах вопросов, касающихся вверенной ему территории и не имеющих общегосударственного значения». Правда, как указывалось выше, казачьи земли исключались из непосредственного подчинения Главкома ВСЮР, но в любом случае «общее руководство в области внешней политики» могло принадлежать только Российскому Правительству, а не отдельным краевым образованиям, хотя бы и в пределах «разделения полномочий»⁹⁸.

Возможно, что деятельность делегации в Париже и не вызвала бы серьезных протестов со стороны Главного Командования (хотя Сазонов и Маклаков в своих телеграммах неоднократно указывали на опасность сепаратистского поведения кубанских делегатов), если бы не подписанный ею в июле 1919 г. «Договор дружбы» с делегацией правительства «Республики Союза Горцев Кавказа» (А. Чермоев – глава делегации, И. Гайдаров, Х. Хадзарагов, Г. Бамматов – министр иностранных дел). Главным смыслом договора было обоюдное признание государственного суверенитета, поскольку «политическое, культурное и экономическое преуспевание Кавказа и пользование благами мира возможно лишь при упрочении дружественных отношений между кавказскими государствами». В первом же пункте «Договора» значилось: «Правительство Кубани и правительство республики Горских Народов Кавказа настоящим торжественным актом взаимно признают государственный суверенитет и полную политическую независимость Кубани и Союза Горских Народов Кавказа». Далее шли пункты, касавшиеся «территориальных границ между Кубанью и Республикой Союза Горских Народов Кавказа» (их следовало установить «последующими дружественными соглашениями между договаривающимися сторонами»), «товарообмена и таможи», «транспорта», «почт и телеграфов», «денежного обращения» (их тоже следовало «урегулировать путем особых дополнительных договоров»). 3-й пункт обязывал Кубань к проведению самостоятельной политики на Северном Кавказе: «Стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни в форме соучастия с кем бы то ни было никаких мер, клонящихся к уничтожению или умалению суверенных прав Кубани и Республики Союза Горских Народов Кавказа»⁹⁹. И хотя этот договор не был ратифицирован представительными структурами Кубани, не имел необходимого номера и был напечатан с «открытой датой» («...июля 1919 года»), он стал «последней каплей, пере-

⁹⁶ Раздел V, ст. 15 // Конституция Кубанского края 1918 г. Прага, 1929; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Архив Всероссийского Национального Центра. Ф. 7. Д. 4. Л. 153.

⁹⁷ Меморандум делегации Донской республики на конференции мира. Новочеркасск, 1919, с.5.

⁹⁸ Правительственный вестник. Омск, № 234, 14 сентября 1919 г.; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д.3. Л. 25.

⁹⁹ Закаспийский бюллетень, № 3, 10 ноября 1919 г.; La Cause Commune. Общее дело. Париж, № 63, 25 декабря 1919 г.

поллившей чашу долготерпения» Главкома ВСЮР. Ведь речь в этом договоре шла не просто о суверенитете Кубани, но и о суверенитете Горской Республики, не признанной ни командованием ВСЮР, ни Российским правительством. Меджлис Союза Горских Народов осенью 1919 г. проводил откровенно «антиденикинскую» политику, поддерживая повстанческое движение на территории Чечни и Дагестана, и договор фактически санкционировал это движение Кубанью (тем более что 4-м его пунктом предусматривалось подчинение меджлису кубанских войсковых частей, если таковые оказывались на территории Горской Республики).

Реакция со стороны Главкома не заставила себя ждать. Как только сведения о договоре проникли в прессу (сперва в грузинские газеты), 25 октября 1919 г., с пометкой «срочно», был разослан приказ-телеграмма № 016729, определивший договор как «измену России», «обрекавший на гибель Терское войско»¹⁰⁰. И хотя в договоре говорилось, что «установление территориальных границ между Кубанью и республикой Союза Горских Народов имеет быть предметом особых последующих дружественных соглашений», Деникин правомерно усмотрел в этом «отторжение от Терско-Дагестанского Края горских областей». А это, безусловно, предполагалось в случае исключения из Терского Войска станиц Плоскостной Чечни и Ингушетии («Сунженская линия»)¹⁰¹. Кроме того, Терско-Дагестанский Край, как субъект права, уже входил в категорию территорий, на которые распространялась власть Главкома ВСЮР, и любые подобного рода соглашения требовали его санкции, равно как и санкции государственных структур Терского Казачьего Войска. Таким образом, данный договор имел все основания считаться «юридически ничтожным», если исходить из норм права, действовавших на территории, занятой ВСЮР, и полностью игнорировать полномочия Союза Горцев. Однако действия Главкома ВСЮР не ограничились приказом-телеграммой. Важнее было не только дезавуировать соглашение, но и утвердить приемлемый для Главного Командования принцип государственного нормотворчества, и, при возможности, добиться желаемых изменений кубанской Конституции. Заочно предавая всех участников договора (как членов кубанской делегации, так и представителей Союза Горцев) «военно-полевому суду за измену», Деникин решил действовать по нормам Положения о полевом управлении войск. С этой целью вся Кубань была объявлена «тыловым районом Кавказской армии», состоявшей преимущественно из кубанских казачьих частей, и действующие на ее территории структуры власти были обязаны подчиняться военным. Командующий армией генерал-лейтенант П. Н. Врангель, противник «самостийности», был заинтересован в «прочности тыла» и надежности поступающих к нему пополнений. Он полностью поддерживал проект усиления исполнительной власти в Крае, согласуя свои действия с Деникиным и профессором Соколовым.

1 ноября «командующим войсками тыла» был назначен генерал-лейтенант В. Л. Покровский (телеграмма Врангеля № 560). На него возлагалась задача ареста одного из подписавших договор депутатов Рады, бывшего в Екатеринодаре – А. И. Калабухова (позднее потребовалось арестовать еще 12 депутатов – «самостийников»). 5–6 ноября Покровский дважды требовал от Рады лишения их депутатской неприкосновенности, недвусмысленно намекая на возможность применения силы в случае «неповиновения» Парламента. С правовой и политической точек зрения подобные действия Главного Командования были далеко не бесспорны. Здесь не только нарушались заверения в признании прав и свобод казачества, но и создавался прецедент игнорирования любых суверенных законоположений, опираясь на неоспоримое «право военного времени».

Начался конфликт властей, вошедший в историю гражданской войны как «кубанское действие». Краевая Рада в первые дни после начала своей работы выразила категорическое несогласие с требованиями Главного Командования. 2 ноября единогласно была принята

¹⁰⁰ Деникин А. И. Указ. соч., с. 210

¹⁰¹ Там же; La Cause Commune. Общее дело. Париж, № 63, 25 декабря 1919 г.

резолуция, в которой «парижской делегации» гарантировались «полная неприкосновенность» и ответственность исключительно перед Радой, приказ-телеграмма Деникина объявлялся «нарушением суверенных прав Кубанского Края, а также и прав государственных образований Дона и Терека», требовалась его «срочная отмена». Впредь до прекращения конфликта делегация Кубани заявляла о приостановке своего участия в работах Южнорусской конференции¹⁰².

Однако после «ультиматума» Покровского, когда атаман Филимонов фактически признал невозможность обеспечения депутатской неприкосновенности, конфликт быстро закончился. Лидер «самостийной оппозиции» в Раде Макаренко нерасчетливо попытался поставить вопрос о доверии атаману и передаче власти Президиуму Рады. «Расколоть» парламент не удалось, и Рада выразила доверие Филимонову. После этого Макаренко скрылся, «оппозиция» лишилась своего лидера и быстро сдала позиции. Уже 6 ноября Калабухов, П. Макаренко, Омельченко, Манжула и Роговец «решили, во избежание насильственных против Краевой Рады действий со стороны расположенных вокруг помещения Рады войск, добровольно отбыть во дворец Войскового Атамана, согласно полученным указаниям». Тем самым вопрос о депутатской неприкосновенности снимался. В этот же день Краевая Рада приняла новую резолюцию. Объявлялось, что «кубанская делегация во Франции лишается полномочий», а Рада «торжественно подтверждает свою решимость вести борьбу с большевизмом до полной победы в полном и неразрывном союзе с Добровольческой Армией». В соответствии с намерениями Главного Командования подтверждалась необходимость «в интересах борьбы за возрождение Единой, Великой, Свободной России, организации общей государственной власти на Юге России с сохранением для Кубани, Дона и Терека широких прав по устройению их внутренней жизни». Вместо протеста по поводу ареста депутатов Рада ограничилась лишь «просьбой» об «освобождении», а если это «невозможно», то «судить их в кубанском суде». В отношении членов делегации во Франции была «просьба» об изъятии их дела от «военной подсудности» и «организации следствия и суда» над ними «кубанской судебной власти с участием, если того пожелает генерал Деникин, его представителей». Отдельным пунктом отмечалась «просьба» «передать командование кубанскими тыловыми частями кубанскому войсковому атаману», что предполагало отмену режима тылового района Кавказской армии. Тем самым Рада все-таки не отходила от принципов регионального суверенитета, подчеркивая сохранение статуса местной судебной системы и воинских частей, размещенных в Крае. Генерал Покровский дал Раде письменные заверения в том, что он «сохранит жизнь всем арестованным, согласно приказа от 6 ноября, членам Рады, независимо от приговора военно-полевого суда». Это обещание не распространялось, однако, на единственного члена парижской делегации, оказавшегося в эти дни на Кубани, – А. И. Калабухова, казненного 7 ноября 1919 г.

В оценке действий делегации примечательна позиция главы Союза Возрождения России народного социалиста В. А. Мякотина, считавшегося одним из ярких «демократов» на белом Юге. Он отмечал, что «большинство членов Рады называют себя федералистами», но в то же время «не представляют себе, что внутри федерации немыслима экстерриториальность и не может быть речи о самостоятельных государствах». «Политику Рады, – считал Мякотин, – трудно назвать демократической», учитывая ограничения в избирательной системе (10-летний ценз оседлости для участия в выборах) и земельной политике (передача всего земельного фонда казачьему сословию). «На автономии Кубани, как и на автономии Дона, никто не покушался и существующие до сих пор проекты создания общегосударственной власти на Юге России предусматривали эту автономию в весьма широких размерах. Спор шел о другом, – должна ли и может ли быть рассматриваема Кубань сейчас как самостоятельное государство. И вот в этом-то споре руководители Кубанской Рады заняли совершенно непримиримую позицию, что

¹⁰² Протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады созыва 28 октября 1918 года № 51–72 (заседания с 24 октября по 14 ноября 1919 года), Екатеринодар, 1919, с. 15–16.

Кубань является именно самостоятельным государством и что она может отказаться от своего суверенитета и своей самостоятельности только в момент созыва Российского Учредительного Собрания». Но это неверно. «Русская демократия, в том числе и кубанская, кровно заинтересована в скорейшем возрождении России, в скорейшем восстановлении ее государственного единства.

Но этого возрождения чрезвычайно трудно достигнуть... без предварительного создания единства государственной власти, единства финансов, единой экономической политики и единой армии. Идти к той же цели путем союза отдельных областей, превращающегося в свое время в отдельное государство, значило бы идти чрезвычайно долгой и опасной дорогой... Руководители Рады в погоне за государственной самостоятельностью Кубани стремятся ввести собственную политику... В таких «самостийнических» стремлениях очень мало демократизма, но много дешевой демагогии». Правда, после вынесения Радой решения об аннулировании полномочий «парижской делегации» Мякотин полагал конфликт исчерпанным и призывал стороны к компромиссу¹⁰³.

«Действо», однако, продолжилось. На заседании 8 ноября депутаты Траценко и Каплин поставили вопрос «о необходимости, в видах усовершенствования строя управления, предупреждения осложнений в Крае и на фронте и сохранения жизни арестованных членов Рады, произвести некоторые изменения ныне действующего Временного Положения об управлении Кубанским Краем». Легкость и быстрота, с которой голосовались поправки, принципиально менявшие структуру политической системы Края (они были приняты в течение немногим более трех часов в двух чтениях), свидетельствуют как о растерянности «самостийной оппозиции», так и о готовности части депутатов Рады провести обсуждавшиеся накануне сессии поправки, используя «ультиматумы» со стороны Главного командования (показательно, что поправки были приняты после выступления в парламенте Врангеля, говорившего депутатам о важности укрепления фронта и тыла). Но в конце заседания 8 ноября был принят документ, в преамбуле которого уже не осталось и следов оппозиции: «Кубанский Край мыслит себя неразрывно спаянным с Единой, Великой и Свободной Россией. Население Края сохраняет твердую уверенность в близкой победе над врагами России и непоколебимое решение вести борьбу до конца в тесном союзе с Добровольческой Армией». Провозглашалась и важность участия в работе Южнорусской конференции для «создания единой Государственной власти на Юге России с участием в ней представителей Кубани и с сохранением за Кубанью широких прав по устройению краевой жизни через свои представительные учреждения и органы исполнительной власти». Далее шли конституционные поправки, сводившиеся к следующему: Законодательная Рада распускалась и ее функции передавались Краевой Раде. Учреждалась особая Атаманская Рада, назначение которой определялось «исключительно для избрания Войскового Атамана». Порядок ее избрания еще следовало утвердить. Расширялись полномочия исполнительной власти, и хотя правительство сохраняло свою ответственность перед Радой, атаман получил право роспуска Краевой Рады в случае «несогласия с вотумом недоверия Правительству», при этом в течение двух месяцев следовало провести новые выборы парламента, а в случае повторного вотума недоверия – отправлялось в отставку правительство¹⁰⁴.

Прошли переборы кубанского руководства. Несмотря на выраженное ему доверие, Филимонов заявил о своей отставке, и новым атаманом стал генерал-майор Н. М. Успенский («большой доброжелатель Добровольческой армии», по оценке Деникина), председателем Рады стал также лояльный к Главному Командованию Д. Е. Скобцов, правительство возглавил «линеец» Ф. С. Сушков. Так военно-политическое руководство белого Юга смогло выйти из начавшегося кризиса в отношениях с казачеством. Однако достигнуто это было не путем

¹⁰³ Там же, с. 22–23; *La Cause Commune*. Общее дело. Париж, № 63, 25 декабря 1919 г.

¹⁰⁴ ГА РФ. 6611. Оп.1 Д. 4. Лл. 193–193 об.

«распутывания» сложных взаимоотношений внутри белого тыла, а с помощью «силового варианта» объявленного «военного положения» и «ценой крови» казненного по приговору военно-полевого суда Калабухова (остальные арестованные члены Рады были помилованы решением Главкома ВСЮР, хотя им запретили проживать на территории Кубанского Края и они были высланы за границу).

Примечательна оценка атаманом Филимоновым положения на Кубани в конце 1919 г. 2 декабря им было отправлено письмо Деникину, в котором атаман накануне своей отставки предупреждал Главкома от излишнего доверия к тем, кто обвиняет кубанцев в «самостийности»: «Наиболее пугающее всех и постоянно Вас тревожащее «самостийное» течение никогда не имело и не имеет корней в массе кубанского населения и фабриковалось в Екатеринодаре в небольших и малозначащих партийных и радянских кругах. Преувеличенное представление о значении на Кубани самостийников объясняется нервностью общества и излишними стараниями органов осведомления (ОСВАГ. – В.Ц.). Более опасные и гнусные явления нашего времени оставались и остаются в тени. Взяточничество, спекуляция и т. п. грехи разъедают нашу жизнь и жизнь Армии неизмеримо больше, чем временное уродливое явление Бычевское и Макаренковское. Протестантство Быча, Савицкого и др. выросло не столько на почве политической и партийной борьбы (какой там Савицкий партийный человек?!), сколько под влиянием постоянно уязвленного самолюбия во время Кубанского похода определенно презрительным отношением к ним чинов Добровольческой армии». По мнению атамана, дело «самостийников» было «осуждено на уничтожение», однако они стремились «играть» в «расчете» на союз с Петлюрой, а затем на неудачи ВСЮР и армии Колчака. Не случайно в момент приближения Восточного фронта к Волге «самостийная группа» уже собиралась «сложить оружие». Неудачи на фронте ВСЮР дали им надежду на возможность захвата влияния в Раде, но в конечном итоге их попытки провалились и они добровольно пришли к атаману. «Оказалось, что за спиной самостийников ничего и никого не было и они будировали за свой лично страх». Что касается дезертирства из кубанских полков, то это «результат усталости, шкурничества, недостатка надзора в войсковых частях и общей расхлябанности», а отнюдь не «самостийничества».

Велики были психологические последствия «кубанского действия». Филимонов отмечал, что неизбежно «усилится подпольная работа оставшихся самостийников, агитация в пользу дезертирства и зеленоармейства». Нужно ждать падения доверия «к лучшим представителям казачества, мечтающим о сближении всех казачьих областей и создании особого казачьего союза (Юго-Восточного Союза. – В.Ц.) как оплота Государства Российского» и наряду с этим «усиления популярности ничтожных и невежественных людей, ныне поставленных в ореоле мученичества». Преодолеть эти негативные последствия можно было, как считал атаман, дав «уродливому явлению естественно рассосаться или быть осужденным самим населением». Но для этого «нужно только время». Подсознательно ощущал это, очевидно, и Главком. «Вынужденный в силу государственной необходимости на применение суровых мер, – отмечал позднее Деникин, – я знал, что удар по кубанским демагогам косвенно отзовется на самосознании кубанского казачества». Исходя из результатов осенней сессии «можно было думать, что укрепление новой власти остановит тот процесс разложения, который в течение более года точил организм Кубани». Но сохранялась «затаенная обида» за «нарушенный суверенитет». Даже атаман Успенский в завершении сессии Рады говорил о готовности «сделать так, чтобы никакие посторонние силы не мешали строить нашу жизнь так, как нам угодно»¹⁰⁵. «Нельзя не отметить, – вспоминал один из депутатов Донского Круга, – что отношения с казаками в первые месяцы деятельности Особого Сопещения были гораздо ровнее, корректнее и добросовестнее, чем впоследствии. Только после летних побед 1919 года и занятия Орла Добровольческой армией Особое Сопещение почувствовало себя Всероссийским правительством и изменило

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 37. Лл. 1–4; Деникин А. И. Указ. соч., с. 213–215.

тон... Последующий отход от Орла и затем уже бегство от Харькова не произвели своего действия: даже в декабре Особое Совецание сохраняло свой великодержавный тон по отношению к своим «союзникам», как называл казаков генерал Деникин в своих приказах»¹⁰⁶. Возможно, единственным выходом из создавшегося кризиса могло бы стать завершение работы Южнорусской конференции и создание «южнорусской власти» на основании проектов, которые обсуждались и были одобрены конференцией. Однако неудачи на фронте, отступление ВСЮР за Дон, потеря в конце декабря 1919 г. центров белого юга – Таганрога (Ставка ГК ВСЮР), Ростова-на-Дону (часть управлений Особого Совецания) и столицы Войска Донского – Новочеркасска – показали слабость белых армий. В Краевой Раде снова активизировалась оппозиция. После скоростной кончины от тифа атамана Успенского парламенту предстояло избрать нового главу исполнительной власти. Белое движение на юге России ожидали новые испытания.

Глава 2

«Административная революция» на белом Юге: реорганизация и упразднение Особого Совецания (ноябрь – декабрь 1919 г.).

Результат «кубанского действия», как могло показаться внешне, подтверждал прочность созданной в 1918–1919 гг. на белом Юге системы управления. Как отмечал Филимонов в письме Деникину, «вызов войск, суд над Калабуховым и арест заправил Законодательной Рады ускорили развязку и создали атмосферу внешнего спокойствия». Но «проблемы тыла» были далеко не исчерпаны. Развитие повстанческого движения, рост повстанческого движения под руководством Н. И. Махно, с которым не могли справиться местные власти, демонстрировали необходимость перемен. Первоначально речь шла о реорганизации существовавших структур управления. Об этом встал вопрос в самом Особом Совецании. Инициатором (26 ноября 1919 г.) выступил глава «Малого присутствия» Совецания – Н. И. Астров (интересно, что осенью 1919 г. от имени управляющего Министерством иностранных дел Российского правительства Сукина Астрову был послан запрос о возможности его приезда в Омск с целью занятия должности Председателя Совета министров (на смену Вологодскому). В подготовленной им докладной записке «К вопросу о политическом курсе» (см. приложение № 6) подчеркивалось, что «в пору великой народной смуты неизбежно проявление и нарастание анархического настроения среди наиболее неуравновешенной и в то же время наиболее активной части населения. Отрицание власти, сопротивление, противодействие всякой власти, откуда бы она ни происходила... – составляет и характеризует особенность движения в тылу армии». Схожие оценки по «характеристике махновщины» содержались в специальном бюллетене Отдела пропаганды (№ 18 от 7 ноября 1919 г.). В «махновском движении» выделялись элементы «активно-политические», «активно-грабительские» и «пассивно-анархические», а главными причинами его роста в Новороссии признавались «не экономические (аграрные) стремления новороссийского крестьянства (достаточно богатого в сравнении с другими губерниями. – В.Ц.), а его «демократические» стремления к самоуправлению».

Но Астров делал более глубокие выводы, видя в повсеместном неуважении к закону проявление двух тенденций развития «Русской Смуты». «Анархическая программа и большевизм... охватили все слои населения и позорно проявляются в забвении долга и обязанности перед государством», при этом «наряду с ростом анархии растут крайне реакционные течения, руководители которых помышляют о восстановлении старого порядка в его полноте и об использовании сил, борющихся за восстановление государства, ради мести и возвращения утраченных привилегий» (имелась в виду возросшая осенью 1919 г. политическая активность правых структур).

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 6532. Оп.1. Д. 1. Лл. 271–272.

Чтобы успешно противостоять этим «атакам слева и справа», требовалось, по мнению Астрова, провести целый комплекс мер. «Национальная диктатура» не должна была отказываться от того, чтобы «самыми решительными и беспощадными мерами бороться с анархией и стремлениями к реставрации как проявлениями разрушительных начал, противодействующих делу воссоздания государства». «Сила и устрашение, суровое возмездие должны быть ответом на насилия палачей и руководителей анархических движений». Но для устойчивости власти требовалась народная поддержка. Как и П. Б. Струве, Астров часто пользовался ссылками на формирование в России новых общественных групп, могущих стать опорой политического курса Белого движения, преодолеть «Смутное время» XX века. «Власть с большим вниманием и заботливостью должна относиться к тому населению, которое встречает армию как освободительницу, жаждет проявления действий, имеющих целью установление порядка и будет служить опорой для новой власти и новой государственности. Интересы этой части населения, как не сложны они и как бы ни были они противоречивы, должны быть поняты новой властью, должны быть приняты ею под защиту от посягательств, откуда бы таковые не возникли... Представители власти должны понять, что в процессе совершившейся революции уже создан новый социальный, по существу, буржуазный строй, который будет служить власти прочной опорой, если власть признает его появление, признает его интересы и решительно возьмет их под свою защиту... бессмысленно его восстанавливать против себя. Этот слой населения образовался в городах, среди недавно низших слоев населения, он составляет все обогатившееся крестьянство». По убеждению Астрова, «государственно ориентированная» часть общества (зажиточное крестьянство, городские «средние» слои, собственники, заинтересованные в сохранении стабильности) выступает не пассивным объектом, для которого власть обязана лишь установить «законность и порядок» и «защитить» его, но активным «сотрудником», «соратником» власти. В этом, по существу, выразилась суть гражданской войны как социального противостояния в понимании идеологов Белого дела. «Моральное основание политического курса» состояло в противопоставлении «интернациональной идеи – идея национальная», а «коммунистической идее – идея собственности (индивидуальной)». Когда «местности не будут отражать на себе колебаний фронта (то есть не будут прифронтовыми. – В.Ц.), в них должны быть образованы органы земского самоуправления, которые должны быть привлечены к участию в восстановлении хозяйственной жизни. Население должно быть привлечено к самообороне... к участию в установлении порядка на местах. Населению должны быть разъяснены его права и обязанности». Пройдет еще несколько месяцев, и тезис о привлечении «общества» к управлению, через посредство различных представительных структур, в том числе и земских, станет одним из главных в политической программе Белого движения. Но не менее важны предлагаемые изменения в системе управления, в принципах организации власти.

Вторая часть записки, озаглавленная «Основные начала политического курса», содержала целый ряд пунктов, осуществление которых могло бы «оздоровить» Белое дело. Астров предлагал провести «отделение власти законодательной от исполнительной» на уровне «управления», сохраняя высшую исполнительную и законодательную власти у Главкома ВСЮР, действовавшего «по уполномочию Верховного Правительства России». Также предлагалось образовать «непартийное, деловое, объединенное единым пониманием политического курса правительство», «сосредоточить всю внутреннюю политику в одном органе, ответственном за ее единообразное осуществление», «создать ответственное перед властью Министерство внутренних дел», организовать «при высших административных органах на местах... Советы, в состав которых кроме лиц из числа местного служилого элемента (чиновников в Совете при Главноначальствующем. – В.Ц.) должны войти, по назначению, представители местного населения... местного самоуправления, торговли, промышленности, кооперативов, учебных обществ и учреждений, а также других общественных организаций, если таковые, стремясь к прекращению революции и к восстановлению государства, пользуются авторитетом и

влиянием среди населения». По мнению Астрова, назревала необходимость в «преобразовании Центрального Органа Управления», «для чего должны быть пересмотрены все назначения на высшие административные посты, а новые кандидаты на эти должности должны быть проводимы через Особое Совещание». Предлагалось передать руководство Совещания от военного (генерал-лейтенанта А. С. Лукомского) к гражданскому лицу (на это место выдвигались К. Н. Соколов, В. Н. Челищев и А. В. Кривошеин).

Показательна и оценка Астровым возможного восстановления монархии: «Вопрос о монархии и республике должен быть снят с очереди. Внимание населения должно быть сосредоточено на хозяйственно-экономических вопросах. Идея монархии не должна быть скомпрометирована преждевременным ее провозглашением, ибо реализация этой идеи может еще стать жизненно необходимой для России». Войну следовало вести во имя «восстановления Единой, Неделимой, Великодержавной России», за «защиту поруганной Православной Веры». Выделялся и актуальный для осени 1919 г. внешнеполитический аспект: «Эту борьбу и воссоздание Государства Главнокомандующий ведет в единении с союзниками России в мировой войне и в надежде, что славянские народы не преминут принять участие в борьбе с большевиками как с общими врагами христианской культуры и человечества». В отношении местного управления, самоуправления и самообороны следовало изменить систему назначений на административные должности: «Органы власти в местах должны быть проводниками намерений Национальной Власти и должны быть соответствующим образом перестроены. Отступление от курса, своеволие, умышленное извращение его рассматривается как нарушение доверия, как измена... Внутренняя политика должна быть сосредоточена в одном органе, ответственном за единообразное осуществление ее... Действия представителей власти на местах должны быть строго согласованы между собой. Главноначальствующий и Губернатор должны объединять эту деятельность и приостанавливать действия органов других ведомств, если эти действия находятся в противоречии с принятым курсом». Следовало реорганизовать и судебную систему: «Формы судопроизводства должны быть упрощены и процесс судебного разбирательства и следствия должны быть ускорены. Должен быть установлен новый карательный порядок и установлена новая квалификация деяний по условиям времени, составляющих преступления». Административные суды, по законодательству Временного правительства в 1917 г., следовало дополнить созданием «подвижных инспекторских комиссий, наделенных исключительными полномочиями для обследования и направления деятельности как органов гражданских, так и военных учреждений тыла армии... Комиссии эти должны иметь право увольнять служащих от должностей... на правах Высших Политических Судов... Сенаторские ревизии и дознания должны ускорить свои действия, организовав свои приемы расследования с условиями военного времени».

Наконец, в области «национального вопроса» предполагалось пересмотреть «отношение к соседним государственным образованиям» в том направлении, чтобы «они оказались заинтересованными содействовать борьбе армии за воссоздание Русского Государства и чтобы внимание их было отвлечено от надежды на помощь и протекторат иностранных держав». Астров считал, что «опыт, пережитый каждым из новообразований, дает основание думать, что центробежные стремления начинают ослабевать. Центральная политика должна это учесть и начать привлекать к себе внимание частей Русского государства»¹⁰⁷.

Содержание записки Астрова было схоже с планами, предлагаемыми при реорганизации Российского правительства в Сибири, проведении административных, в том числе кадровых, преобразований аппарата. Те же стремления к невмешательству военных в компетенцию гражданской власти, призывы к «демократическим преобразованиям», к «разделению властей»,

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 5913. Оп.1. Д. 53. Лл. 12–17, 29–30; Ф. 440. Оп.1. Д. 52. Лл. 56–57; *Деникин А. И.* Указ. соч., с. 277–278; *Гинс Г. К.* Указ. соч., с. 265.

усилению самостоятельности Особого Совещания с целью наделения его функциями «полноценного» правительства, а не совещательного органа при Главкоме. В отличие от белого Востока, провозглашавшего в качестве главного способа «укрепления тыла» административные реформы, на белом Юге выдвигалась на первый план аграрная реформа.

Не менее показательным можно считать мнение Н. В. Савича, выражавшего взгляды «правого центра» в Особом Совещании. В переписке с Деникиным (1921–1922 гг.) он отмечал порочную практику совмещения «функций органов распорядительного и законодательного эмбрионов», неуместную после того, как «перед правительством Юга встали задачи, превышающие объем задания штаба корпуса, когда с занятием обширной территории политические задачи крайне усложнились». Создаваемые при Совещании подготовительные комиссии лишь вырабатывали законопроекты, обсуждение и принятие которых носило подчас характер «межпартийных дразг». Савич допускал возможность «декларативного» характера «нашего законодательства», призванного «действовать на воображение массы», так как «страна привыкла к слову» (Савич ссылаясь на работу Совнаркома и съездов Советов). Политика Совещания в 1918–1919 гг. «была слишком похожа на политику разумного мирного времени», излишне «компромиссной» и «эволюционной», тогда как «надо было рубить с плеча направо или налево». Центристская, «непредрешенческая» основа политического курса Белого движения, бывшая предметом гордости многих военных и политических лидеров в 1918–1919 гг., оказалась вредной, так как «не удовлетворяла ни одно из течений, боровшихся с оружием в руках». В ней не оказалось «творческого авантюризма, влияния, задора и напора». Савич отмечал «классовый характер» гражданской войны, при котором белой власти необходимо было найти прочную социальную опору: «Военная диктатура, для того чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается в поддержке могущественного класса..., активного, способного за себя постоять, побороться». При Петре I власть опиралась на поддержку «военного класса», «служилых людей», тогда как в 1917 г. «Временное правительство попыталось опереться на все классы, на всю массу населения. Такова же была политика Колчака». Однако «основная масса населения» оказалась «пассивной», «была еще апатична, не подготовлена, чтобы активно, с оружием в руках, встать на защиту своих идеалов». «Наша ставка на жажду законности и порядка была преждевременной, мало ей понятной». В то время как большевики выдвинули идею «диктатуры класса» (хотя и «преступного в своих верхах, но сильного сплоченностью, жадной власти и способного за это умереть»), Особое Совещание выражало «коллекцию обсуждений, эволюций, компромиссов». Политика правительства «не была боевой», была «лишена революционного дерзания», «действия и грубой прямолинейности».

Принимая во внимание невозможность скорого «окончания междоусобной войны» и соглашаясь со многими предложениями своего политического окружения, Главком ВСЮР в принципе допускал «преобразования», направленные на «усиление ответственности» Совещания. Учитывая также «предстоящее раздельное пребывание Ставки и правительства» (после отступления за Дон большая часть управлений выехала в Новороссийск, а Ставка разместилась на ст. Тихорецкая недалеко от Екатеринодара), 12 декабря 1919 г. был подписан приказ № 175, сделавший серьезный шаг в сторону преобразования Особого Совещания из «совещательной» структуры в «правительство при Главнокомандующем» (хотя принятые меры и объявлялись «временными»). Председатель Совещания мог теперь (в случае отсутствия Главкома) «утверждать собственной властью постановления, имеющие характер текущего законодательства», подписываться за Деникина и поддерживать право законодательной инициативы начальников управлений. Равно и руководители ведомств могли «действовать всеми законными способами... без предварительного обсуждения предполагаемых мероприятий в Особом

Совещании» и без санкции Главкома. Штатные расписания и бюджеты также могли устанавливаться самими начальниками управлений «без предварительного обсуждения в Совещании»¹⁰⁸.

Вслед за приказом № 175 14 декабря был утвержден «Наказ Особому Совещанию», представлявший, по оценке Деникина, «более подробную сводку моих словесных и письменных заявлений и указаний»¹⁰⁹. Но «Наказ» свидетельствовал скорее о подтверждении существующего курса, чем о его перемене. Относительно организации власти повторялось, что «вопрос о форме правления – дело будущего». На текущий период сохранялся и даже подчеркивался принцип диктатуры. Если весной – летом 1919 г. в него вкладывалось понятие объединения различных социальных групп, политических и общественных структур в борьбе с Советами, то по мере продвижения к «первопрестольной», и особенно после неудач ВСЮР на фронте к концу осени, все отчетливее выдвигалось положение о диктатуре как о надпартийной, надклассовой силе, призванной осуществлять «единство возрождающейся России» без непосредственного участия в этом каких-либо политических группировок (эту тенденцию критиковал позднее Савич). Вместо «национальной диктатуры» без оговорок говорилось о «военной диктатуре». Именно этот принцип теперь озвучивал и «Наказ»: «Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти – справа и слева – карать». Правительственный курс должен был стать более жестким («суровые кары», «карать беспощадно», «уничтожать» – наиболее распространенные слова в «Наказе»). Одновременно с этим говорилось об усилении государственного контроля и регулирования, организации помощи военным служащим («все силы, средства – для армии, борьбы и победы», «облегчить положение служилого элемента»). «Наказ» отражал характерные для военной составляющей Белого движения позиции по отношению к «язвам тыла» и во многом повторял аналогичные позиции, выраженные в «Грамотах», «указах» Верховного Правителя, подписанных им в конце ноября 1919 г., в т. н. «эшелонный период» управления. Что же касается «общественности», то на белом Юге не торопились к «сближению» с ней. Скорее наоборот. «Наказ» довольно резко обозначил пределы взаимодействия «власти и общества»: «Общественным организациям, направленным к развитию народного хозяйства и улучшению экономических условий (кооперативы, профессиональные союзы и проч.), содействовать. Противогосударственную деятельность некоторых из них пресекать, не останавливаясь перед крайними мерами. Прессе содействующей – помогать, несогласную – терпеть, разрушающую – уничтожать». В «Наказе» подтверждалась правильность курса на формирование «южнорусской власти» на основах «скорейшего соединения с казачеством..., отнюдь не растрачивая при этом прав общегосударственной власти». Примечательно, что даже в 1920 г. в приказе ВСЮР от 23 января № 2757 Деникин причины неудач «похода на Москву» определял исключительно как «насилия и грабежи» «в освобожденных от насильников областях»¹¹⁰.

Снова заговорили об усилении исполнительной власти в Особом Совещании. Влияние идей Астрова было очевидным. В очередной «Записке», переданной Главкому 16 декабря начальником Управления торговли и промышленности А. И. Фениным (сменил в данной должности инженера В. А. Лебедева 10 ноября 1919 г.) и подписанной т. н. «левым сектором» Совещания (Астров, Челищев, Бернацкий, Степанов, Федоров, управляющий ведомством путей сообщения инженер В. П. Юрченко), отмечалась «необходимость преобразования Особого Совещания». В записке поддерживалось создание Высшего Совета и Совета Начальников Управлений (по планам Южнорусской конференции). Однако, не ожидая скорого завершения работы конференции, предлагалось незамедлительно распустить Особое Совещание и «на его

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 188. Лл. 1–16; Ф. 6532. Оп.1. Д.1. Лл. 28–29.

¹⁰⁹ Деникин А. И. Указ. соч., с. 280.

¹¹⁰ Там же, с. 280–281; Организация власти на Юге России в период гражданской войны (1918–1920 гг.) // Архив русской революции, т. 4. Берлин, 1922, с. 247–249; БФРЗ. Ф. 7. Делопроизводство Всероссийского Национального Центра. Д. 25. Л. 1.

месте образовать Правительство в составе семи лиц, с привлечением в него трех представителей от казачьих войск». Данное Правительство, получив наименование «Совет при Главнокомандующем», «должно быть объединено общим пониманием поставленных ему задач и способно к энергичным и решительным действиям». «Этот орган, представляя собой Походное Управление», должен был возглавляться доверенным лицом Главкома и состоять из министров: военного, финансов, внутренних дел, торговли и промышленности, юстиции, путей сообщения, снабжения (новая должность, призванная сконцентрировать весь аппарат снабжения армии и тыла). Министры наделялись широкими полномочиями и могли принимать решения, не согласуя их предварительно с Главкомом (по нормам приказа № 175). Главком оставлял за собой право непосредственного руководства внешней политикой и осуществления государственного контроля.

При создаваемом «деловом правительстве», работа которого строилась бы на основе тандема «Главком – семь министров» (схема, принципиально схожая с Российским правительством в духе Конституции 18 ноября 1918 г.), предполагалось и создание «законосовещательного органа»: «Подготовительная работа по законодательству временно, до образования Высшего Совета, могла бы производиться в Совещании по законодательным предположениям, члены коего назначаются Главнокомандующим». «Громоздкое и неспособное действовать Особое Совещание, – обращались к Деникину авторы «Записки», – исполнило свое назначение и пережило себя... Создавая новое Правительство в минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимете бодрость в Армии и населении, снова окрылите надежды, ибо вместо непопулярного Особого Совещания около Вас будет орган, которому будут поставлены новые задачи»¹¹¹.

Таким образом, проект реорганизации власти позволял осуществить назревшую потребность разделения законодательных, исполнительно-распорядительных и контрольных функций. Его, по аналогии с Сибирью, также можно назвать «административной революцией», не менявшей основ политического курса, а направленной лишь на создание более эффективной системы «оперативного руководства». Примечательно, что подобная схема управления, со схожими полномочиями и таким же названием (Совет при Главнокомандующем), была создана в марте 1920 г. в белом Крыму преемником Деникина, новым Главкомом ВСЮР генералом Врангелем. Деникин согласился с принципами проекта, и 17 декабря 1919 г. им был подписан приказ № 176, повторявший предложенные меры. Особое Совещание упразднялось. Вместо него создавалось «Правительство при Главнокомандующем» в составе председателя и начальников семи управлений: военного и морского (объединенного из двух структур), внутренних дел, финансов, сообщений, снабжения, торговли и промышленности, юстиции. При правительстве образовалось «Совещание по законодательным предположениям». При этом упразднялись Отдел законов (его функции передавались в Управление делами) и Управление продовольствия (его функции переходили к Главному начальнику снабжений). Управления земледелия и землеустройства, народного просвещения и Исповеданий выводились «за рамки» Правительства и могли действовать самостоятельно в пределах их компетенции и полномочий. Управление иностранных дел и Государственный контроль подчинялись Главкому (приказом № 178 от 26 декабря Государственный Контролер мог присутствовать на заседаниях Правительства с правом совещательного голоса). Главкому подчинялось и Управление делами Правительства¹¹².

В целом же, несмотря на упразднение, аппарат Особого Совещания сохранялся. Председателем Правительства стал бывший глава Особого Совещания генерал Лукомский, началь-

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 151. Лл. 1–5; Деникин А. И. Указ. соч., с. 282–284.

¹¹² ГА РФ. Ф. 6532. Оп.1. Д.1. Лл. 30–31; Организация власти на Юге России. Указ. соч., с. 250; Деникин А. И. Указ. соч., с. 285–286.

ники управлений сохранили свои посты, получив дополнительные полномочия. Практически неизменным остался аппарат, хотя при эвакуации Ростова многие документы (в частности – Управлений внутренних дел, земледелия и землеустройства, юстиции) были утрачены или уничтожены. По образному выражению Соколова, Особое Собрание многие «сравнивали с машиной, работающей без приводных ремней»¹¹³. Но и проведенные изменения не наладили работу в нужном режиме. С начала 1920 г. правительственный аппарат белого Юга попадает в ситуацию, схожую с белым Востоком в том плане, что Ставка Главкома ВСЮР, Правительство при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России действовали в разных городах и во многом автономно друг от друга. По оценке другого участника событий, начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта П. С. Махрова (преемника генерала Романовского с марта 1920 г.), «единственным аппаратом, который был еще способен служить, оставалась Ставка Главнокомандующего, но и ее деятельность, вследствие разрухи правительственных учреждений в тылу и прорыва связи на фронте, часто была тем, что в механике называется «свободный ход колеса». А известный на белом Юге журналист Г. Н. Раковский еще более «сгущал краски»: «Все, что создавалось с затратой таких колоссальных усилий, совершенно неожиданно распалось во все стороны. Это был позорный провал системы, недостатки которой вдруг выявились с ужасающей рельефностью»¹¹⁴.

Проблема полномочий еще более усилилась после назначения генерала Лукомского Главноначальствующим Новороссийской области. Приказом № 34 от 8 января 1920 г. Деникин возложил на Лукомского «высшую военную, гражданскую и морскую власть на правах Командующего армией и Главноначальствующего в пределах Новороссийского плацдарма и Черноморской губернии». Помощником Лукомского по гражданской части и губернатором Черноморья стал бывший воронежский губернатор статский советник С. Д. Тверской – будущий министр внутренних дел во врангелевском правительстве (весна – лето 1920 г.). Так снова вводилась модель, основанная на Положении о полевом управлении, что позволяло бывшему председателю Особого Собрания (аналогично с атаманом Семеновым в Прибайкалье) вообще игнорировать какие-либо правительственные структуры на оставшейся под контролем Главного Командования территории¹¹⁵. Просуществовав в таком «переходном» состоянии до февраля 1920 г., Правительство при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России уступило место совершенно иной структуре. Только возникла она не в результате работы Южнорусской конференции и совсем в иных, нежели предполагавшихся в проектах конференции формах.

Помимо внутриправительственной оппозиции критика «деникинской политики» проводилась осенью 1919 г. и со стороны «общественности». Показательна в этом отношении позиция южнорусской кооперации. Еще 4 июля по соглашению Совета Юго-восточных Кооперативных съездов и Харьковского Областного Совета кооперативных съездов был создан Временный Комитет Кооперации Юга России во главе с А. И. Никитиным. По его инициативе планировалось созвать Съезд всех кооперативных Советов районов, занимаемых ВСЮР, и рассмотреть, в частности, «отношение местных и центральных властей к кооперативным организациям», «стеснение свободы передвижения, товарообмена, отсутствие правопорядка». Одновременно с этим Совет Харьковских кооперативных съездов направил управляющему отделом торговли и промышленности Особого Собрания А. Лебедеву докладную записку, в которой отмечал необходимость правительственной поддержки крестьянских хозяйств. Выдвигались предложения о «должном регулировании продовольственного рынка в общегосударственном

¹¹³ Соколов К. Н. Указ. соч., с. 75, 83.

¹¹⁴ Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина. СПб., 1994, с. 153; Раковский Г. Н. В стане белых. От Орла до Новороссийска. Константинополь, 1920, с. 51.

¹¹⁵ Черноморские губернские ведомости, Новороссийск, № 138, 16 января 1920 г.; Савич Н. В. Воспоминания. СПб., 1993, с. 325.

масштабе» и «равномерном распределении продуктов по территории всей страны». Южно-русские кооперативы болезненно переживали обусловленные военными действиями реквизиции имущества. Об этом, а также о необходимости укрепления связи Белой власти с кооперацией шла речь во время встречи Деникина с делегацией «Временного Комитета» (23 октября 1919 г.). В поданной записке на имя ГК ВСЮР говорилось, что «заккрытие ряда кооперативов в Харькове, Киеве, Симферополе, Одессе является результатом неправильного метода ликвидации той связи, которая поневоле возникла между кооперацией и большевистской властью за почти двухлетний промежуток времени». Отмечалось, что закрытие кооперативных союзов местными властями вызывало паралич системы кооперации – от местных сельских кооперативов до губернских, краевых союзов.

Аналогичная критика звучала и во время проходившего 23–26 ноября 1919 г. кооперативного съезда в Ростове-на-Дону. Съезд был широким по своей представительности (на нем присутствовали делегаты от всех губернских кооперативных Союзов Юга России, многих уездных и окружных Советов, ряда кооперативных комитетов и банков). В работе съезда приняли участие такие видные деятели отечественной кооперации и агрономии, как профессор А. Н. Анцыферов, глава Временного Комитета А. М. Никитин, профессор А. И. Челинцев, позднее введенный в состав Временного Комитета. На съезде шла речь о том, что «работа кооперативных организаций на местах проходит в... неблагоприятных условиях. Разного рода товары, имеющиеся на складах, конфискуются как большевистские». Местная власть обвинялась в действиях, которые «нередко вызывают к себе враждебное отношение, как со стороны интеллигенции, так и со стороны простого народа». Для обеспечения стабильности в работе кооперации признавалось необходимым активнее участвовать в политической жизни. Позиция невмешательства в политику, в которой заверяли Главкома кооператоры, постепенно сменялась позицией интенсивного давления на политический курс правительства. Съездом были приняты резолюции об «отношении к еврейскому вопросу» с требованием прекратить распространение антисемитизма в Белом движении. Поскольку будущее в русской государственной жизни, по убеждению участников съезда, «будет принадлежать не правым и не левым партиям, а крестьянству», то необходимым признавалось «создание специального Министерства по кооперации», и именно «при такой государственной структуре кооперация, объединяющая и возглавляющая миллионы крестьян, сможет ставить во главе министерства... людей из своей среды». В докладе представителя Центрального Украинского кооперативного комитета И. М. Подольского отмечалось, что обвинения в сотрудничестве Украниобанка, Днепросоюза в финансировании петлюровской армии безосновательны: «Украинская кооперация не отвечает за те или иные убеждения отдельных кооператоров», а «по отношению к Добровольческой армии украинская кооперация вполне лояльна». Показательна позиция кооперации по земельному вопросу. Именно здесь обвинения в реакционности всей аграрно-крестьянской политики Особого Сопровождающего и законопроектов В. Г. Колокольцева и В. Н. Челищева – А. Д. Билимовича, в частности, были особенно сильны. В докладе проф. А. И. Челинцева, в прениях по этому докладу отмечалось, что «нынешняя власть не левого направления и при разрешении земельного вопроса она будет руководствоваться, во всяком случае, не интересами крестьянства. Если считать, что земельный вопрос должен быть разрешен Учредительным Собранием, то уверены ли кооператоры, что Учредительное Собрание, созванное нынешней властью, будет таким, каким хотелось бы его видеть кооператорам». Делался вывод, что «перед кооперацией в настоящий момент только одна задача: способствовать отчуждению в пользу народа максимального количества помещичьих земель». Предлагалось сократить сроки подготовки к отчуждению имение и при разрешении земельного вопроса исходить из потребности поднять производительность массового крестьянского хозяйства, имея при этом в виду содействие развитию сельскохозяйственной кооперации. В разрешении аграрного вопроса кооперация тесно примыкала к левым кругам, представителям земств и городов Юга России, а также Союза воз-

рождения России. Аполитичность кооперации уже не соответствовала действительности осенью 1919 г.¹¹⁶.

Глава 3

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека. Подготовка к работе, состав и политическая программа. Взаимоотношения с Главным Командованием ВСЮР (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.).

Стратегическая обстановка на Южном фронте в первые месяцы 1920 г. сложилась так, что Кубань снова, как и два года назад, стала базой Белого движения. В Ставке Главкома и в различных политических группах серьезно обсуждалась перспектива «повторения 1918 года», когда после, казалось бы, безнадежных результатов «Ледяного похода» 2-й Кубанский поход привел не только к освобождению Края, но и к началу «освобождения от большевизма» всего Северного Кавказа. Но 1918 год не повторился. В 1920-м, несмотря на сравнительную многочисленность отступивших за Дон частей ВСЮР и достаточно хорошее снабжение армии оружием и продовольствием, по общему признанию современников, не хватало духовной твердости, сплоченности, веры в победу. Вместо этого было чересчур много «политики», взаимных упреков и подозрений, борьбы за власть. Если добавить к этому «усталость от войны», уже ставшую роковой для русской армии в 1917 году, то причины поражения ВСЮР в начале 1920 г. станут очевидны. Но даже после серьезных потерь осени 1919 г. Главное Командование не считало возможным прекращение «борьбы с большевизмом». Как и в Сибири, белые военные и политики считали возможным изменить формы и методы этой борьбы, в том числе – в области организации управления. Как отмечал Деникин, «никакие жертвы в области ограничения гражданской власти не велики, если благодаря им могло быть достигнуто оздоровление казачества и разгром большевиков». Даже после отхода от линии р. Маныч к Екатеринодару (в конце февраля 1920 г.), по оценке начальника штаба ВСЮР генерал-лейтенанта И. П. Романовского, «Кубань мы еще успеем использовать как психологическую линию, здесь, я уверен, произойдет перелом, когда кубанцы увидят, что их территория занята большевиками»¹¹⁷.

После перенесения военных действий на территорию Дона и Кубани с новой остротой встала проблема соотношения полномочий казачьих органов власти и Главного Командования. Снова приобрели актуальность идеи создания Юго-Восточного Союза или другой структуры, способной объединить южнорусское казачество. Еще на последнем заседании Кубанской Краевой Рады, 14 ноября 1919 г., была принята резолюция, провозглашавшая, что во имя единства казачества в «борьбе за целостность Родины» и «в целях установления единообразного понимания казачьей программы и тактики», а также ради «скорейшей организации южнорусской государственной власти» «признать необходимым в кратчайший срок созыв общего съезда Кругов Дона и Терека и Кубанской Рады». Президиуму Рады совместно с представителями Донского Круга поручалось «разработать вопрос о Съезде» и «просить Терский Войсковой Круг» также «принять участие в разработке вопроса о Съезде»¹¹⁸. Правда, в ноябре вопрос о созыве Казачьего Съезда (или Казачьей Думы) ставился в зависимость от работы Южнорусской конференции. По завершении работы конференции предполагалось сделать Казачью Думу совещательным органом для согласования положений законодательства казачьих областей в целях выработки единообразной внутренней политики. Но так как работа конференции по-прежнему не дала бы результатов, то Казачья Дума должна была «поставить своей главной целью

¹¹⁶ Кубанский кооператор. Екатеринодар, № 31, 7 (20) сентября 1919 г.; № 35, 22 сентября 1919 г., с. 12–14; Бюллетень кооперации Юга России. Ростов-на-Дону. № 2, 10 ноября 1919 г., с. 1–3, 15; № 3, 15 декабря 1919 г., с. 3, 6–8, 10.

¹¹⁷ Деникин А. И. Указ. соч., с. 295; ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 208. Лл. 1–11.

¹¹⁸ Протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады созыва 28 октября 1918 года № 51–72 (заседания с 24 октября по 14 ноября 1919 года), Екатеринодар, 1919, с. 36–37.

немедленное образование единой власти на демократических началах», то есть от совещательных перейти к учредительно-санкционирующим задачам. Своеобразным лейтмотивом казачьих настроений стало выступление на сессии Донского войскового Круга 3 января 1920 г. генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова. Если еще осенью 1919 г. он, давая оценку результатам рейда его 4-го корпуса по советским тылам, акцентировал внимание на важности поддержки повстанческого движения и решения «земельного вопроса», то теперь его доклад изобилует политическими замечаниями. Мамонтов отделял действия Главкома ВСЮР от политики его «окружения», критиковал политику Особого Совещания и призывал «к изгнанию за пределы Юга России виновников поражений» – генералов Лукомского и Романовского. В итоге Мамонтов предлагал незамедлительно «создать правительство с казачьим голосом»¹¹⁹.

Инициатива кубанского парламента и донских делегатов была поддержана, и в конце декабря 1919 г., после завершения перевыборов Рады, был создан представительный орган с делегированными депутатами – Верховный Круг Дона, Кубани и Терека. Заседания открылись 5 января 1920 г. в Екатеринодаре, после молебна в Войсковом соборе. Были исполнены гимны Дона, Кубани, походная песня терских казаков. Заседания по общепринятой парламентской традиции открыл старейший член Круга, делегат от Кубани Ф. А. Щербина. В своей речи он не только приветствовал образование Круга, который обеспечивал защиту «интересов казачества», но и требовал дальнейшего укрепления казачьей государственности. Показателен спор, развернувшийся между членами Круга по вопросу текста присяги депутатов. По воспоминаниям делегата Круга от Осетии, полковника Н. А. Бигаева, «кубанская фракция в лице Савицкого потребовала исключения из текста присяги слов «Родина Россия». Терская фракция выразила протест. Тогда кубанцы заявили, что они не будут присягать, если слово «Россия» не будет удалено. Терцы в свою очередь заявили, что они тоже не примут присяги, если это слово не будет сохранено в тексте. Вмешалась донская фракция, предложившая снять этот вопрос с очереди. Предложение было принято. В течение всей деятельности Верховного Круга упоминание о России считалось «дурным тоном». Предполагалось, что Круг не заменит собой казачьих управленческих структур, а будет лишь выражать согласованные мнения по различным политическим, экономическим или военным вопросам. Однако, по оценке Савича, Круг «провозгласил себя суверенной верховной властью над казачьими землями и принял позу Учредительного Собрания». На заседании 9 января правовой статус Круга был определен так: «Верховный Круг Дона, Кубани и Терека является верховною властью для Дона, Кубани и Терека в отношении дел, общих для данных государственных образований». Перечень этих «общих дел» утверждал сам Верховный Круг¹²⁰.

Верховный Круг был организован на основах паритетного представительства – по 50 депутатов от Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Войскового Круга. Три казачьих войска, в условиях «краха общерусской власти с ее Особым Совещанием, олицетворявшей тем же командованием, очутились в необходимости искать иных и новых форм для своего объединения, иных органов единой общекраевой власти»¹²¹. Но по мнению Деникина, считавшего Круг «казачьим совдепом», и политиков белого Юга, Верховный Круг нельзя было признать «выразителем общеказачьей воли, как избранного при отсутствии кворума» (имелось в виду делегирование депутатов, проведенное вне сессий казачьих парламентов). Главком ВСЮР, весьма негативно относившийся к деятельности Круга, был уверен, что именно этот орган, «полностью усвоивший самостийную идеологию», постоянно склонял каза-

¹¹⁹ Утро Юга. Ростов-на-Дону, № 256/284, 15 ноября 1919 г.; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 248. Лл. 15–18.

¹²⁰ Вестник Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Екатеринодар, № 2, 12 января 1920 г.; *Краснов В. М.* Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923, т. XI, с. 146; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 248. Лл. 17–19.

¹²¹ Трагедия казачества (Очерк на тему: «Казачество и Россия»), Указ. соч., ч. IV. Январь – май 1920 г. Париж, 1938, с. 48–49.

чество к «разрыву с Добровольческой Армией» и «миру с большевиками».¹²² Столь же категоричен в оценке Круга был и Савич: «При помощи «идеи общеказачьего союза» донцы надеялись втянуть кубанцев в вооруженную борьбу, а последние видели в ней средство подчинить своей воле первых и захватить полноту власти в свои руки»¹²³.

Позиции депутатов – членов Круга – не были все же столь однозначно оппозиционны, как считал Деникин. По воспоминаниям Бигаева, из 50 делегатов от Терского Войска – 45 «как один поддерживали Главное Командование». «Из кубанцев около 20 человек (главным образом «линейцы» во главе с бывшим председателем Краевой Рады Д. Е. Скобцовым) и из донцов тоже около 18–20 человек блокировались с терской фракцией». Следуя этой оценке, сторонники Деникина составляли большинство депутатов. Менее оптимистичен в оценке Круга был товарищ председателя Донского Круга П. А. Скачков, считавший, что, несмотря на отсутствие непримиримой оппозиции среди донцов, большинство из них представляли «серую массу», «послушно голосовавшую за лидерами». Откровенно оппозиционной была кубанская фракция, усилившая свое влияние после декабрьских перевыборов Краевой Рады. По оценке начальника штаба Войск Новороссийской области генерал-майора В. В. Чернавина, «если бы не разразилась так быстро катастрофа, то здравый смысл кубанцев взял бы верх, и линейская фракция восстановила бы в Раде свое влияние». В «Меморандуме» Чрезвычайной Кубанской Миссии в Тифлисе (апрель 1920 г.) также отмечалось, что «Верховный Круг резко делился на две почти равные части – «деникинцев» и «антиденикинцев». Это не позволило «пойти на разрыв с Добровольческой армией»¹²⁴. Так или иначе, но принимаемая аргументированная оппозиционность Круга была далеко не безусловной. В случае более гибкой, компромиссной политики во взаимодействии с Главным Командованием Круг, возможно, мог стать его потенциальной опорой. Однако лидерство в Круге захватили все-таки деятели «антиденикинской» оппозиции. Они и стали в начале 1920 г. теми «лидерами», за которыми пошла «серая масса» колеблющихся депутатов. К этому времени очередная сессия Краевой Рады (30 декабря 1919 г. – 7 января 1920 г.) пересмотрела все решения, принятые в ноябре 1919 г. Состоялись выборы нового атамана и сменилось правительство, в результате чего перевес оказался у сторонников «самостийности».

После кончины атамана Успенского главой Края стал генерал-майор Н. А. Букретов, приписной казак, «совершенно чуждый человек для Добровольческой армии» (по словам Чернавина), хотя был кадровым офицером Генерального штаба и георгиевским кавалером. Ради него пришлось даже изменить 38-ю статью кубанской «Конституции», запрещавшую приписным казакам становиться войсковыми атаманами. Еще в марте 1918 г. Букретов принципиально отказался участвовать в «Ледяном походе» в составе Кубанского правительственного отряда, а в 1919-м занял должность председателя Продовольственного Комитета в составе краевого правительства. Новым председателем Краевой Рады стал активный противник Главного Командования И. П. Тимошенко. «Авантюрист и революционный демагог», он провозглашал откровенно «антиденикинскую» позицию, был сторонником независимости Кубанского Края, вел тайные переговоры с большевистским подпольем в Екатеринодаре, а также поддерживал организацию т. н. «гайдамацких отрядов», под видом которых действовали «красно-зеленые» повстанческие соединения¹²⁵. Краевое правительство возглавил инженер В. Н. Иванис. В начале 1920 года он был достаточно оппозиционным политиком, но, «в противоположность Тимошенко, обладал чувством политической реальности и способностью считаться

¹²² ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Л. 62; Деникин А. И. Указ. соч., с. 294.

¹²³ Савич Н. В. Указ. соч., с. 321.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 74, 78–80.

¹²⁵ Там же. Л. 92–93; Савич Н. В. Указ. соч., с. 325, 327; Воспоминания начальника Северо-Кавказского военно-революционного штаба тов. Черного, опубликованные в журнале «Путь коммунизма», книга 3.

с объективной обстановкой»¹²⁶. Следует отметить, что уже весной 1920 г. триумвират Тимошенко – Букретов – Иванис распался. Букретов после Новороссийской эвакуации возглавил оставшиеся на Черноморском побережье части Кубанской армии. Он пытался договориться с новым Главкомом ВСЮР генералом Врангелем и, хотя оставался противником эвакуации казачьих полков в Крым, выступал за продолжение вооруженной борьбы на побережье. А Иванис, получив от Букретова атаманскую булаву, отправился в Севастополь и представлял Кубань при заключении договора казачьих войск с Врангелем в августе 1920 г.

Но в январе все было иначе. Первым же своим решением 2 января 1920 г. Краевая Рада единогласно, под гром аплодисментов, отменила «позор Кубани» – те поправки, которые были внесены в «Конституцию» в ноябре: «Восстановить Конституцию Края в полном объеме в том виде, в каком она была до переворота». Законодательная Рада не только восстановила свои полномочия, но и персональный состав (перевыборы, несмотря на истечение полномочий в начале декабря 1919 г., не проводились). Был подтвержден Закон о Кубанской армии, а также полномочия кубанской заграничной делегации во главе с Л. Л. Бычем. Пойти на очередное «кубанское действо» Главное Командование уже не решалось, хотя формально подобный сценарий мог быть осуществлен, потому что Кубань становилась театром военных действий¹²⁷. Тимошенко стал председателем Верховного Круга (при голосовании он лишь четырьмя «избирательными» записками обошел Скобцова, получив 78 голосов из 145 поданных записок), что позволяло ему оказывать давление на депутатов, добиваясь разрыва с Главкомом ВСЮР. По словам генерала Чернавина, честолюбивые замыслы Тимошенко включали создание «коалиции демократий» из народов Северного Кавказа, независимых Кубани, Грузии и Украины, «во главе которой он видел себя». Кубанских лидеров оппозиции поддержала немногочисленная донская «антиденикинская» группа. По характеристике Скачкова, в ней блокировались «оппоненты слева» во главе с депутатом П. Агеевым и «оппоненты справа», сторонники бывшего донского атамана Краснова, считавшие вредным подчинение Дона Главкому ВСЮР: бывший председатель Круга Спасения Дона (май 1918 г.) генерал-майор Г. П. Янов, гвардейский полковник М. Н. Гнилорыбов (бывший окружной атаман Сальского округа, председатель донской фракции Верховного Круга) и генерал-майор И. Ф. Быкадоров (сторонник донской «самостийности», товарищ председателя Верховного Круга). Верховным Кругом были созданы две комиссии: конституционная и по обороне. Первая работала наиболее эффективно при обсуждении проектов новых моделей управления. На заседании 10 января его председатель Скобцов предложил на утверждение «Положение о Верховном Круге».

Тем самым практически готовые проекты создания «южнорусской власти», обсуждавшиеся Южнорусской конференцией, оказались отвергнуты. И это произошло тогда, когда перед Деникиным открылась уже реальная перспектива усиления своих полномочий и создания структур управления, предусмотренных конференцией. По его словам, «принципиальное соглашение с Доном и Терекком было достигнуто как раз накануне общей эвакуации Ростова и Новочеркасска, перевернувшей вверх дном все предположения и в корне изменившей взаимоотношения наши с казачеством»¹²⁸. Утвержденная Верховным Правителем и принятая Главкомом ВСЮР форма правления, в соответствии с которой Деникин обладал полнотой военной и гражданской власти Юга России (а после Указа Колчака от 4 января 1920 г. становился его преемником и на посту главы всероссийской власти), Верховным Кругом также не принималась. Вместо нее комиссия Скобцова выдвинула принцип «Союзного государства», составленного из «государственных образований Дона, Кубани и Терека», «с возможностью расширения

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 85–88.

¹²⁷ Кубанский путь. Екатеринодар, № 3—63, 4 января 1920 г.; Трагедия казачества. Указ. соч., с. 34–36.

¹²⁸ Деникин А. И. Указ. соч., с. 206; Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4 по 30 января 1920 года. № 1—17, Екатеринодар, 1920, с. 2–3, 6.

пределов... включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеизъявлению населения тех областей». «Союзное государство» с «союзной конституцией» и «союзной властью» признавалось временным – «до создания Общегосударственной Власти Всероссийским Учредительным Собранием». Предварительным вариантом текста комиссии можно считать схему соглашения, предложенную терской фракцией Круга: «Создание общей южнорусской власти является повелительной потребностью текущего политического момента; власть создается путем соглашения Верховного круга с Главнокомандующим ВСЮР; соглашение должно покоиться на единстве власти, при существовании как местных законодательных органов Дона, Кубани и Терека, так и союзного; в основу соглашения должно быть положено признание идеи верховенства народа (народный суверенитет. – *В.Ц.*), земля, трудовому народу, рациональное рабочее законодательство, признание национальных образований как факта (де-факто. – *В.Ц.*), созыв Учредительного Собрания, немедленное образование законодательного органа представителей и ответственного перед ним правительства (ответственное министерство. – *В.Ц.*)». Несмотря на сохранявшийся лозунг «непредрешения» Конституционная комиссия фактически предлагала утвердить устройство «союзного государства» на «основе соглашения» равноправных субъектов права – «государственных образований». Очевидно, что при этом продолжали бы работу и действующие структуры управления. Это могло означать эволюцию в сторону даже не федеративного, а конфедеративного государства. И хотя текст «Положения» был отправлен «на доработку» в редакционную комиссию, Круг определенно намеревался создать новую модель власти.

В отличие от казачьих депутатов, Главное Командование не склонялось к подобным переменам. 12 января 1920 г. состоялось совещание Деникина с представителями казачества в ст. Тихорецкой. Сюда прибыл казачий и добровольческий генералитет, главы казачьих органов власти. Из всех участников совещания только кубанские представители (Букретов и Тимошенко) заявили о легитимности Верховного Круга. Остальные участники в той или иной степени высказали свое недоверие Кругу как по причине недостаточной представительности, так и из-за стремления «отойти от общего командования». Не затрагивая политических вопросов, Деникин подтвердил свою позицию: «Единство России и единство армии». Акцент делался Главкомом на военном единстве, а «вопрос о власти» признавался вторичным в отношении к событиям на фронте. Главком полагал опасным образование новой властной модели в условиях, когда любые перемены в тылу могут повлиять на состояние армии. «Продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех» – так оптимистично оценивал Деникин перспективы белого фронта на Кубани. Максимально допустимыми Деникин считал только отдельные административные, кадровые перестановки, которые и были произведены в Правительстве при Главнокомандующем. Его председателем был утвержден донской атаман генерал-лейтенант А. П. Богаевский (но в должность он так и не вступил, выслав Челищеву телеграмму с просьбой быть его заместителем в Новороссийске), а в состав правительства должны были войти министры от каждого из казачьих войск. В своеобразном письме-наказе новому премьеру Деникин отмечал: «Кубанские и донские демагоги, лишённые политического смысла, в ослеплении своим разжигают низкие страсти, возбуждают казачество против добровольчества и Командования и тем рушат последние своды, поддерживающие еще фронт... Введением в Правительство значительного и влиятельного казачьего элемента и учреждением Кубанской армии я дал достаточные гарантии казачеству. Предлагаю Вам заявить твердо Раде и Правительствам, что дальше в этом направлении я не пойду...».

Но после 16 января в позиции Главкома произошел перелом, ибо становилось ясно, что уступки казачьим политикам неизбежны. В конце своего выступления на заседании Верховного Круга Деникин озвучил свою программу из 9 пунктов, существенно отличавшихся от провозглашенных месяц назад принципов «Наказа» Особому Совещанию (см. приложение № 8). Лишь первые три пункта («Единая, Великая, Неделимая Россия», «единая Русская

армия» и «борьба с большевизмом до конца») остались неизменными. Становилось ясно, что уступки неизбежны. И хотя Деникин по-прежнему упрекал казачьих политиков за их недоверие Главному Командованию, в политической сфере уже четко провозглашалась «автономия окраин и широкая автономия казачьих войск, историческими заслугами оправдываемая», равно как и «широкое самоуправление губерний и областей». Говорилось и о новом правительстве, которое следовало образовать «из лиц честных, деловых, не принадлежащих к крайним воззрениям», при этом гарантировалось «полное обеспечение в нем интересов казачьих войск вхождением казачьих представителей». Подтверждалась важность создания «представительного учреждения законосовещательного характера» и созыва «Всероссийского Учредительного Собрания, устанавливающего форму правления в стране», провозглашались почти социалистические лозунги: «земля – крестьянам и трудовому казачеству», «широкое обеспечение профессиональных интересов рабочих». Эта краткая «хартия» стала своеобразным итогом политического курса южнорусского Белого движения «деникинского периода»¹²⁹.

Кадровые перемены, предполагаемые Главкомом, менее всего удовлетворяли сепаратистскую оппозицию, стремившуюся к созданию своей модели управления. Ответная речь Тимошенко не содержала резко выраженной критики позиции Главкома ВСЮР. Скорее напротив – председатель Верховного Круга и Кубанской Краевой Рады подчеркивал значение «упорной, ожесточенной борьбы во имя обесеченной Родины» с «сатрапами-комиссарами», «новыми насильниками», пришедшими на смену самодержавному «ярму и рабству»: «Верховный Круг Дона, Кубани и Терека свято хранит в своих сердцах идею Великой, Единой, Свободной России»¹³⁰. В целом выступление председателя Круга было в духе «революционной фразы», характерной для политиков-антибольшевиков периода Уфимского Государственного Сопсовещания. Но, приветствуя Деникина, заявляя о необходимости «договориться с Главным Командованием» «во имя интересов единой, свободной России», Тимошенко называл гражданскую войну «борьбой за формы правления», победить в которой можно «только с народом и только через народ», поэтому «с диктатурой, как с властью насилия, Кубань не помирится», и «сражаться» с большевиками кубанцы будут «как свободные граждане, которые не подчинятся никакой диктатуре, как бы велик диктатор ни был». Деникин в своих воспоминаниях отмечал двуличность и неискренность речи Тимошенко, но «Очерки русской смуты» были написаны позднее, и события начала 1920 года, времени катастрофы ВСЮР на Северном Кавказе, оцениваются в них до некоторой степени субъективно и пессимистично¹³¹.

25 января начались переговоры в ст. Тихорецкой. Их главными участниками были: со стороны Главного Командования – Челищев, Савич и Новгородцев (они разрабатывали правовую основу новой формы управления, принятой по соглашению с казачеством), со стороны Круга – Тимошенко и Сушков. Юрисконсультантами на переговорах выступали «государствоведы»: А. Н. Лазаренко, профессор государственного права Н. Н. Алексеев и профессор Б. А. Кистяковский. По воспоминаниям Астрова, Новгородцев был «большой мастер добиваться компромиссных решений и находить формулы, которые давали возможность подписать резолюцию обеим сторонам». Правда, подчас бывало так, что «такая резолюция только прикрывала внутреннее расхождение, не удовлетворяя, в сущности, ни ту, ни другую сторону». Сам Новгородцев, готовивший все документы для переговоров, не участвовал формально в работе заседаний, опасаясь за судьбу своей семьи, оставшейся в Советской России. Анализируя ход переговоров и предлагавшиеся варианты построения южнорусской власти, следует отметить, что в позиции представителей казачества изначально выдвигался тезис не о диктаторской форме правления (хотя этого требовали условия близости фронта), а только о представительной системе, осно-

¹²⁹ Черноморские губернские ведомости. Новороссийск, № 143, 22 января 1920 г.; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Лл. 180–181.

¹³⁰ Вестник Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Екатеринодар, № 7, 20 января 1920 г.

¹³¹ Деникин А. И. Указ. соч., с. 302–303.

ванной на уже действующих государственных структурах казачьих областей. «Диктатурой России не победить» – эти слова Тимошенко из выступления 16 января стали лейтмотивом предложений Верховного Круга. С ним соглашался и Челищев: «Диктатуре приходит конец»¹³².

Одним из наиболее спорных был вопрос о праве Главкома налагать «вето» на законодательные предложения органов власти. Поскольку Деникину, стороннику решения не только военных, но и гражданских вопросов в приказном порядке, было бы непросто перестроить свои полномочия в рамках политической модели, основанной на превосходстве законодательной власти над исполнительной и краевых структур над общероссийскими. Право «вето» давало ему возможность регулирования деятельности будущего Парламента. Первоначально (на заседании 18 января) представители донской и терской групп Круга отстаивали «образование представительного органа с законодательными функциями», а также коалиционного правительства (на территориальной, а не партийно-политической основе), причем с правом «абсолютного вето» Главкома (предложения донской и терской фракций). Только кубанцы настаивали на «условном» (или относительном) вето. Сам Антон Иванович был готов согласиться на вариант «относительного», а не «абсолютного вето». Но при этом считал необходимым прямое подчинение ему министров военного, путей сообщения и снабжения, сохраняя тем самым возможность оперативного обеспечения нужд фронта¹³³. Другим спорным пунктом стал вопрос о пропорциональном представительстве в будущем Парламенте. Казачьи делегаты отстаивали принцип представительства в зависимости от численности населения той или иной губернии или области. По мнению представителей Главного Командования, количество представителей от «неказачьих» губерний, независимо от численности населения, не могло существенно уступать представительству казаков¹³⁴.

Деникин получал полномочия Главы Южнорусской власти «по соглашению» Круга и Главного Командования, без баллотировки, однако для его преемника признавалось необходимым издание специального закона, принятие которого возлагалось на Законодательную Палату. В выступлении республиканца Агеева и представителей кубанской фракции 18 и 22 января высказывалась уверенность, что «при непосредственном знакомстве Главного Командования с народными представителями» Деникин «отбросит те, навешанные на него третьими лицами представления о самостийниках и демагогах» и «усовершенствует южнорусскую власть» в духе «законченного народоправства в форме демократической республики», отказавшись (по мысли Агеева) и от «абсолютного вето», и от непосредственного подчинения себе трех министров¹³⁵. К концу января были выработаны основные структуры южнорусской власти, создававшейся «на основах соглашения» между Главным Командованием и Верховным Кругом. 19 января 1920 г. был принят «Наказ» комиссии при переговорах с Главкомом. Содержание «Наказа» в основном повторяло условия, выдвигаемые Кругом: формирование Южнорусской власти «впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания», создание Законодательной Палаты «из представителей избранных населением по пропорциональному принципу», ответственность исполнительной власти перед законодательной, право «относительного вето» для Главы власти – Главкома ВСЮР. После переговоров в Тихорецкой (22 января) Верховный Круг подавляющим большинством голосов (при 2 – «против») утвердил «Положение о Южнорусской власти», сразу же получившее условное название «Конституция Юга России». Круг утвердил также Закон об амнистии казакам, солдатам и офицерам-красноармейцам Дона, Кубани и Терека и Указ о срочной мобилизации на фронт (23 января)¹³⁶.

¹³² ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 1. Л. 403; Астров Н. И. Воспоминания // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 7. Д. 12. Л. 138.

¹³³ Савич Н. В. Указ. соч., с. 330.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Л. 158.

¹³⁵ Там же. Лл. 183–183 об.

¹³⁶ Там же. Лл. 185–188; Ф. 5881. Оп.2. Д. 248. Лл. 21–22; Трагедия казачества. Указ. соч., с. 129–133.

Создание новой системы власти привело к осуществлению еще одного требования казаков – созданию самостоятельной Кубанской армии, призванной подтвердить «суверенный» статус Края. Ее основой стала Кавказская армия, уже действовавшая в составе ВСЮР. Предполагалось сведение всех воинских частей, укомплектованных кубанскими казаками, в отдельную армию, а подразделения из горцев и терских казаков (из состава прежней Кавказской армии) переводились бы на другие участки фронта. Новые части из казаков-добровольцев сводились в особую – Гайдамацкую – дивизию.

Командующим формируемой армией стал популярный генерал-лейтенант А. Г. Шкуро. В первых же своих приказах он отмечал изменившиеся цели борьбы и требовал от «казаков, горцев и солдат» активного сопротивления наступавшей на Кубань Красной армии: «Помните, что вы должны бороться не за благо спекулянта и мародера, а за законную спокойную власть всякого русского гражданина, и если вы это запомните, если вы открыто и честно будете это исповедовать и так поступать, то никакие многотысячные армии Троцкого не страшны армии-освободительнице. Все падет перед вами, и все русское, честное, любящее свою Родину – все будет с вами. Уроки прошлого всем нам ясно показали, чего не надо делать... Запомните завет нашего Главнокомандующего генерала Деникина, который в полном согласии и единении с Верховным Казачьим Кругом открыто заявил, что Россия должна быть Единая, Великая и Неделимая; Донская и Кубанская армии составляют нераздельную часть Единой Русской армии, управляемой одними законами и единой властью... Отбросив все сомнения и домашние нелады, дружно становитесь в ряды молодой Кубанской армии несущей освобождение Родине» (приказ № 10 от 27 января 1920 г.). Характерной чертой приказов Шкуро было и явное стремление подчеркнуть «антирусский характер» власти большевиков и весьма своеобразное понимание борьбы против нее: «Вперед, кубанцы. В защиту своей чести, своей славы, своего существования. С нами Бог. Нет большевизма – есть жида. Будь на Руси один, что называется, большевизм, мы давно с ним сговорились бы и перестали бы резать друг друга, так как мы верим в одного Христа Спасителя. Всему мешают жида, которые на время приняли даже другие фамилии: Троцкий, Зиновьев и т. д. на самом деле Бронштейн и Апфельбаум. Пока в России жида – не будет России, а будет жидовский шабас-кагал. Итак пойдем за Веру Православную, за Крест Святой, что мы носим на груди» (приказ № 57 от 21 февраля 1920 г.). «Давайте вместе пойдем, как братья, на защиту прав народных, давайте вместе бороться против насилия и грабежей, откуда бы они ни приходили, и только в дружной совместной работе Дона, Кубани и Терека и Ставропольцев мы сумеем защитить свои очаги, свои семьи от насилия и произвола и довести страну до Всероссийского Учредительного Собрания» (обращение к «горожанам, рабочим и крестьянам Ставропольской губернии»). Призывы Шкуро поддерживались самими казаками. Так, еще в декабре 1919 г. по приговорам станиц Баталпашинского отдела принимались постановления, что «в случае недостатка той силы, которая командирована будет нами на фронт, мы можем все способные владеть оружием и выступить на защиту родного нам Края и Родины, дабы не пустить и окончательно победить злых и коварных издевателей большевиков и воскресить светлое будущее нашей Неделимой Родины России»¹³⁷. Нельзя сказать, что боеспособность кубанских полков существенно возросла, однако в ходе боев в начале февраля 1920 г. частям РККА был нанесен ряд ощутимых ударов, а дополнительные мобилизации, например в Лабинском отделе, превзошли первоначальные ожидания, позволив сформировать уже «третьеочередные» полки.

Это не изменило, правда, общего развала фронта. Во время встречи с делегацией городского самоуправления Ставрополя в феврале Деникин сказал, что «никогда они не были ближе к Москве, чем теперь; разъясняя, какой могучий треугольник образует его армия; о него уже, де разбилась конница Буденного, разобьется и вся большевистская армия. А на другой день

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 161. Лл. 3–5, 8; Д. 89. Лл. 1–2.

пришло известие, что кубанские казаки, образовавшие восточное ребро треугольника, ушли, обнажив фронт»¹³⁸.

Глава 4

Особенности новой формы устройства южнорусской власти. Специфика законодательной и исполнительной власти.

«Конституция», несмотря на краткость, была весьма содержательна. В ней провозглашалось «разделение власти». Исполнительная власть возглавлялась Главкомом ВСЮР и осуществлялась Советом министров. Деникина «признали» главой власти, пока «по соглашению» Круга и Командования, но в дальнейшем следовало принять «закон о преемстве власти главы государства». Интересно отметить, что здесь использовалась та же, условно говоря, «двухэтажная» система управления, что и в белой Сибири (Верховный Правитель и Совет министров). Южнорусская власть включала в себя Главу власти и Совет министров при нем. Но это было лишь внешнее сходство. Полномочия были уже другими. Высшая власть на белом Юге теперь формально принадлежала Законодательной палате – выборному органу «из представителей населения». Избирательный закон «в спешном порядке» предстояло выработать особой Законодательной Комиссии «из представителей казачьих войск и местностей, находящихся под управлением Главнокомандующего» (статья 4.). Глава южнорусской власти обладал равным статусом с Законодательной Комиссией, что не отвечало основополагающему принципу диктатуры – безраздельной единоличной власти¹³⁹.

«Положение о Законодательной Комиссии», развивавшее данную статью «Конституции», – небольшой, но весьма интересный правовой памятник. Четко составленный документ определял полномочия и порядок избрания первого в истории Белого движения властного органа – прототипа Парламента. Можно предположить, что образованная на основе Комиссии Палата в дальнейшем обладала бы схожими с парламентскими полномочиями, отличаясь лишь расширенным представительством территорий, «освобожденных от большевизма», на что еще надеялись белые военные и политики в начале 1920 г. Комиссия, таким образом, представляла бы законодательную власть не только на территории казачьих войск, но и на территории других южнорусских губерний. Законодательная власть разделялась Комиссией с Главкомом ВСЮР – законодательная инициатива принадлежала и Совету министров, и Главкому, и Комиссии. При общей численности Комиссии в 90 человек казаки получали большинство (50 мест от Дона, Кубани и Терека, три депутата от Астраханского казачества), 7 мест отдавалось представителям «горских народов», а 30 депутатов представляли «местности под управлением Главнокомандующего ВСЮР». Подобное соотношение мест объяснялось требованиями казачьих делегатов составить представительство в Комиссии «пропорционально численности населения»¹⁴⁰. Что касается избирательной системы, то здесь пришлось столкнуться с типичной для Белого движения проблемой невозможности «правильных выборов» (то есть всеобщих, равных, тайных, прямых) в условиях военных действий. Поэтому Савич и Челищев предложили вариант двухступенчатых выборов, в которых основой депутатского корпуса в Законодательной Комиссии становились бы уже избранные депутаты органов местного самоуправления (земские собрания, городские думы и казачьи парламенты). Эта схема представительства во многом

---

¹³⁸ Маргулис М. С. Год интервенции, кн. 3 (сентябрь 1919 – декабрь 1920). Берлин, 1923, с. 173.

¹³⁹ Протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады созыва 28 октября 1918 года № 51–72 (заседания с 24 октября по 14 ноября 1919 года). Екатеринодар, 1919, с. 22–23; Деникин А. И. Указ. соч., с. 308–310; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Л. 158.

¹⁴⁰ Протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады созыва 28 октября 1918 года № 51–72 (заседания с 24 октября по 14 ноября 1919 года). Екатеринодар, 1919, с. 22–23; Деникин А. И. Указ. соч., с. 308–310; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Л. 158.

напоминала представительство в ГЗС в белой Сибири¹⁴¹. Однако данные предложения были скорректированы: члены Комиссии от краевых образований Дона, Кубани и Терека избирались соответствующими фракциями Верховного Круга, а члены Комиссии от Ставропольской и Таврической губерний избирались как городскими думами (городов Ставрополя, Святого Креста, Симферополя, Ялты, Севастополя, Феодосии, Керчи и Евпатории), так и губернскими избирательными собраниями, образованными из «председателей и членов губернских и уездных земских управ, выборщиков от губернских кооперативных объединений». Члены Комиссии от Черноморской губернии избирались собраниями в городах Новороссийск, Геленджик, Туапсе и Сочи – в избирательные собрания включались депутаты городских дум и сельские старшины. Херсонскую губернию представляли члены, избранные Одесской городской думой (единственная часть губернии, еще контролируемая в феврале 1920 г. частями ВСЮР), а горские народы (Чечня, Ингушетия, Кабарда, Хасав-Юртовский округ) избирали в Комиссию «по одному члену от каждого народа» (Дагестан делегировал трех членов)¹⁴².

Во многом аналогично проведенной Пепеляевым в белой Сибири «административной революции» решался вопрос о полномочиях Совета министров на белом Юге. Председатель Совмина назначался главой южнорусской власти, а министры утверждались им по списку, составленному премьером (статьи 5, 6.). При этом Законодательная Комиссия могла выражать недоверие как отдельным министрам, так и Совмину в целом, что влекло за собой их немедленную отставку. «Ответственное министерство» – так по аналогии с 1916–1917 гг. называли новое правительство. На переговорах Челищеву и Савичу удалось отстоять полную подчиненность Главкому ВСЮР лишь двух, важнейших для фронта, ведомств – военно-морского и путей сообщения – Деникин считал это своим успехом на переговорах. Все законодательные акты по данным ведомствам принимались Главкомом единолично. Управление снабжения контролировалось им, но опосредованно, через военное ведомство¹⁴³. Последней, 7-й статьей в тексте соглашения было предоставление главе «южнорусской власти» права «относительного вето». После наложения «вето» закон мог вторично рассматриваться Комиссией лишь через 4 месяца и приниматься только квалифицированным (2/3) большинством Комиссии. Глава южнорусской власти получал также право роспуска Законодательной Комиссии. Однако в случае роспуска новые выборы следовало провести в течение месяца. В перерыве между сессиями Комиссии законодательные акты могли приниматься и исполнительной властью – Главкомом и Советом министров, но после начала работы Комиссии все они должны были выноситься на повторное утверждение, в противном случае эти постановления теряли силу. Первоначально настаивавший на «абсолютном вето», Деникин был убежден Савичем в необходимости «уступить» казачьим представителям, поскольку в течение 4 или 6 месяцев действия «относительного вето» положение на фронте могло ухудшиться настолько, что уже никакое «вето» ничего бы не решало¹⁴⁴.

Отвлекаясь от конкретной обстановки, влиявшей на принятие и реализацию вышеизложенных решений, значение проведенных политических преобразований в истории Белого движения на белом Юге весьма ценно: здесь впервые был выработан и начал осуществляться на практике парламентский вариант управления. И это произошло в регионе, где принцип военной диктатуры поддерживался с самого зарождения Добровольческой армии. «Ответственное министерство, законодательная палата и условное вето, – по признанию Деникина, – знаменовали переход от диктатуры к конституционным формам правления». Главком считал при этом своим успехом сохранение за собой Верховного военного руководства, а уступки в осталь-

¹⁴¹ Савич Н. В. Указ. соч., с. 333.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Лл. 165–167.

¹⁴³ Трагедия казачества. Указ. соч., с. 127; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Л. 165.

¹⁴⁴ Савич Н. В. Указ. соч., с. 329–330; ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Лл. 165, 185–186.

ном считал временными, зависящими исключительно от меняющегося положения на фронте. Потенциал созданной в таком виде южнорусской власти, весьма вероятно, мог бы привести к позитивным переменам. Вот как оценивал реальные результаты совместной работы Главного Командования и казачества генерал Чернавин: «Южнорусской власти... помимо борьбы с внешним врагом, приходилось вести тяжелую борьбу с противниками в собственном лагере. Однако... при всей трудности положения, оно не было безнадежным. Были благоприятные факторы, которые можно и должно было использовать, которые могли быть противопоставлены факторам развала». Но, как справедливо сказано далее, «эти возможности Главным Командованием систематически и неизменно упускались. По-видимому, не столько сила и искусство внутренних врагов Главного Командования, сколько собственные его ошибки – неумение понять действительную обстановку, превратная оценка ее слагаемых, большой примитивизм политики – подготовили катастрофу Юга России»¹⁴⁵.

Глава 5

Южнорусское правительство. Перемены в отношении к «государственным образованиям». «Разрыв» между Верховным Кругом и Главным Командованием. «Феодосийский переворот» (февраль – март 1920 г.).

Как уже отмечалось, все структуры южнорусской власти создавались на основе паритетного соглашения между Главным Командованием и Верховным Кругом. 5 февраля 1920 г., уже в качестве Главы южнорусской власти, Деникин подписал Приказ № 1 (по общему управлению) о назначении «председателя Совета министров Южнорусского правительства). В свою очередь, председатель утвердил список Совета министров. Предполагалось, что его состав будет отражать паритет между казачьими войсками и представителями неказачьих «свободных от большевизма» территорий Европейской России (областей и губерний). Создание Южнорусского правительства («ответственного министерства» перед Законодательной Комиссией) оказалось единственным осуществленным решением из всего проекта создания новой власти. Оно полностью заменило структуры Особого Совещания и Правительства при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России. Министрами стали как бывшие члены Особого Совещания, представители кадетской партии и Всероссийского Национального Центра – Бернацкий (сохранявший портфель Минфина), В. Ф. Зеелер (бывший ростовский городской голова, ставший министром внутренних дел), так и явные оппозиционеры – Сушков (министр просвещения) и Агеев (министр земледелия). Деятели казачьей демократии, сотрудники земского и городского самоуправления, составляли большинство в правительстве: Ф. С. Леонтович (министр торговли и промышленности), Н. С. Долгополов (министр здравоохранения), В. М. Краснов (бывший городской голова Ставрополя стал министром юстиции), Л. В. Зверев (министр путей сообщения), Я. Л. Щупляк (министр продовольствия). Министром пропаганды был назначен Н. В. Чайковский, одновременно формально сохранявший за собой руководство правительством Северной области и предполагавшийся также на должность председателя Комиссии по выборам Национального Учредительного Собрания в Сибири (так велик был в Белом движении авторитет старейшего российского политика, видного социал-демократа). Известные на белом Юге военные: генерал-лейтенант А. К. Кельчевский (в прошлом профессиональный генштабист, начальник штаба Донской армии) и генерал от кавалерии Н. Н. Баратов (знаменитый своими операциями в Персии в 1916–1917 гг., представитель ВСЮР в Закавказье в 1919 г.) – стали министрами военно-морским и иностранных дел соответственно. Главой правительства стал бывший депутат Всероссийского Учредительного Собрания, профессиональный юрист, председатель Совета управляющих отделами Всевели-

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 127–128.

кого Войска Донского (областного правительства) Н. М. Мельников. По оценке Савича, «человек порядочный, умеренный, но фигура среднего калибра – провинциальный политик демократического шаблона»¹⁴⁶. Южнорусское правительство стало коалиционным, но, как и любая коалиция, возникающая во время политических кризисов, вряд ли могло работать длительное время¹⁴⁷. Призванный примирить различные политические позиции и группы, Совет министров в действительности не смог полностью удовлетворить заинтересованные стороны. Его коалиционный характер, по мнению Деникина, не оправдал ожиданий: «Российские круги, как либеральные, так и консервативные, отнеслись с подозрительной враждебностью к Южному правительству по мотивам: одни – «казацкого засилья», другие – «левизны», третьи – персонального его состава. Социалисты-революционеры... обсуждали возможность переворота, а социал-демократы... вынесли резолюцию с принципиальным порицанием Южного правительства и требовали соглашения с большевиками. Только одна политическая партия – в лице «группы центрального комитета кадетской партии» – постановила «во имя сохранения единства» поддержать Южное правительство, которое «представляется в настоящий момент единственным центром национального объединения»¹⁴⁸.

Важнейшей среди проблем, стоявших в начале 1920 г. перед южнорусским Белым движением, оставалось создание единого антибольшевистского фронта. Конфликты с государственными образованиями окраин бывшей Российской Империи, гибель Северо-Западной армии из-за, как считали многие, несвоевременной и недостаточной поддержки со стороны Эстонии и Финляндии, отсутствие военного взаимодействия с Польшей во время «похода на Москву» ВСЮР, чересчур «буквальное», «слепое» следование лозунгу «Единая, Неделимая Россия» – все эти ошибки и провалы внешнеполитического курса и национальной политики признавались одними из главных в перечне причин поражений Белого движения в 1919 г. Создание южнорусской власти на паритетных основаниях с казачеством считалось на этом фоне началом «смены курса» в отношении к новообразованным государствам, ставшим из российских губерний российскими соседями. Этому способствовал и «окраинный» характер российского Белого движения, вынужденного опираться теперь на приграничные регионы (Крым, Причерноморье, Северный Кавказ, Забайкалье, Приморье). В январе 1920 г. Верховный Совет Антанты официально заявил о признании де-факто независимости Закавказских республик – Грузии, Армении и Азербайджана. Делегации этих республик были допущены к участию в работе Версальской конференции. Таким образом, Закавказью удалось продвинуться по пути суверенитета в значительно большей степени, чем всем предшествующим антибольшевистским правительствам (из ведущих мировых держав лишь США отказались признать независимость Закавказья)¹⁴⁹. 16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты санкционировал заключение торговых соглашений с «русским народом» (но не с советским правительством) через посредство, в частности, кооперативных структур «Центросоюза», действующих на территории Советской России.

В то же время в частной переписке между Савинковым, Чайковским и главой Польского государства Ю. Пилсудским подчеркивалась важность достижения военного сотрудничества с Деникиным на основании «полной демократизации правительства», «замене Сазонова (на посту главы МИДа), «лицом, пользующимся полным доверием в Европе» и заключение правительством белого Юга договорных соглашений с новообразованными государствами – лимит-

¹⁴⁶ Трагедия казачества (Очерк на тему: «Казачество и Россия»), ч. IV. Январь – май 1920 г. Париж, 1938, с.126–128; Савич Н. В. Указ. соч., с. 334.

¹⁴⁷ Организация власти на Юге России. Указ. соч., с. 250; Краснов В. М. Указ. соч., с. 154; Деникин А. И. Указ. соч., с. 307.

¹⁴⁸ Там же, с. 308–310.

¹⁴⁹ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг. Воспоминания. Очерки. Париж, 1924, с. 202, 237, 248–249.

рофами при посредстве нового министра иностранных дел¹⁵⁰. На это рассчитывал Чайковский, принимая в Южнорусском правительстве должность «заведующего отделом политического образования» (министра пропаганды). По воспоминаниям председателя Союза Возрождения России В. А. Мякотина, встречавшегося с Чайковским в Екатеринодаре в феврале 1920 г., последний был настроен достаточно решительно и «считал необходимым принять это предложение, ибо наличие демократа и социалиста в составе правительства поможет ему стать на правильный путь, который обеспечит ему доверие народных масс. А это тем важнее, что положение большевиков нельзя считать очень прочным: помимо всего другого, против них в данный момент собирается выступить Польша, и ввиду этого им придется оттянуть часть своих сил с Юга». Для большей «демократизации» портфель министра земледелия предлагался члену ЦК Союза Возрождения России, уже имевшему небольшой административный опыт (в должности министра продовольствия во Временном правительстве в мае – августе 1917 г.), энесу А. В. Пешехонову, однако он ответил отказом. Данная позиция нашла поддержку и среди членов работавшей в Париже делегации Русского Политического Соперания. По воспоминаниям М. М. Винавера, в конце января 1920 г. его товарищи по кадетской партии (В. А. Маклаков, А. И. Коновалов, Б. Э. Нольде, Ф. И. Родичев и М. С. Аджемов) намеревались создать т. н. «Русский Комитет» – для объединения кадетского и правоэсеровского секторов русской зарубежной общественности. В черновом наброске программы объединения значилось «сохранение целостности России, не останавливаясь перед федеративным или даже конфедеративным устройством», а также «отказ от отобрания у крестьян земли». И хотя эсеры в лице Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова-Фундаминского, В. М. Зензинова и О. С. Минора отказались от объединения, считая кадетскую позицию неискренне демократической, сама идея создания межпартийной коалиции воплотилась спустя год в программе «новой тактики» П. Н. Милюкова.

В обращении к Деникину Чайковский убеждал Главкома в необходимости «не только принять определенно демократическую программу, но и демократизировать свое Правительство..., заключить союз с Польшей на разумных и достойных обоих народов началах для совместной борьбы с большевиками». Позднее, в августе 1920 г., настойчивость Чайковского повлияла на признание Савинковым, ставшим главой Русского Политического Комитета в Варшаве, Врангеля («ради единства действий перед лицом Советского правительства»)¹⁵¹.

В декабре 1919 г. в руководящих кругах стран Антанты стала формулироваться стратегия т. н. «санитарного кордона», предусматривавшего военно-политическую изоляцию советского режима посредством создания единого антибольшевистского фронта из независимых государств от Финляндии до Закавказья. Альтернативой «кордону» считался проект конференции из представителей Российского правительства Колчака, Особого Соперания Деникина и «государственных образований» на окраинах бывшей Российской Империи («белый блок» в оценке генерала Щербачева). Под эгидой британского МИДа предполагалось провести конференцию из представителей этих правительств в Варшаве. Однако она не состоялась, и тогда более перспективной стала представляться идея «санитарного кордона», или, еще жестче, «проволочного заграждения» вокруг России. Ее сторонником стал французский премьер Клемансо. В этой ситуации южнорусскому Белому движению (дипломатические отношения с Российским правительством в Сибири в декабре 1919 г. союзники уже прекратили) представлялась возможность присоединения к данному фронту, но уже не в качестве руководящего центра, а в качестве равноправного участника. Идеи «кордонной стратегии» применительно к противостоянию с Советской Россией были изложены в циркулярной телеграмме Сазонова в МИД в Иркутск (Третьякову) и в Таганрог (Нератову) от 28 ноября 1919 г. Отметив,

¹⁵⁰ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 197–198.

¹⁵¹ Там же, с. 240; Мякотин В. Из недалекого прошлого (отрывки воспоминаний) // На чужой стороне, кн. XIII. Прага, 1925, с. 197–198, 200–201; Савинков Б. В. На пути к «третьей» России. За Родину и Свободу. Варшава, 1920, с. 51; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив, № 6, 1961, с. 110.

что союзники не намерены увеличивать масштабы материальной помощи, оказываемой белым фронтам («это вызвало уже сделанное нам предупреждение, что впредь снабжение наших армий будет ограничено во времени и, вероятно, станет возможным в дальнейшем лишь путем покупок на вольном рынке»), министр иностранных дел отметил перемены в планах союзных держав: «Все более намечается возвращение к возбужденной уже раз мысли о привлечении к общей борьбе против большевиков всех возникших на окраинах России государственных образований и создании из них не только «санитарного кордона» для ограждения Западной Европы от большевистской заразы, но тесного кольца для наступательных действий против Советской России». Не отрицая принципиальной целесообразности подобного рода военно-стратегического партнерства в борьбе против Советской России, Сазонов с опасением отмечал, что наличие такого «кордона» становится возможным благодаря совершающемуся процессу «разделения России», что происходит, конечно, помимо ее воли: «Предпосылкой такого сотрудничества является, очевидно, предварительное разрешение вопросов, связанных с происшедшим благодаря временному ослаблению России самоопределением пограничных народов... Сами народы, населявшие окраины России, стремятся объединиться, чтобы, пользуясь нашими нынешними затруднениями, общими силами добиться от нас уступок их домогательствам... При таких обстоятельствах ясно, что сотрудничество всех этих народов, хотя и заинтересованных в искоренении большевиков, но не менее опасаящихся восстановления сильной России, будет несомненно обусловлено требованием широких жертв с нашей стороны, причем надо предвидеть, что эти требования найдут поддержку у союзников». В этой связи особые опасения вызывала конференция представителей Прибалтийских государств и Финляндии, состоявшаяся в ноябре 1919 г. в Юрьеве (Тарту). На ней было заслушано предложение главы НКВД РСФСР Г. В. Чичерина о признании независимости всех вышеназванных «лимитрофов» и о заключении с ними равноправных договоров. В этой ситуации от Главкома ВСЮР, и особенно от Верховного Правительства, требовалось «точное осведомление... для соответствующего направления неизбежных здесь в скором времени переговоров по указанному вопросу. Если наше положение (на фронтах. – *В.Ц.*), хотя и не вполне удовлетворительное, все же признается достаточно прочным, нам было бы желательно уклониться от подобных переговоров в настоящую, особенно выгодную для них минуту. В противоположном случае нам необходимо установить рамки допустимых уступок в отношении каждого отдельного государственного образования, народившегося на наших окраинах, и наметить те обязательства, которые оно, в свою очередь, должно исполнить в общей борьбе против большевиков, без чего никакие жертвы не имели бы оправдания. Вследствие крайне осложняющейся общей международной обстановки необходимы быстрые решения».

Последующие события подтвердили правоту опасений Сазонова. «Устанавливать рамки допустимых уступок» не пришлось. Свое отношение к происходящим в России переменам выражали и представители «союзных держав». Прибывший в Новороссийск в декабре 1919 г. «высокий комиссар правительства Великобритании» Мак-Киндер потребовал от Деникина «определенно и точно выяснить свои отношения к окраинным государственным образованиям», «добиться установления дружественных отношений ВСЮР с Польшей и Румынией, разрешив для этого острый вопрос о восточной границе Польши и Бессарабский вопрос», а также установить дальнейшие отношения между Россией и окраинами «путем соглашения между общерусским правительством и правительствами окраин при посредничестве союзных держав»¹⁵². По сути, Мак-Киндер выдвигал условия признания Особого Совещания, схожие с теми, которые высказывались на Парижской конференции в отношении Российского правительства в мае 1919 г. В результате Особое Совещание на заседании 31 декабря 1919 г. едино-

¹⁵² Соколов К. Н. Указ. соч., с. 243–244; Лукомский А. С. Воспоминания, т. 2. Берлин, 1923, с. 327–328; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив, № 6, 1961, с. 96–97; 98–99.

гласно постановило «принять полностью предложение Мак-Киндера, в том числе – признание правительством самостоятельности существующих окраинных правительств и установление будущих отношений путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами, с допущением сотрудничества союзников»¹⁵³.

Примечательно, что в телеграмме поверенного в делах российского посольства в Лондоне Е. В. Саблина Сазонову (19 ноября 1919 г.) о предполагаемой «миссии Мак-Киндера» говорилось в весьма оптимистичных выражениях. Мак-Киндер откровенно информировал о трех задачах, поставленных ему правительством: «Осведомиться на месте обо всем и о результате своего осведомления донести премьеру и правительству; координировать действия всех военных и гражданских чинов англичан на Юге России, не исключая и Кавказа... так как деятельность британских военных агентов в этих местах благодаря разрозненности дала хаотические результаты...; предоставить в распоряжение генерала Деникина, – именно предоставить, а не навязать, подчеркнул г. Мак-Киндер, – советы испытанных британских экспертов для экономического воссоздания Юга России, и способствовать установлению там такого экономического порядка и благосостояния, при наличии коего Великобритания могла бы завязать с территорией, контролируемой генералом Деникиным, правильные торговые отношения». Характерно, что о военной помощи здесь речь уже не шла, а, по существу, говорилось только о сборе информации для налаживания «правильных торговых сношений», поскольку «экономическое оборудование территорий, занятых Добровольческой армией, едва ли не важнее «скоропелых» побед» (в состав делегации комиссара вошли «эксперты по земледелию, землеустройству, продовольствию»). Показательно для ноября 1919 г. и стремление подчеркнуть приоритет белого Юга перед Сибирью, высказанное Мак-Киндером: «Мак-Киндер сообщил, что как Ллойд-Джордж, так и его коллеги по кабинету пришли к убеждению, что «спасение России произойдет на Юге», а не из Сибири, каковая страна является, в сущности, так сказать, колонией России».

Однако, заявляя о согласии с требованиями Великобритании, Деникин в ответной телеграмме от 1 января 1920 г. оговаривал, что с позиции Главного Командования и Особого Совещания признание «де-факто» означает не признание государств, а лишь признание правительств. Сходной позиции придерживались и представители французской миссии при Главкоме ВСЮР («не признание независимости, а официальное подтверждение фактического существования названных республик, возглавляемых их Правительствами»). Генерал признал требование Мак-Киндера именно в такой форме, подчеркнув, что «установление будущих отношений окраин с Россией совершится путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами». В телеграмме выдвигались встречные условия к англичанам со стороны руководства белого Юга: «Решительные и незамедлительные меры к охране флотом Черноморской губернии, Крыма и Одессы; содействие в помощи живой силой со стороны Болгарии и Сербии (надежды на «братское славянство». – *В.Ц.*), продолжение снабжения ВСЮР». В отношении Польши Деникин считал, что «вопрос восточной границы будет решен договором общерусского и польского правительств на этнографических основах», причем «Польша должна оказать содействие живой силой немедленным (!) частичным переходом в наступление для отвлечения части большевистских сил». На следующий день Мак-Киндер возвращался в Англию и перед отъездом направил Деникину короткий, но вполне конкретный ответ. Британский комиссар признавал необходимым проведение плебисцита в Бессарабии по вопросу о присоединении к Румынии (именно на этой форме решения «бессарабского вопроса» настаивало Русское Политическое Совещание еще летом 1919 г.), настаивал на личных переговорах между Деникиным и Й. Пилсудским (в Констанце или Галаце) и о допуске «хорошо организо-

¹⁵³ Деникин А. И. Указ. соч., с. 305.

ванных немцев колонистов для защиты Крыма и Одессы» (своего рода уступка «немецкому влиянию»)¹⁵⁴.

Итак, Деникиным признавались лишь «фактически существующие» структуры власти, с которыми еще предстояло вести переговоры по всем спорным (в том числе и территориальным) вопросам. Нельзя не заметить, что еще летом 1919 г. намечился постепенный отказ от непримиримых позиций в отношениях с республиками Закавказья. 1 июля 1919 г. Деникиным было подписано Обращение к народам Закавказья, в котором подчеркивалось, что ВСЮР ведут «войну исключительно с большевиками и никаких агрессивных намерений против народов Закавказья не имели и не имеют. Наша цель в кратчайший срок довести страну до Учредительного Собрания, и пусть оно решит вопросы и порядок дальнейшей государственной жизни на основах широкой внутренней автономии областей и народной жизни». Обращение завершалось призывом: «Надеюсь, что и государственный разум народов Закавказья укажет им единственный путь, который выведет их на арену светлой будущности, и они пойдут с нами рука об руку по дороге общего государственного строительства, не обращая внимания на коварные наветы врагов народа и порядка». Интересные указания содержала инструкция, разработанная для Главного представителя Главкома ВСЮР в Закавказье и подписанная генерал-лейтенантом А. С. Лукомским. «По части политической» представитель должен был исходить из того, что «все Закавказье в пределах границ до начала войны 1914 г. должно рассматриваться как неотделимая часть Российского Государства». В будущей России закавказские «государственные образования» рассматривались как наделенные «широкой внутренней автономией в делах местной краевой и народной жизни». На переходный же период «по отношению к Грузии» считалось неизменным условие «полного очищения грузинскими войсками Сочинского округа, с отводом их за р. Бзыбь» и «прекращение гонений на русских людей, силой обстоятельств находящихся в Грузии». Только после этого можно было бы говорить о каких-либо «дружелюбных» взаимоотношениях, кроме «готовности к боевому противодействию». В отношении Азербайджана следовало считать его «неотделимой частью России». Допускалось «временное управление впредь до окончательного установления общероссийской государственной власти». Наиболее благоприятное отношение выражалось к Армении: «Вполне сочувствуя стремлениям Армянской народности к объединению в этнографических границах и считая армян тесно связанными в их исторических и экономических интересах с Единой, Неделимой Россией, в пределы которой входит наиболее цветущая часть Армении, Главное Командование ВСЮР, так же как и в отношении Грузии и Азербайджана, допускает временное самостоятельное управление, впредь до окончательного установления общероссийской государственности». Во всех трех республиках Главное Командование исходило из приоритета «охранения и защиты интересов всего постоянно русского населения и Русской Православной Церкви»¹⁵⁵.

7 февраля 1920 г. и.о. представителя Главнокомандующего в Закавказье полковнику П. В. Дену поручалось «уведомить Закавказские Правительства», что Главком ВСЮР «признает фактически существующие правительства Армении, Азербайджана и Грузии». 11 февраля Ден сообщил это известие министру иностранных дел Грузии Е. П. Гегечкори¹⁵⁶. Сам же Деникин в интервью газете «Таймс» заявил, что по-прежнему не считает возможным признать «независимые республики», исходя из необходимости «охраны высших интересов русского государства», и что при этом он «вовсе не исключает возможности дружеских и добрососедских отношений» с правительствами этих республик¹⁵⁷.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 40; *Лукомский А. С.* Указ. соч., с. 326–328; Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России // Исторический архив, № 6, 1961, с. 96–97.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 118. Л. 1; Д. 47. Лл. 1–3.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Л. 177; Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 41.

¹⁵⁷ *Авалов З.* Указ. соч., с. 248–249; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Лл. 27–28.

Исходя из позиции Главкома и одновременно Главы южнорусской власти, правительство Мельникова 7 марта 1920 г. утвердило проект договора, отправленный Баратовым полковнику Дену в Тифлис. Его основные положения предусматривали «фактическое признание правительства Грузии», заключение «договора Общерусского правительства с Грузинским правительством» при возможном «посредничестве Союзных держав». Со стороны белого Юга оказывалась продовольственная помощь Грузии, в обмен на которую грузинское правительство должно было «вести борьбу с большевиками», содействуя ВСЮР «как живой силой, так и иными средствами»¹⁵⁸. На аналогичных условиях Южнорусское правительство готовилось вступить в переговоры с Арменией и Азербайджаном. Предполагалось использовать Грузию в качестве базы войск Северного Кавказа, сдерживавших наступление Красной армии и горских повстанцев, но вынужденных отступать из Дагестана, Чечни и Ингушетии на Владикавказ. В случае же дальнейшего развития операций, можно было рассчитывать на создание «единой антибольшевистской коалиции», которая и получила бы международное признание («... только объединение Закавказских республик, конечно при поддержке союзников, против возможного нашествия большевиков может обеспечить спокойное и самостоятельное существование их, и потому в их собственных интересах пойти навстречу соглашению с Южно-русским правительством»)¹⁵⁹. Текст договора был передан полковником Деном Гегечкори 11 марта, но его ратификации так и не произошло. Правительство Грузии соглашалось на интернирование у себя отступавших белых войск (что само по себе было чрезвычайно важно в условиях «развала фронта» и невозможности для части ВСЮР и беженцев эвакуироваться в Крым), однако было против участия своей армии в боевых действиях на Кубани¹⁶⁰. Лишь в случае «перехода границы» РККА Грузия допускала возможность совместных действий с ВСЮР. «Сохранение нейтралитета» не помогло Грузии «сохранить независимость», когда через год, в феврале 1921 г., Красная армия вступила в Тифлис.

Несколько ранее, чем правительство Мельникова, переговоры с республиками Закавказья начала специально созданная делегация Верховного Круга в составе делегатов от каждой из трех фракций во главе с донским депутатом П. И. Ковалевым. Это было вызвано заявлением грузинского генерал-майора князя Магалова о возможности создания особого Добровольческого корпуса из уроженцев Грузии и других кавказских республик «для борьбы с большевиками». 30 января 1920 г. Круг постановил отправить эту делегацию в Грузию, Армению и Азербайджан для выяснения условий военного сотрудничества¹⁶¹. Делегация не имела полномочий для заключения каких-либо международных соглашений, и формальные результаты визита свелись к ознакомлению «общественности» Закавказья с политическими принципами новой южнорусской власти, а также к подтверждению готовности разместить отступающие с Северного Кавказа части ВСЮР на территории Грузии и, возможно, Армении. В Азербайджане не удалось добиться и этого, а в Баку на делегатов было даже совершено покушение. Делегация снова прибыла в Тифлис 7 марта, тогда, когда переговоры между Грузией и южнорусской властью начались уже на межправительственном уровне.

Помимо Закавказья, отдельная делегация Круга (во главе с донским депутатом В. Г. Хрипуновым) должна была отправиться на переговоры с представителями Союза Горцев Северного Кавказа. Сам по себе факт отправки делегации для переговоров с горцами весьма показателен как свидетельство признания Горского правительства со стороны и южнорусского казачества, и южнорусской власти. Напомним, что еще в ноябре 1919 г. любые контакты с горцами на уровне государственных структур признавались не только опасными, но и прямо

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 181–184.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Лл. 47, 70–71, 108.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 186–187.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 11. Лл. 180–180 об.; 186; Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 52.

«изменническими» (что вызвало «кубанское действо» в отношении Краевой Рады и ее заграничной делегации). После того как ВСЮР заняли всю территорию Северного Кавказа (апрель – май 1919 г.), никакой государственной самостоятельности горских народов не признавалось, а возникшая на территории Дагестана Горская республика была признана нелегитимной. Более того, с июля 1919 г. в Чечне и Дагестане началось масштабное антиденикинское восстание горцев, которое многие современники называли «второй кавказской войной». Как известно, с Грузией Главное Командование ВСЮР вело военные действия за Сочинский округ и часть Абхазии (до р. Бзыбь), считавшуюся неотъемлемой частью России, что, однако, не помешало затем признать ее правительство. И хотя делегации Круга так и не удалось отправиться на Северный Кавказ, результаты действий Круга окончательно подорвали политический курс, строившийся на абсолютизации лозунга «Единой, Неделимой России» и утверждаемый Главным Командованием с середины 1918 г.¹⁶²

Проявлением дальнейшей эволюции политического курса стало неожиданное распоряжение Главноначальствующего и Командующего Войсками Северного Кавказа генерала от кавалерии И. Г. Эрдели. К началу марта 1920 г. подразделения ВСЮР оставили территорию Дагестана, Чечни и Ингушетии и сосредоточились в столице Терского казачьего войска – Владикавказе. При этом частям, находившимся к востоку от Владикавказа и действовавшим против горских повстанцев в Чечне и Дагестане (Грозненская группа Войск Северного Кавказа под командованием генерал-майора Д. П. Драценко), было приказано отходить на порт Петровск, для дальнейшей эвакуации в Персию (фактически большая часть отряда, столкнувшись с категорическими требованиями англичан разоружиться, вынуждена была перейти не в порт Энзели, а в Баку и, летом 1920 г., в Армению). Готовясь к дальнейшему отступлению в Грузию по Военно-Грузинской дороге, добровольческий «наместник Кавказа» (как называли генерала Эрдели) издал приказ о фактическом признании права горских народов на создание собственной государственной структуры – республики Союза Горцев Северного Кавказа. Еще 9 —11 марта с санкции генерала во Владикавказе состоялось совещание членов бывшего Терско-Дагестанского правительства, объявившего самостоятельность Северо-Кавказской республики. Согласно планам горских политиков, следовало «переждать остаток весны во Владикавказе, с тем чтобы объявить всеобщую мобилизацию горцев (уже против РККА. – В.Ц.) ..., объединить горцев, соединиться с Дагестаном», рассчитывая также на поддержку Грузии и, «возможно, Армении»¹⁶³.

В свою очередь, Эрдели не только сделал значительный «шаг навстречу» настроениям горских «сепаратистов» (какими считались деятели «Союза горцев» до начала 1920 г.), но и устранил от управления русскую администрацию, что стало одной из причин резкого недовольства его действиями со стороны офицерства, намеревавшегося даже «арестовать командующего»¹⁶⁴. Распоряжение Эрдели представляло обоснование нового порядка управления так: «Ход исторических событий на Кавказе уже призвал к жизни новые государственные образования Дона, Кубани и Терека, а также Грузии, Азербайджана и Армении, и одни лишь горские народы Кавказа остаются разьединенными и не имеют возглавляющего их общепризнанного органа народной власти... в связи с создавшейся на Юге России обстановкою я признал своевременным для блага горских народов и всего населения Северного Кавказа пойти навстречу заветным стремлениям горских народов и создать на территории Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Кумыкской плоскости, Салатавии и Дагестана объединенное государственное образование со своим законодательным органом, избранным на демократических началах и выборным правительством, облеченным полнотою законодательной, исполнительной и

¹⁶² ГА РФ. Ф. 5956. Оп.1. Д. 392. Лл. 189–195; Ф. 446. Оп.2. Д. 114. Лл. 55–55 об.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 5911. Оп.1. Д. 1 г. Лл. 10–15; Ф. 5936. Оп.1. Д. 395. Лл. 2–3.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 534. Л. 33.

судебной власти, и признать фактически впредь до окончательного разрешения этого вопроса Всероссийским Учредительным Собранием таким государственным образованием Союз Горцев Северного Кавказа».

«До формирования правительства Союза Горцев Северного Кавказа на правильных выборных началах» Эрдели считал необходимым «образование временного органа власти, выдвигаемого народными съездами Осетии и Ингушетии совместно с совещанием представителей других горских народностей, призванного созвать в ближайшем будущем съезды горских народов и общегорский съезд для окончательной конструкции власти». В целом это вписывалось в провозглашенную еще Главкомом ВСЮР в марте 1919 г. модель управления горскими областями, при которой учредительно-санкционирующий характер также имели бы «съезды горских народов». Принципиальная разница заключалась в том, что в марте 1920 г. речь шла уже не об избрании Правителей, обладавших полномочиями лишь в пределах, «разрешенных» белой властью, а говорилось о передаче горским съездам и создаваемым ими структурам всей полноты власти на Северном Кавказе. В этом же распоряжении сказано о «прекращении всяких наступательных действий против горцев в Дагестане». Борьба с революционными повстанцами прекращалась, и речь шла только об обороне от нападений на уходившие в Грузию колонны войск и беженцев.

Однако было бы неправомерно видеть в решении Эрдели «капитуляцию» перед вчерашними врагами. Передача власти горским съездам вполне вписывалась в рамки «смены курса» южнорусского Белого движения и «санитарного кордона» Антанты. Эрдели считал, что новообразованная республика станет «буфером между Грузией и большевиками», позволит продолжить борьбу с советской властью, или «если не перейдет к активным действиям, то, во всяком случае, задержит наступление красных и даст возможность выиграть время». «Нам надо, – отмечал в своем донесении в Ставку Главкома ВСЮР полковник Ден, – ценою хотя бы некоторых уступок войти в соглашение с горцами для совместного отпора большевикам..., а с другой стороны, заключить прочное соглашение с Грузией, окончательно перетянув ее на противобольшевистскую сторону, способствуя естественному союзу ее с Арменией, против несомненной угрозы ее векового врага Турции... соглашение же с Азербайджаном будет легче достигнуть после заключения соглашения с Грузией»¹⁶⁵. Это подтверждалось и в распоряжении «наместника Кавказа»: «От имени Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России я... призываю горские народы, казаков и иногороднее население Северного Кавказа проникнуться сознанием общности их интересов и, объединившись, всемерно бороться против надвигающейся анархии, общими силами защитить родной край от насильственного вторжения в него враждебных сил, самим строить свою жизнь по заветам и правилам веры отцов и дедов и полюбовно разрешить все политические вопросы, как того требуют жизненные интересы всех народностей Северного Кавказа».

Что касается действующей на Северном Кавказе администрации ВСЮР, то им предлагалось «передать состоящие в их ведении дела правительству Союза Горцев Северного Кавказа по мере образования последним соответствующих органов власти». Эрдели планировал создать Совет горцев Северного Кавказа при Главноначальствующем, в который вошли бы выборные представители от каждого народа. В свою очередь, руководивший действиями антиденикинских повстанцев «Комитет обороны Республики Горских народов Северного Кавказа» выдвигал условие «нейтралитета» в отношениях с Добрармией – признание «полной независимости» республики, переселение терских станиц Сунженской линии и образование Ингушского, Чеченского, Кумыкского «кантонов» (Северный Кавказ предполагалось сделать «второй Швейцарией»)¹⁶⁶.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 215. Л. 1; Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 45, 106–107.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 250. Лл. 15–16; Ф. 5827. Оп.1. Д. 165. Лл. 1–3; Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 74, 111–112; Русское

По мнению терского атамана Вдовенко, распоряжение Эрдели не принесло ожидаемого результата. В условиях стремительного наступления РККА и столь же быстрого отступления ВСЮР горские съезды просто не успевали собраться, и в конечном счете власть была передана не Союзу Горцев, а городскому самоуправлению Владикавказа, некоторое время спустя замененному Владикавказским ревкомом (Совет горцев заявил о признании Горской республики частью РСФСР). Аналогичным образом по решению Правителя Кабарды князя Бековича-Черкасского полнота власти, после ухода белых войск из Нальчика, была передана городскому голове. Большая часть отступивших в Грузию войск и беженцев (около 7 тысяч человек) была размещена в г. Поти и его окрестностях, а затем эвакуирована в Крым. Выхавшие же в Грузию Правители Дагестана, Ингушетии, Осетии и Кабарды (Халилов, Мальсагов, Хабаев и князь Бекович-Черкасский) были арестованы «за измену своим народам» и сотрудничество с Главным Командованием ВСЮР (но позднее освобождены)¹⁶⁷.

Решения в области национальной и внешней политики оказались первыми и последними официальными действиями Южнорусского правительства. Жизнеспособность его оказалась небольшой. После окончательного крушения белого фронта на Кубани и эвакуации южнорусской власти из Новороссийска в Крым, 17 марта 1920 г. в Феодосии Деникин подписал один из своих последних приказов. Вследствие «сокращения территории», занимаемой ВСЮР, Главком «признал необходимым... упростить организацию гражданского управления». Совет министров был упразднен, и вместо него министр финансов Бернацкий получил распоряжение «организовать упрощенное и сокращенное численно деловое учреждение, ведающее делами общегосударственными и руководством местных органов» (в политическом обиходе его стали называть «деловой кабинет», или «кабинет Бернацкого»).

Этот последний шаг Деникина в области «гражданского управления», как правило, оценивается лишь в контексте его действий в условиях «развала фронта и тыла» как проявление «политического тупика». На самом деле одновременно с роспуском Южнорусского правительства Деникин подтверждал в этом приказе два принципиально важных момента. Во-первых, напомнил о незыблемости политических позиций, озвученных 16 января (тем самым показывая, что не собирается отречься от лозунгов «широкой автономии», «законосовещательного представительного учреждения» и передачи «земли крестьянам и трудовому казачеству»). Во-вторых, отдельным пунктом в приказе говорилось о «преобразовании местной власти Крыма» с «привлечением к участию в ней избранных представителей местной области». Показательно, что Симферопольская городская дума приняла участие в избрании делегатов в Законодательную Комиссию, выдвинув двух гласных и утвердив «наказ» Комиссии, основанный на принципе «единая, демократическая Россия»¹⁶⁸. В этом видна готовность Деникина к созданию «представительного фундамента» белой власти, образуемой на основе выборных структур. Данная позиция не противоречила его более позднему утверждению, что «только военная диктатура (или, как было принято утверждать на белом Юге, «национальная диктатура». – *В.Ц.*) ... могла с надеждой на успех бороться против диктатуры коммунистической партии...», а «рассредоточение и ослабление верховной власти внесет огромные трудности в дело борьбы и строительства в будущем»¹⁶⁹. Эта, очевидно «левая», политика стала своеобразным «политическим завещанием» новому Главкому ВСЮР генералу Врангелю, осуществлявшему данный лозунг на практике по формуле «Левая политика – правыми руками» на основе земской реформы. По мнению самого Мельникова, решение о ликвидации правительства было принято Деникиным неожиданно, во многом под влиянием той обстановки, в которой и сам

дело. Омск, № 11, 18 октября 1919 г.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 165. Л. 2; Ф. 5881. Оп. 1. Д. 534. Л. 34; Д. 719. Лл. 157, 163; Ф. 5911. Оп. 1. Д. 1 г.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 747. Л. 89 об.; Организация власти на Юге России. Указ. соч., с. 250–251; П. Б. Городское самоуправление в Крыму в 1919 и 1920 гг. // Местное самоуправление. Вып. 1. Прага, 1925 г., с. 268–269.

¹⁶⁹ Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Указ. соч., с. 200–201.

Главком, и его министры оказались в Крыму. Еще накануне эвакуации, в Новороссийске, Деникин «решительно заявлял», что правительство должно продолжать работу и после оставления Кубани, а министры, прибывшие в Крым, надеялись на поддержку со стороны местного земско-городского самоуправления. Позднее, в эмиграции, Мельников отмечал «трагическое одиночество» генерала Деникина. «Прогрессивно настроенный, бывший в интеллектуальном и моральном отношении неизмеримо выше своего окружения, всей создавшейся обстановкой А. И. Деникин вынужден был опираться на людей, проникнутых узкими интересами класса. Все его руководящие указания наталкивались на упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа и их вопиющей необходимости»¹⁷⁰.

Но в Крыму действовал достаточно жесткий режим военного управления, поддерживаемый переехавшим сюда из Одессы Главноначальствующим Новороссийской Области генерал-лейтенантом Н. Н. Шиллингом и командиром 3-го армейского корпуса ВСЮР генерал-майором Я. А. Слащовым (в отсутствие Шиллинга Слащов был вр. и. о. Главноначальствующего). В основе действий военных лежал все тот же принцип «Положения о полевом управлении войск», ярко выраженный фразой Слащева «никогда не позволю тылу диктовать фронту». Эта позиция проявилась, например, в отношении к расстрелу по вторичному приговору военно-полевого суда 14 арестованных членов подпольного Севастопольского ревкома. Подсудимые были дважды осуждены за одно и то же преступление судами одного уровня (военно-полевыми), без права обжалования приговора. Такое нарушение юридических норм вызвало со стороны премьера Мельникова и министра внутренних дел Зеелера протест, категорически отклоненный Слащовым, получившим в этом поддержку и от Шиллинга, скептически оценивавшего полномочия новых «министров»¹⁷¹. Очевидно, что военные условия требовали «прочности тыла», пусть даже и ценой жестких мер, но Южнорусское правительство, провозгласившее восстановление законности и «демократическую» программу, не могло согласиться с подобными действиями военных. Мельников считал, что «если компетенция военной и гражданской власти не будет строго разграничена, то правительству делать нечего». В свою очередь, было очевидно, что крымский генералитет не намерен считаться с прибывшими из Кубани «демократами» («Я не юрист, но поступок генерала Слащева, ввиду исключительных обстоятельств и серьезности обстановки, нахожу правильным», – гласил ответ Шиллинга на запрос Зеелера). Формально полномочия правительства стали пересекаться с полномочиями военной власти после того, как приказом № 159 от 14 марта 1920 г. Шиллинг объявил «весь Крым на военном положении» и, следовательно, сосредоточил у себя всю военную и гражданскую власть, игнорируя Южнорусское правительство.

Следуя указаниям Главкома, правительство начало переговоры с представителями крымского самоуправления, сторонниками «разделения военной и гражданской власти». В этой обстановке и был получен приказ Деникина о расформировании правительства. Выехавшие из Севастополя в Феодосию министры встретились с Бернацким. Он предложил Мельникову и Чайковскому остаться в «деловом кабинете» на должностях министра юстиции и министра иностранных дел соответственно (при этом Чайковскому предлагалось вернуться в Париж), но получил отказ. Разочарованные решением Деникина, министры вышли в отставку, правда, заверив Бернацкого на последней встрече (20 марта) в готовности снова войти в «правительство из общественных деятелей» с «демократической программой, отвечающей нуждам населения». Вариант «делового кабинета» – «канцелярии при Главнокомандующем» – не устраивал уже никого.

¹⁷⁰ Крымский вестник. Симферополь, № 58, 12 марта 1920 г.; Раковский Г. Н. Указ. соч., с. 268–269; Мельников Н. М. О генерале Деникине. Поправка к статье Е. Ковалева о рейде генерала Мамонтова // Родимый Край, № 29. Париж, 1960, с. 30.

¹⁷¹ Краснов В. М. Указ. соч., с. 162–163; Раковский Г. Н. Указ. соч., с. 271; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 747. Лл. 77–77 об., 86–87 об., 89; Вечернее время, № 46, 14 марта 1920 г.

Ограниченность территории и «военная катастрофа» были, по мнению Мельникова, главными причинами неудач. Но он верил, что его правительство «смогло бы справиться с своей задачей... существовало бы при занятии (вторичном освобождении от большевистской власти. – В.Ц.) Ставропольской, Воронежской, Харьковской губерний, где... могло бы развернуться и легко бы осуществило свою демократическую программу»¹⁷². Многие считали, что Главком нарушил условия им же самим одобренной «Конституции Юга России», отправляя правительство в отставку единоличным решением. Не случайно приехавший в Крым Чайковский прямо называл действия Деникина «переворотом»¹⁷³. Но еще до этого раньше феодосийского «переворота» на путь разрыва отношений с Главным Командованием встала радикальная часть депутатов Верховного Круга. На состоявшемся 22 февраля частном Совещании председатель Круга Тимошенко заявлял о бесперспективности дальнейшего сотрудничества с Деникиным: «Не видно просвета, по которому можно было бы судить, что мы на пути к выздоровлению, к строительству новой свободной жизни на новых началах». Его заместитель, полковник Гнилорыбов, жаловался на отсутствие среди населения какой-либо информации о решениях Круга, о тех переменах в политическом курсе, которые были сделаны в конце января 1920 г.¹⁷⁴

Но новое правительство, в условиях кризиса на фронте и в тылу, не имело возможностей приступить к деловой работе (7 февраля состоялось первое заседание правительства в Екатеринодаре, а дела Особого Совещания новые министры приняли только 21–22 февраля). Декларация Южнорусского правительства была принята за день до возобновления работы Круга, который, не дожидаясь созыва Законодательной Комиссии, рассчитывал взять на себя полномочия законодательной власти¹⁷⁵. Опубликованная в прессе «Декларация» была довольно пространной, но в целом содержала все основные положения «смены курса». Кредо власти выражалось в «восстановлении русской государственности через Учредительное Собрание на началах всенародного представительства и ответственности власти». Земельный вопрос следовало разрешить, сохраняя «в полной неприкосновенности» «мелкую земельную собственность», а остальная земля, «чья бы она ни была, превышающая определенную норму, немедленно и в полном объеме» должна была «поступить в распределение между нуждающимися». В рабочем вопросе предполагалась правительственная поддержка профсоюзов и кооперативов, а «городское и земское самоуправление будут установлены на началах всеобщего голосования». При краткости заявлений о «защите религии», «развитии новых культурных и образовательных учреждений» почти половина декларации была посвящена внешней политике и национально-государственному устройству. Признавалось «преемство» в отношениях с «великими западными демократиями и с великой Заатлантической Республикой, спаянной с Россией общей борьбой за истинную свободу и справедливость». Подчеркивалась важность «славянского единения» с Польшей и Сербией. Безусловно решенным считался вопрос о «признании фактического существования Правительств Окраин, ведущих борьбу с большевиками». А взаимоотношения России с Окраинными правительствами предполагалось построить «путем договора Общерусского Правительства с Окраинными Правительствами, причем допускается посредничество Союзных Держав» (то есть полностью повторялись указания Мак-Киндера, заявления Верховного Круга и самого Главкома). Помимо декларативных заявлений считалось также возможным «учреждение при Правительстве Юга России центрального органа по закавказским делам», что, несомненно, усиливало бы коалиционный характер правительства¹⁷⁶.

¹⁷² Там же, с. 277–278.

¹⁷³ Там же, с. 277.

¹⁷⁴ Трагедия казачества. Указ. соч., с. 277.

¹⁷⁵ Мельгунов С. П. Указ. соч., с. 204.

¹⁷⁶ Свободная Речь. Новороссийск, № 289, 1 марта 1920 г.; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.1. Д. 719. Л. 30.

Гораздо конкретнее выразился о «смене курса» Чайковский: «Правительство полно веры в неизбежное торжество среднего политического течения, выраженного в трех словах: Народоправство, Земля – народу и Федерация». Интересно, что еще летом 1919 г. в частном письме бывшему члену Директории генералу Болдыреву он так обосновывал основы политического устройства Белого дела: «При настоящих условиях гражданской войны возможна только одна форма власти: только власть военного командования рядом с более или менее обособленным и самостоятельным гражданским управлением, состоящим из людей, пользующихся доверием населения, обслуживающим военную власть всеми тыловыми и военными функциями так, чтобы военная власть могла всецело посвящать себя операционным задачам и не вмешиваться в гражданское управление». Военная власть становится «единственной реальной силой, которая провозглашает демократическое государство и Учредительное Собрание», и это позволяет признать даже временные ограничения свобод, если таковые продиктованы необходимостью военных успехов (письмо от 14 июля 1919 г.). Военная диктатура и общественность должны не противостоять, а сотрудничать¹⁷⁷.

Но депутаты Круга не были настроены на конструктивное сотрудничество. 3 марта 1920 г., несмотря на отсутствие кворума (терская делегация на заседании отсутствовала, а из оставшейся части около половины депутатов были «против»), Верховный Круг вынес решение: «Принимая во внимание, что борьба с большевиками велась силами в социально-политическом отношении слишком разнообразными и объединение их носило вынужденный характер..., последняя попытка... сгладить обнаруженные дефекты объединения не дала желательных результатов..., считать соглашение с генералом Деникиным в деле организации Южнорусской власти не состоявшимся». Представители исполнительной власти («атаманы и правительства») освобождались «от всех обязательств, связанных с указанным соглашением». Превышая собственные полномочия, Круг вмешивался в военное управление, освобождая вооруженные силы Дона, Кубани и Терека от подчинения Главкому ВСЮР. Круг должен был «немедленно приступить к организации Союзной власти на основах постановления от 11 января 1920 г.» (то есть южнорусская власть возвращалась к состоянию начала переговоров в Тихорецкой и продолжала строиться на фундаменте «представительной демократии»)¹⁷⁸. После этого вряд ли можно было считать действия Деникина «переворотом», ведь Круг разрывал договор в одностороннем порядке, и нелегитимными становились все структуры управления, созданные в результате соглашения Главного Командования и казачества.

Данный акт, принятый под давлением исключительно кубанских депутатов – «самостийников», был, по существу, «шагом назад» в развитии конституционно-правовых норм южнорусского Белого движения. Это было решение в пользу создания отдельного «казачьего государства», безусловно, дорогого для «самостийников», но замкнутого в границах сугубо казачьих областей, лишенного перспектив сотрудничества с общероссийской властью, хотя бы и на основе создания «союзного государства». Правда, ничего, кроме декларативного заявления о «разрыве отношений», Верховный Круг принять не смог. Через день после этого «исторического решения» депутаты разъехались из Екатеринодара, и больше Верховный Круг не собирался. Терская фракция Круга заявила о «необязательности для себя и Терского Войска» решения о «разрыве», принятого «на основе ложных «сообщений» (слухов) о позиции Главного Командования. Следует отметить, что ради дискредитации идеи соглашения с Главкомом Тимошенко не остановился перед прямым подлогом. Поскольку 2 марта Верховный Круг не принял решения «о разрыве с Главнокомандующим... до выяснения результатов совещания старших военных начальников», то на следующий день Тимошенко заявил, что им получены сведения о прошедшем совещании и об отрицательном отношении к Деникину со стороны

¹⁷⁷ Крымский вестник. Симферополь, № 58, 12 марта 1920 г.; Болдырев В. Г. Указ. соч., с. 544–545.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 115. Оп.2. Д. 37. Л. 1; Трагедия казачества. Указ. соч., с. 305–307.

руководства Донской и Кубанской армий (начальника штаба Донской армии генерал-лейтенанта А. К. Кельчевского, военного министра Кубанского правительства генерал-лейтенанта Л. М. Болховитинова, генерал-майора В. И. Морозова и др.), требовавшего «смены командования». Генералы якобы просили также Верховный Круг порвать договор с Главкомом. «Под влиянием этого заявления» Круг «вынес постановление об аннулировании соглашения». Однако уже 4 марта, после эвакуации Екатеринодара, делегаты донской и терской фракций узнали от самого командующего Донской армией генерал-лейтенанта В. И. Сидорина, что «никакого совещания старших военачальников, о котором говорил Тимошенко, не происходило, и поэтому решение о замене генерала Деникина не могло быть вынесено». В результате терская фракция опротестовала вышеупомянутое постановление, тогда как командование казачьих армий подтвердило свое подчинение Главкому ВСЮР¹⁷⁹. Южнорусское правительство оказалось в положении «между двух огней», из-за необходимости, во-первых, создания работоспособного аппарата управления (что невозможно было бы сделать без сотрудничества с Главным Командованием) и, во-вторых, обязанности руководствоваться в своих действиях с решениями законодательных, представительных структур южнорусской власти, ставших в оппозицию к Деникину. В создавшихся условиях «феодосийский переворот» оказался в определенной степени «спасением» Южнорусского правительства не только от «генеральского произвола» Шиллинга и Слащова, но и от политической ответственности. Начинался последний, «крымский» период в истории Белого движения на Юге России, требовавший как новых лидеров, так и новых исполнителей.

Глава 6

Итоги политико-правовых преобразований в системе управления белого Юга России в ноябре 1919 г. – марте 1920 г.

Рассматривая эволюцию политической программы южнорусского Белого движения за период ноября 1919 г. – марта 1920 г., нельзя не отметить ее особенной скоротечности, кратковременности. За довольно сжатый промежуток времени произошла смена нескольких моделей политической власти. Перемены «военного счастья» на фронте, изменения во внешнеполитическом положении Белого движения, очевидные ошибки в способах проведения земельной, рабочей политики – все это не могло не вызвать перемен и в политическом курсе, и в структурах аппарата управления.

Первый этап этой «эволюции», начавшийся со времени отступления ВСЮР от Орла и Курска (ноябрь 1919 г.), происходил на «административном» уровне, путем расширения прав Особого Совещания, придания ему «правительственного» статуса. Это был наиболее безболезненный путь, позволявший сохранить практически неизменной сложившуюся систему власти и продолжить принятый политический курс. Повсеместно укреплялась исполнительная «ветвь» власти, даже с помощью насилия («кубанское действо») и пересмотра конституционных актов (Конституция Кубани). Окончанием данного этапа стало падение столиц белого Юга – Новочеркасска и Ростова-на-Дону – и отступление ВСЮР за Дон и Маныч. Как в белой Сибири падение Омска способствовало политическим переменам, так и на Юге, после отхода на Кубань, аппаратные преобразования, проведенные по инициативе Деникина, стали представляться недостаточными. Реформирование должно было затронуть уже всю политическую систему, и прежде всего слабую во всех белых регионах представительную-законодательную власть. Эволюция «национальной диктатуры» в южнорусскую власть, построенную на основе «разделения полномочий» между военными и гражданскими структурами, введе-

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 5827. Оп.1. Д. 110. Лл. 1–2; Трагедия казачества. Указ. соч., с. 336, 341–342; Великая Россия. Севастополь, № 98, 28 августа 1920 г.

ния «парламентаризма» и «ответственного министерства», стала возможной благодаря также воздействию со стороны казачества, известного своими демократическими традициями самоуправления. Система, основанная на выборности органов власти (от станичных до краевых), на представительстве «от земли» (как тогда говорили), многими считалась образцовой для создания аналогичных структур самоуправления и в «неказачьих» землях. Только со стороны могло показаться, что южнорусская власть отказалась от всероссийского статуса, замыкаясь в узорегиональные рамки казачьих областей и оставшихся под контролем ВСЮР губерний. Передача Колчаком своих полномочий Деникину хотя и не афишировалась широко, но укрепляла белый Юг, придавая ему качества нового центра всероссийского «антибольшевистского сопротивления».

В политико-правовой истории Белого движения нельзя не отметить перспективы создания на основе южнорусской власти будущей Всероссийской власти. Взаимодействие с государственными структурами казачества придавало этой модели больше демократизма, хотя это и не привело к улучшению положения на фронте и в тылу. Еще на ноябрьской 1919 г. сессии Кубанской Краевой Рады (заседание 6 ноября 1919 г.) говорилось, что «в интересах борьбы за возрождение Единой, Великой и Свободной России должна быть образована общая государственная власть на Юге России с сохранением для Кубани, Дона и Терека широких прав по устройению их внутренней жизни»¹⁸⁰. Определенно высказался по этому поводу Верховный Круг, провозгласивший «восстановление русской государственности через Учредительное Собрание на началах всенародного представительства и ответственности власти». Таким образом, южнорусская модель была нацелена на осуществление идеи союза, создаваемого на основе соглашения фактически суверенных образований; это был путь не к федеративному, а к конфедеративному соглашению, с еще большими правами договаривающихся субъектов¹⁸¹.

Примечательно, что на состоявшемся сразу же после выступления Деникина 12 января 1920 г. частном совещании членов Круга обсуждались не только элементы «южнорусской власти», но и основы создания будущего «союзного государства», в частности, тезис о «создании общегосударственной власти по принципу соглашения». Значительных разногласий среди участников совещания в отношении конкретных структур управления не возникало. Предполагалось «создание общегосударственного народного представительного органа с законодательными правами», при этом «общегосударственная власть во главе с генерал-лейтенантом Деникиным» должна была стать «ответственной перед законодательным органом». Всероссийское Учредительное Собрание должно было стать «высшим будущим законодательным органом всей России» (предложения депутата Г. И. Яцкова), а не только учредительно-санкционирующим, как считалось прежде. «Признание национальных образований как факта», «созыв Учредительного Собрания» и «немедленное образование законодательного органа представителей и ответственного перед ним правительства» (предложение председателя Терского правительства В. И. Абрамова). Необходимыми признавались «немедленные» земельная и рабочая реформа на основаниях «земля – трудовому народу», «8-часовой рабочий день», «признание профсоюзов»¹⁸².

Принципиально важным был также обсуждавшийся тезис о соотношении южнорусской и общероссийской власти. В этом обсуждении общегосударственные позиции возобладали над краевыми. Тезис «союзная власть Дона, Кубани и Терека и есть южно-русская власть» был отклонен, а большинство Конституционной комиссии приняло тезис «создание союзной власти для Дона, Кубани и Терека не должно исключать возможности создания общегосудар-

¹⁸⁰ Протоколы общих заседаний Кубанской Чрезвычайной Краевой Рады созыва 28 октября 1918 года № 51–72 (заседания с 24 октября по 14 ноября 1919 года). Екатеринодар, 1919, с. 22.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 30. Лл. 2–6.

¹⁸² Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4 по 30 января 1920 года. № 1–17. Екатеринодар, 1920, с. 14–15.

ственной власти, которая может быть образована по принципу соглашения»¹⁸³. Окончательный вариант решения можно было бы назвать «политико-правовой революцией» в истории Белого движения; это решение включало: «1) Образование южнорусской власти на основе народного представительства; 2) Осуществление народного представительства через особый орган с законодательными функциями; 3) Ответственность перед законодательным органом имеющим быть сформированным правительства»¹⁸⁴. По воспоминаниям Челищева, представители Верховного Круга на переговорах в Тихорецкой даже выдвигали идею избрания Деникина «первым президентом республики, состоящей из казачьих областей и всех территорий, как освобожденных, так и могущих быть освобожденными от большевиков». Новгородцев, исходя из столь популярного в 1919 г. принципа приоритета единоличной власти, был убежден, что «Верховная власть, носителем которой является Главнокомандующий, не имеет никаких оснований сговариваться, ибо она может только декретировать». Общегосударственный характер новой власти и ее право «декретирования» отразились и в составленном Новгородцевым для Деникина проекте «Манифеста», основанном на принципе «дарования» конституционных свобод Главкомом: «Вступив в соглашение с казачеством на основаниях, утверждающих общую государственную связь областей, занятых и занимаемых вооруженными силами Юга России, я приказал ныне же образовать правительство, соединяющее эти области. Вместе с сим предположено безотлагательно обсудить начала, на коих должна быть учреждена общегосударственная законодательная палата. В основу вновь создаваемых учреждений кладется тесное взаимодействие властей исполнительной, законодательной и приближение управления к нуждам и желаниям народным. Пусть знают, что отныне их нужды всегда будут в памяти народных представителей... Власть, опираясь ныне на широкое признание общества и не встречая прежних препятствий к осуществлению своих задач, в этом новом своем положении почерпнет основания для укрепления своей силы и веры в правду своего призвания»¹⁸⁵.

Показательно, что новые структуры управления были созданы (хотя и «на бумаге») в течение нескольких дней, тогда как Южнорусская конференция создавала модель власти более полугода. Представительство в структурах южнорусской власти строилось по территориальному, а не сословному или партийно-политическому признаку. Но поскольку новая модель власти утверждалась «сверху», на основе соглашения Верховного Круга и Главного Командования ВСЮР, то и территориальное представительство строилось не на основе новых выборов, а, по существу, на основе делегирования уже работавших в войсковых структурах членов Круга. Основой законодательной власти, представительной системы применительно к «общероссийскому масштабу» становилось представительство от городских собраний, земств и кооперативов, а также от национальных собраний. И все-таки, как справедливо отметил «ветеран» Особого Совещания К. Н. Соколов, «только на бумаге так гладко и просто удавалась «парламентаризация» гражданской власти Главнокомандующего... Практически же представлялось совершенно фантастическим это сочетание полноты высшей командной власти с узко ограниченными прерогативами главы парламентарного государства. За краткостью времени эта беспримерная политическая система испытана не была, но она несомненно таила в себе зачатки недопустимых в боевой обстановке конфликтов. Организация военной диктатуры была в конце концов воспринята всеми нами не в силу особого пристрастия к личному режиму, недостатки которого для всех очевидны, а в силу железной необходимости сосредоточения власти в условиях гражданской войны»¹⁸⁶.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 4. Л. 182; Трагедия казачества. Указ. соч., с. 115–116.

¹⁸⁴ Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4 по 30 января 1920 года. № 1—17. Екатеринодар, 1920, с. 15.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6611. Оп.1. Д. 1. Л. 403–405; Д. 4. Лл. 194–195; Астров Н. И. Воспоминания // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». Ф. 7. Д. 12. Лл. 91–92.

¹⁸⁶ Соколов К. Н. Указ. соч., с. 250.

Не подлежит сомнению, что четкая, жестко организованная система управления фронтом и тылом способствовала бы максимально эффективному управлению, а отказ от «диктаториального принципа» в условиях военных действий не только препятствовал оперативному решению практических задач, но способствовал росту разногласий и политической конфронтации между различными группами и структурами антибольшевистского сопротивления. С другой стороны, отказаться от поддержки «общественности» в любой, даже ограниченной форме можно было бы только с риском полной потери доверия населения к белой власти, потери невосполнимой в условиях гражданской войны. Поэтому во время последнего периода Белого движения на Юге России, в Крыму 1920 г., была предпринята попытка создания оптимальной структуры власти на основе сочетания принципов общественного и единоличного военного управления. При этом политическая программа и политическая модель управления в белом Крыму все-таки были основаны во многом на том, пусть и незначительном, опыте преобразований, имевшем место в первые месяцы 1920 года на Кубани и Северном Кавказе. Это относилось прежде всего к элементам представительства на уровне исполнительной власти и к принципам федеративного, или даже конфедеративного, устройства будущей российской государственности.

Раздел 3

Эволюция политического курса на белом Севере России в 1919–1920 гг

Глава 1

Перемены в управлении, попытки создания представительной власти (региональный опыт и влияние Российского правительства).

Для Северной области с середины 1919 г. весьма важным становилось получение поддержки внешних сил, заинтересованных в сохранении области в качестве важного звена в цепи белых фронтов, окружавших центр Советской России. В течение 1918 – первой половины 1919 г. основная поддержка фронта и области осуществлялась иностранными государствами, направившими свои воинские контингенты в этот регион. Поражение союзного гарнизона под Шенкурском в феврале 1919 г. стало серьезным свидетельством слабости военного участия союзников. После принятия (апрель 1919 г.) Высшим Военным Советом Антанты решения о выводе иностранных войск из Архангельска до начала зимы 1919/20 г. главным внешним фактором, поддерживавшим существование Северного фронта, стало Российское правительство в Омске, власть которого была признана Правительством Северной области и к расширению контактов с которым стремились военные (через установление единого фронта Сибирской и Северной армий) и политики. План наступления для установления контактов с армиями Колчака и «прямого коридора» снабжения сибирских войск обмундированием, вооружением и боеприпасами из союзных складов на Севере России был разработан при непосредственном участии Главнокомандующего союзными войсками генерала Айронсайда.

Несмотря на большую вероятность «ухода» союзников с Северного фронта, после окончания Первой мировой войны военно-политическое руководство белого Севера все же надеялось, что это произойдет не раньше чем будут достигнуты окончательные успехи на фронте. На совещании, которое состоялось в Архангельске 16 августа 1919 г., присутствовали высшие воинские начальники русских и союзных войск. Прибывший из Великобритании лорд Роулинсон сделал доклад, в котором заявил о необходимости эвакуации всего Архангельского фронта и сосредоточения русских войск на Кольском полуострове для обороны Мурманского фронта и незамерзающего порта (если это будет возможно). Еще 4 августа 1919 г. в своей телеграмме Колчаку Миллер отмечал готовность «перевести весь офицерский до 900 человек и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество на другой фронт, к Деникину или даже, может быть, в Сибирь», поскольку «создание войск в Северной области имело целью не защиту области от большевиков, а участие с наибольшей пользой в борьбе с большевиками для восстановления Единой России, то решение вопроса зависит от общего положения на двух фронтах». На полученное от Маклакова «предложение англичанам эвакуироваться через Петроград» (то есть посредством участия в общих операциях с Северо-Западным фронтом) генерал Айронсайд ответил «хохотом»¹⁸⁷. Перемена отношений к белому Северу проявилась со стороны союзников и в заметном сокращении снабжения. В разгар «похода на Москву» ВСЮР Черчилль отмечал, что «всякие дополнительные запасы для Архангельска могут быть отправлены только в ущерб запасам, предназначенным Английским Правительством для Деникина». Особенно остро для Северного фронта стоял вопрос о снабжении артиллерийскими орудиями и снарядами, а также продовольствием, которого катастрофически не хватало. Союзные подразделе-

---

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 6094. Оп.1. Д. 28. Лл. 8–9; Ф. 17. Оп.1. Д. 13. Л. 183.

ния были выведены из Северной области к 20 сентября 1919 г. («до начала ледостава на Белом море»). К 26 сентября «ни одного союзного солдата не было в Архангельске». Вооружение и снаряжение, «непригодное для эвакуации» (главным образом аэропланы, автомобили и боеприпасы), было, по решению союзного командования, затоплено в Северной Двине, однако российские водолазные группы смогли спасти значительное количество патронов и снарядов¹⁸⁸.

К чести русского генералитета все предложения «помощи в эвакуации» со стороны союзников были отвергнуты. Было решено «продолжать борьбу», но при этом создать хотя бы видимость «союзнической поддержки». Выдвигались планы «вербовки добровольцев» в Европе. Предполагалось формирование шведской добровольческой бригады, датского, сербского добровольческих отрядов. Тем не менее к началу осени 1919 г. стала очевидной опора исключительно на внутренние людские и материальные ресурсы Области. Всем мужчинам до 43 лет было запрещено выезжать из Области. Миллером проводились дополнительные мобилизации: «Мы надеялись удержать фронт и без союзников, тем более что в то время Деникин был у Орла». В октябре было предпринято наступление по линии Северной железной дороги, завершившееся занятием стратегически важного пункта – станции Плесецкой¹⁸⁹. «Опора на собственные силы» стала для Севера не менее актуальной, чем для других белых фронтов. В 1918 г. этот фронт мог иметь решающее значение для «борьбы с большевизмом». Опираясь на него, получая поддержку от Антанты, можно было вести наступление на Москву по линии Северной железной дороги (Архангельск – Вологда – Ярославль – Москва). Но после выступления Чехословацкого корпуса на Востоке и подавления Ярославского восстания летом 1918 г. планы изменились.

Затем приоритет в инициативе наступления перешел к Восточному фронту. В письме Чайковского в Омск, отправленном в конце лета 1918 г., говорилось о планах «продвижения на юг, для занятия Вологды, Котласа, Вятки и Северной железной дороги». Предполагалось занятие этого рубежа, при непосредственной помощи союзников, в течение «14–20 дней». Следующим этапом должно было стать «продвижение наших сил на Пермь и Екатеринбург, где мы надеемся объединиться с чехословаками и Вашими (сибирскими. – В.Ц.) силами и образовать один Восточный фронт, быть может, вдоль Волги». Именно стремление «установить связь» между белым Севером и белой Сибирью стало задачей Пермской наступательной операции, предпринятой по решению Колчака в конце 1918 г. и развитой в ходе наступления Сибирской армии генерала Р. Гайды в марте – мае 1919 г. Не меньшее значение придавало этому командование Северного фронта: «Двинуться в направлении Казань – Вятка с тем, чтобы через Котлас связаться с Архангельском, усилиться оттуда людьми и перекинуть свою базу из Владивостока в Архангельск, чтобы быть ближе к Англии – источнику пополнений военным имуществом». «Огромные военные запасы приготовлены для адмирала Колчака; поэтому главная задача Северной армии заключается в том, чтобы соединиться с армией адмирала Колчака и по установлении этой связи снабдить ее всем необходимым, в чем она так нуждается и недостаток чего составил единственную причину последних временных неудач адмирала» – так определял задачи Северного фронта генерал-лейтенант В. В. Марушевский. «Для Архангельского фронта занятие Вятки, а с ней и Котласа, соединение железной дороги имело первостепенное значение, ... весь корень вопроса лежал в соединении фронтов»¹⁹⁰.

Летом 1919 г. установилось и политическое взаимодействие между Омском и Архангельском. Было разработано «Временное Положение об управлении Северным Краем». Однако его реализация происходила не в «полном соответствии» требованиям Российского правитель-

¹⁸⁸ Айронсайд Кампания на Русском Севере // Военный вестник, № 5, 1927, с. 12; ГА РФ. Ф. 5867. Оп.1. Д. 36. Лл. 4–5; Ф. 6396. Оп.1. Д.11. Лл. 420–420 об.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6094. Оп.1. Д. 28. Лл. 5–5 об.; Ф. 6396. Оп.1. Д.11. Л. 421.

¹⁹⁰ Филатьев Д. В. Указ. соч., с. 52–53; ГА РФ. Ф. 5960. Оп.1. Д. 8а. Лл. 68–69; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 441. Л. 27 об.; Ф. 6873. Оп.1. Д. 90. Лл. 96–96 об.; Русская жизнь. Гельсингфорс, № 97, 2 июля 1919 г.

ства. Отдельные положения данного документа были посвящены организации местного самоуправления. На белом Севере деятельность структур земского и городского самоуправлений была хотя и кратковременной (они были учреждены только в 1917 г.), но активной. Органы самоуправления полностью поддерживали десант союзников в Архангельске, а многие земские деятели работали в составе Верховного Управления Северной области (А. А. Иванов – председатель губернской земской управы, вошедший в состав Управления «без портфеля», С. С. Маслов – деятель Вологодского губернского земства, управляющий отделами военным и земледелия, А. И. Гуковский – председатель Череповецкого земского собрания, управляющий отделом юстиции)¹⁹¹. После «переворота Чаплина» и создания Временного Правительства Северной области (далее – ВПСО) функции земского и городского самоуправлений в формировании внутривластного курса правительства свелись к совещательным. Финансово-Экономический Совет, куда входили представители Архангельского губернского земства и городской думы, работал как консультативная структура – исключительно по вопросам краевого бюджета, ввоза и вывоза товаров из области, организации производства. Но в первую очередь требовалось оказывать поддержку политическому курсу правительства на вооруженную «борьбу с большевизмом», для чего считалось необходимым использовать в этом направлении авторитет местного самоуправления, активнее привлекать эти органы к участию в обеспечении нужд фронта.

Затем весной 1919 г. правительство разработало проект созыва собрания из представителей земств и городов. 26 марта было принято постановление ВПСО, предусматривавшее созыв Совещания на основе выборных из числа гласных земских и городских самоуправлений «по пропорциональной системе» (список делегатов должен был включать не менее четверти гласных уездного земского собрания или городской думы). Предполагалось обсудить различные хозяйственные вопросы: о расширении бюджетных прав земского и городского самоуправлений, о безработице, о медико-санитарном состоянии, о продовольственном деле, свободной торговле и др. 35 гласных делегировали уезды Архангельской губернии и 15 – города¹⁹².

Согласно проекту заседания Совещания должны были начаться в мае. Но по разным причинам открытие откладывалось. Лишь 10 августа 1919 г. Земско-Городское Совещание (далее – ЗГС) было подготовлено к работе. Опубликованное в архангельских газетах «Обращение к населению» от имени городской думы, уездной и губернской земской управ с некоторым сожалением отмечало, что в течение года после ликвидации советской власти «не было лишь близости и взаимного понимания между властью и населением, и преступное равнодушие к судьбам родной области проникало в народную душу». При этом выражалась надежда, что теперь власть и общество будут «связаны узами доверия и понимания» и это позволит «внести в армию веру..., дать армии стойких и честных бойцов». Последнее было наиболее актуальным, поскольку, по словам главы управления внутренних дел Игнатьева, после эвакуации союзников «правительство колебалось». «Было созвано совещание из представителей земства, города, общественности. И здесь восторжествовало мнение, что всем нужно оставаться и продолжать борьбу». Попытки наладить «сотрудничество с общественностью» тем более показательны, если учесть, что еще в начале 1919 г. на Севере (равно как и в других регионах Белого движения) преобладала тенденция усиления военного руководства в гражданских делах. В частности, приказом генерал-губернатора Северной области генерала Миллера (№ 22 от 14 февраля 1919 г.) «на основании п.7 статьи 19 «Правил военного положения» дела «об убийстве», «о наказаниях», «о разбое», «о грабеже», «об изнасиловании», равно как и дела «о сопротивлении распоряжениям Правительства и неповиновения властям (статьи 268–273 Уложения о нака-

¹⁹¹ Вестник Верховного Управления Северной Области. Архангельск, 10 августа 1918 г.; Постановление о земских учреждениях в Архангельской губернии. Архангельск, 1919.

¹⁹² Собрание Указаний и Распоряжений Временного Правительства Северной Области, издаваемое Консультацией при Управляющем Отделом Юстиции. № 11. 15 апреля 1919 г. Ст. 386, с. 7–8.

заниях), «исключались из общей подсудности с передачей к производству военного суда». А уже начатые расследования по данным категориям преступлений также передавались «к производству военного суда». Осенью 1919 г. (в соответствии с приказом № 293 от 25 сентября 1919 г.) в Архангельске вводились особые меры охраны в целях «пресечения... возможности всяких большевистских выступлений в связи с уходом союзников»¹⁹³.

В духе отказа от безусловного приоритета военной власти над гражданской были выдержаны выступления на открытии ЗГС и фактического главы ВПСО Зубова, и генерала Миллера. Они говорили об острой необходимости единства антибольшевистских сил в условиях предстоящей эвакуации союзных контингентов. Снова, как и год назад, заявлялось о политическом единстве тыла как о необходимом условии побед на фронте. И даже несмотря на критическое выступление председателя губернской земской управы эсера П. П. Скоморохова, потребовавшего от правительства немедленной амнистии «политическим заключенным» (арестованным большевикам), в целом работа ЗГС оправдала надежды правительства на «единение власти и общества». Принятая «Грамота воинам Северной армии» гарантировала поддержку правительственному курсу и призывала солдат и офицеров выполнить свой долг в вооруженной борьбе с большевиками. 21 августа, подводя итоги работы, ЗГС приняло резолюцию: «Заслушав заявление Временного Правительства Северной области и принимая во внимание важность и серьезность переживаемого момента, требующего напряжения всех сил, быстроты и решительности в деле организации обороны области и ее внутреннего устройства, земско-городское совещание почитает своим долгом оказать всяческое содействие и поддержку вновь образованной власти в ее работе, в соответствии с началами, указанными земско-городским совещанием»¹⁹⁴.

Совещание пришло к принципиально важному решению о продолжении своей работы во время периодических сессий, созываемых по решению ВПСО и генерала Миллера. Предполагалось «проверять и контролировать деятельность органов правительственной власти не только в центре, но и на местах». Были созданы постоянно действующие контрольные Комиссии: по обороне, по внутреннему управлению и по выработке «Положения о представительном органе». Комиссии получали право запросов к членам правительства по различным вопросам. Таким образом, перед Совещанием открывалась перспектива постепенного превращения в парламентскую законосовещательную структуру. Показательно, что еще 16 августа ЗГС приняло постановление о необходимости «создания представительного органа Северной области», до создания которого Совещание само рассматривает вопросы управления краем и свое мнение доводит до сведения правительства». Позднее комиссией по внутреннему управлению предлагалось расширить полномочия ЗГС вплоть до обязательного предварительного обсуждения всех правительственных постановлений в комиссиях и участия членов Совещания в заседаниях правительства¹⁹⁵. ЗГС в своей работе не исключало участия во внешней политике. В сентябре в Лондон была направлена делегация от Совещания «для правильного информирования» о положении Северной области. Поскольку сессия британского Парламента к тому времени завершилась, то делегации пришлось использовать для пропаганды уличные митинги и добиваться аудиенции в лондонской «Форин-Офис». О необходимости «большей демократичности» власти говорил и генерал Айронсайд («как у нас в Англии»), видевший в этом залог успешной защиты области после вывода оттуда союзных контингентов¹⁹⁶.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 5867. Оп.1. Д. 15. Л. 161; Вестник Временного Правительства Северной Области. Архангельск, 10 августа 1919 г., 25 сентября 1919 г.; Русское дело. Омск, № 13, 21 октября 1919 г.

¹⁹⁴ Вестник Временного Правительства Северной Области. Архангельск, № 185, 23 августа 1919 г.

¹⁹⁵ Там же, № 186, 24 августа 1919 г.

¹⁹⁶ Северное утро. Архангельск, № 18, 21 января 1920 г.; Соколов Б. Падение Северной области. // Архив русской революции, т. IX. Берлин, 1923, с. 37.

Весьма важным итогом работы Совещания можно было считать решение ВПСО и Миллера о реорганизации исполнительной власти. 21 августа 1919 г. правительство, «выслушав мнение делегатов Земского и Городского Совещания», утвердило состав нового правительства. Его характерными чертами стали концентрация власти в руках нескольких управляющих и включение в свой состав представителей земско-городского самоуправления. Председателем правительства оставался Чайковский, вся военная власть и внешняя политика сосредотачивались у Миллера, Зубов оставался заместителем премьера и контролировал весь отдел юстиции, а также финансово-экономический блок – отделы финансов, торговли, промышленности и земледелия (позднее Отдел финансов, торговли и промышленности был передан инженеру Н. И. Каменецкому). И. В. Багриновский совмещал посты начальника Архангельской губернии и управляющего отделом внутренних дел. Впервые после упразднения Верховного Управления Северной области в правительство возвращались «представители общественности» – П. Н. Скоморохов и Е. В. Едовин, правда «без портфелей». Меньшевик К. Г. Маймистов стал управляющим делами правительства и временно исполняющим обязанности по новой должности – инспектора труда. Из состава правительства вышли кадеты – действительный статский советник С. Н. Городецкий (управляющий отделом юстиции), Н. В. Мефодиев (управляющий отделом торговли, промышленности и продовольствия). Последний пункт постановления правительства резервировал место – «избранному от Архангельского Городского Самоуправления и, по одобрении Земским и Городским Совещанием, – представителю Городского Самоуправления»¹⁹⁷.

Казалось бы, столь важное для Края военно-политическое единство наконец достигается, а земство становится основой белой власти, однако в процесс реорганизации управления неожиданно включилось Российское правительство, суверенитет которого признавали и на белом Севере. Переформирование ВПСО совпало по времени с принятием в Омске «Временного Положения об управлении Северным Краем». Это «Положение» хотя и предусматривало создание на Севере некоей представительной структуры, но на основе уже действовавшего Финансово-Экономического Совета при ВПСО и только «для предварительного обсуждения мероприятий общего характера, касающихся хозяйственной жизни Края». Политические вопросы исключались из его компетенции¹⁹⁸.

Показательна эволюция данного совещательного органа. Первоначально, согласно Постановлению правительства от 11 октября 1918 г. и приложенному к нему «Наказу», в Совет направлялись члены Архангельского губернского земства (два представителя) и Архангельского городского самоуправления (один делегат), по одному делегату от объединений производственных кооперативов, Московского народного банка, Комитета Частных банков, Биржевого Комитета Частных банков, Биржевого Комитета Торгово-Промышленного союза, Союза лесопромышленников, Союза поморов-Судовладельцев, Комитета Союза Судовладельцев Северо-Двинского района, Совета Профессиональных союзов и академического Общества изучения Русского Севера. Совет состоял из бюджетной, экономической (определявшей вопросы промышленного развития области, внутренней и внешней торговли), а также финансовой (по вопросам денежного обращения, налогообложения, развития банковского капитала) секций. Обсуждению Совета подлежали «вопросы о временном изменении, дополнении или приостановлении действия существующих законов и правительственных постановлений финансово-экономического характера», «предположения об увеличении государственных доходов в Области», «предположения о развитии производительных сил Северной области», «вопросы касающиеся государственного кредита, внутренней и внешней торговли и

¹⁹⁷ Собрание Указаний и Распоряжений Временного Правительства Северной Области, издаваемое Консультацией при Управляющем Отделом Юстиции. № 20/2. 1 сентября 1919 г. Ст. 543, с. 10.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 5867. Оп.1. Д. 21. Лл. 33–34.

вообще финансово-экономической политики». Председатель Совета мог участвовать во всех заседаниях Временного Правительства «с правом совещательного голоса». Возглавлял Совет известный на Севере лесопромышленник, товарищ управляющего отделом земледелия Н. В. Грудистов. В свою очередь, в работе Совета участвовали заведующие отделами правительства Северной области и генерал-губернатор Области, «а также их заместители, с правом решающего голоса»¹⁹⁹

---

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5867. Оп.1. Д. 23. Лл. 51–58 об.; Д. Вестник Временного Правительства Северной области, № 28, 13 ноября 1918 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.